

СОЧИНЕНІЯ

АЛЕКСѢЯ РЕМИЗОВА

Томъ Восьмой

Издательство Шиповникъ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

СОЧИНЕНІЯ

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

РУСАЛЬНЫЯ ДѢЙСТВА

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

П О С В Я Щ А Ю

С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

РУСАЛЬНЫЯ ДѢЙСТВА

БЪСОВСКОЕ ДѢЙСТВО.

Представленіе въ трехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ и эпилогомъ.

Дѣйствующія лица.

Животь.

Нѣкій Подвижникъ, закопавшійся въ пещерѣ, онъ же Оруженосецъ Живота.

Смерть.

Демонъ Аратырь.

Демонъ Тимѣлихъ.

Ангель Хранитель.

Ангель Смерти.

Привратникъ Ареѳа.

Страсный братъ Евстратій.

Грѣшная Дѣва, она же мазка—Турица.

Туръ,

Медвѣдь,

Кобылка,

Волкъ,

Странникъ.

} маски.

Три чорта,—два наряженныхъ ангелами, а третій—Главнымъ.

Время дѣйства.—Съ вечера Прощеннаго воскресенья до Свѣтло-Хридова воскресенія.

Мѣсто дѣйства.—У пещеры и въ аду.

Прологъ.

Лысое поле. Распутье. Нараспутъ большой лысый камень. Начало звѣздной ночи. Слѣва съ широкой дороги выѣзжаетъ Животъ — храбрецъ и богачъ, наслаждающійся красотами міра и не думающій о смерти и будущемъ судѣ. Его окованный конь звѣровидецъ. За Животомъ слѣдуетъ глѣшій юноша—Оруженосецъ.

СЦЕНА I.

Животъ, Оруженосецъ, Смерть.

Животъ, размахнувшись мечомъ, разсѣкаетъ камень. Конь сталь.

Животъ.

Вызывающе.—Есть ли на свѣтѣ, на всей поднебесной, кто могъ бы возстать противъ меня и сразиться со мной, царь

или звѣрь?—Подумавъ, дерзко. — Если бы въ землѣ утверждено было кольцо, я поворотилъ бы землю и весь свѣтъ. А будь на небо лѣстница, я перебилъ бы всю поднебесную грозную силу!

Смерть възжаетъ, крадучись. Лице у Смерти человѣчье, обликъ же весьма страшенъ. На ней навѣшано много разнаго рода орудій казни: серпы, ножи, бритвы, веревка; за плечами коса.

Ж и в о т ь.

Вдругъ ее видитъ. — Кто ты, страшный, полный червей? Что за баба, что за пьяница?

С м е р т ь.

Остановилась, какъ вкопанная. — Не знаешь меня?—Помолчавъ, гордо. — Я та, что никого не боится и все побѣждаетъ, я та, что любить всѣхъ равно и никого не щадить.

Ж и в о т ь.

Сверху внизъ. — Откуда ты? чего отъ меня хочешь? Я по боюсь тебя.

С м е р т ь.

Мрачно. — Я изъ нѣкоего царства, развѣзжаю по полю, по городамъ и селамъ, такъ и ѣзжу изъ царства въ царство и истребляю все, что рождено. — Помолчавъ немного. — Я хочу сокрушить тебѣ сердце.

Ж и в о т ь.

Задѣтый, заносчиво. — Я силенъ, славенъ и смѣлъ, я бился на многихъ ратяхъ, я побивалъ полки, я прогонялъ и ста-

вплъ королей. Поле Сорочинское поперекъ прошелъ, поле Куликово съ угла на уголокъ, всю Москву изъ конца въ конецъ, я весь свѣтъ изъѣздилъ, я покорилъ все народы и нигдѣ не нашелъ себѣ равнаго,—никого, кто бы могъ возстать противъ меня и сразиться со мной. Страхъ отъ меня сталъ на всю землю, я—Животъ.—Презрительно.—А ты—одна, а конь твой отъ голода падаетъ. Я пощажу твою хвастливую старость, бѣги!

Смерть.

Невозмутимо. — Я состарилась многолѣтнею старостью и конь мой старъ и хилъ, я не хороша, не красна и одна, но хорошихъ, красивыхъ и сильныхъ, молодыхъ или старыхъ, все равно, я — одна — неотвратимая побѣждаю, и ни одинъ человекъ до сихъ поръ не уходилъ отъ меня, и никому никогда не уйти.

— Слыхалъ ли ты когда-нибудь про Смерть?

Животъ.

Хвастливо. — Эй! не мало я видѣлъ отъ моей руки смерть многихъ людей.

Смерть.

А что себѣ часшь?

Животъ.

Увѣренно. — Быть всегда сильнымъ и славнымъ, царствовать надъ всею землей.

Смерть.

Какъ будто жалѣя. — Слушай, безумный: все надежды — пустыя. Что твоя сила и слава? — Какъ приду, такъ и возьму.

Ж и в о т ь.

Разъяренный. — Что-жь! выходи — ты съ своею кривою косою и съ червивымъ оружіемъ, я стану вотъ съ этимъ мечомъ.

С м е р т ь.

Какъ вихрь.—Оружіе мое увидишь окровавленнымъ надъ собой.

Ж и в о т ь.

Поднимая мечъ. — Я угрозы не боюсь. Я готовъ.

С м е р т ь.

Стой!—Подъ твоими ногами лежитъ много людей, царя богатыри. Меня никто не осилилъ, со мной никто не справился—самъ Господь Иисусъ Христосъ изволилъ вкусить — и сколько народа родилось послѣ Адама, я всѣхъ прибрала и всѣхъ приберу, я—твоя смерть. — Взмахиваетъ косою.

О р у ж е н о с е ц ь.

Сначала поддакивавшей головой и руками своему господину и вмѣстѣ съ тѣмъ все больше робѣвшей, бросаетъ оружіе и прячется за обломкомъ камня. — Тутъ пропадешь!

Ж и в о т ь.

Отстраняясь. — Коси своею косою траву и болото, а за что меня хочешь косить?—Геряется.—Я тебя не ждалъ,—я не посылалъ за тобою,—ты меня не знаешь.

С м е р т ь.

Какъ паукъ. — Пѣтъ, ужъ я отъ себя не отпущу.

Животъ.

Немного овладѣвая собой.—Мечъ у меня остръ, но я биться съ тобой не хочу, давай жить по душамъ, вмѣстѣ, ты — Смерть, я — Животъ. Кто болѣе насъ?—Роняетъ мечъ.

Смерть.

Хочешь ты или не хочешь, я отъ тебя не уйду.

Животъ.

Хватаюсь за послѣднее спасеніе. — Госпожа моя Смерть, есть у меня золото, — я отдамъ тебѣ золото, есть у меня власть, — я отдамъ тебѣ власть, есть у меня слава — все бери, только отпусти меня.

Смерть.

Холодно.—Я не боюсь ни сильныхъ, ни богатыхъ. Я беру при пути, при дорогѣ. Я беру на пиру и дома. Въ мірѣ все можно купить, можно купить человѣка съ душой и съ сапогами, меня, — никогда. Я не нуждаюсь, я не собираю богатствъ, — да если бъ и собирала, не хватило бы мѣста, гдѣ ихъ класть. — Тайнымъ гласомъ то-свѣтнымъ. — Азъ есмь горестное имя, азъ есмь плачь, азъ есмь пагуба всѣмъ человѣкомъ, азъ есмь смерть!

СЦЕНА II.

Животъ, Смерть, Аратырь, Тимѣлихъ, Ангелъ хранитель и Ангелъ смерти.

Изъ ада влѣзаетъ демонъ Аратырь, пребы-

вавшей денно и нощно съ Животомъ. Въ рукахъ у Аратыря желѣзный крюкъ и свитокъ, гдѣ записаны грѣхи Живота: Аратырь приготовился брать душу. Другой демонъ Тимѣлихъ, который растолкалъ Аратыря соннаго и утомленнаго, и во время пренія Живота со Смертію расчесывалъ и пригладивалъ Аратырю хвостъ и подтачивалъ когти, подмель теперь полъ и сталъ перебирать оковы,—этими оковами связываютъ демоны человѣчскія души. Одновременно съ появленіемъ на землю Аратыря спускаются съ неба два ангела: Ангелъ хранитель со свиткомъ и Ангелъ смерти съ трезубцемъ,—съ трезубца каплетъ ядъ. У Ангела хранителя лицо мечельно.

Аратырь.

Развернулъ свой свитокъ. — Смотри! Дѣло безспорно. Я съ нимъ день и ночь возился.

Ангелъ хранитель.

Унылъ отхожу. Ему не будетъ прощенія, ни милосердія, ни блаженства.—Отоходить въ сторону, плача.

Ангелъ смерти.

Отъ суда Божія никто не дѣнется. Мой ядъ подобенъ желчи.

Животъ.

Слѣзаетъ съ коня, на колѣняхъ. — Госпожа моя Смерть, ты одна — ты одна справедлива, пощади! отврати отъ меня гнѣвъ свой! я не готовъ! дай мнѣ покаяться! дай мнѣ сроку—дай мнѣ жизни... пожить одинъ день —

Ангелъ смерти.

Косецъ, коси свой плоды!

Смерть.

Нѣтъ.

Животъ.

Одинъ часъ —

Ангелъ смерти.

Косецъ, коси свой плоды!

Смерть.

Нѣтъ.

Животъ.

Одну минуту —

Ангелъ смерти.

Косецъ, коси свой плоды!

Смерть.

Безпошадно. — Нѣтъ, Я не дамъ тебѣ жизни. Я проколю тебѣ глаза,—твои глаза съ жадностью и вожделѣніемъ смотрѣли на міръ, я отрѣжу тебѣ уши, я оторву руки,—твои руки грабили и поджигали, я оторву тебѣ ноги, поспѣшныя на все злое, я вырѣжу сердце,—твое сердце не знало ни любви, ни милосердія, я вырву твою душу, отдамъ дьяволу. — Показываетъ на подбоченившася Аратыря. — И онъ возрынетъ ее, злую, во тьму глубокую, повлечетъ въ адъ на муку мученскую, въ вѣчный плачь. И ты воскреснешь, чтобы и послѣ Суда кипѣть въ неугасимомъ геенсксмъ огнѣ.—Слѣзаетъ съ коня.

Ангель смертц.

Божій судъ идетъ.

Аратырь.

Съ силой, съ судомъ, муками. — Смѣется.

Смерть, подошедшая къ Животу, наклоняется надъ нимъ и начинаетъ свою работу.

Жпвотъ.

Голова его склонилась, руки разрознены, челюсти вытянуты. — Лучше быть птицей, рыбой, звѣремъ, тварью, червемъ, чѣмъ человѣкомъ.

Тимѣлпхъ.

Которому надоѣло разбирать запутавшіяся адскія оковы, высовывается изъ ада, къ Аратырю. — Скоро ты тамъ?

Аратырь.

Сейчасъ! — Подпятную жилу подрѣзала, переломила

хребетную кость, всё двадцать когтей содрала, принялась за сердце.

Тимѣлихъ.

Пріятно нюхая воздухъ.—Смрадъ-то какой!

Аратырь.

Подмигнувъ Ангелу смерти, который чувствителенъ къ запаху грѣховъ и которому вотъ запахъ непріятенъ, скороговоркой. — Грѣхъ пахнетъ вкусно.

Тимѣлихъ.

Поджаренымъ сметкомъ.—Отъ удовольствія и злорадства григочеть.

Ангель смерти.

Да будетъ. — Ринулся къ животу, ударилъ трезубцемъ.

Смерть.

Обдѣлала свое дѣло. — Вотъ вѣнецъ!

Ангель смерти.

Душа, познай свое тѣло: въ послѣднее воскресеніе тл снова въ него возвратишься!—Душа, познай свое тѣло!— Душа, познай свое тѣло!

Аратырь.

Подскакивая къ Ангелу смерти.—Давай сюда! Грѣшная душа—МОЯ, окаянная!—Обнявъ вышедшую душу и потрясая ее вверхъ и внизъ, поволокъ, крутя и мутя, въ адъ. Тамъ съ помощью Тимѣлиха поднесъ ее Змію, а Змій, схвативъ душу въ пасть, изрыгнулъ ее въ жарчайшій неугасимый огонь.

Ангель храни-
тели Ангель смер-
ти поднимаются на небо.

Со селтymi упокой душу раба твоего...

СЦЕНА III.

Смерть.

Съла на коня; обращаясь къ публикѣ. — Я страшна, я грозна, — непомѣрна. Я не царь, не король, я—бессмертная Смерть. А кого я завиджу, а кого я слышу, тутъ того и возьму. Да будетъ это памятно всѣмъ людямъ. — И ѣдетъ Смерть по трупу.

Оруженосецъ вы-
дѣзаетъ изъ-за камня, съ
ужасомъ озирается во-
кругъ, подымаетъ мечъ,
смотритъ на мечъ и, от-
бросивъ его, медленно
идетъ въ противополож-
ную сторону, откуда до-
носится монастырскій ко-
локоль.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Передъ монастырской оградой. Въ оградѣ ворота. У воротъ часовня. Въ углу пещера. Наискосокъ отъ пещеры святой колодецъ. Время позднее. Последній день масленицы — Прощеное воскресенье.

Откуда-то издалека доносится подбирающийся танецъ, онъ звучитъ неровно: то разгорится, то совсѣмъ изсякнетъ.

СЦЕНА I

Аратырь, Тимѣлихъ и Привратникъ.

Аратырь.

Еъ монашеской одеждѣ, поддерживая старика Привратника, ведутъ его къ часовнѣ. — Иди, отецъ, иди съ Богомъ, тамъ тепло. Не безпокойся, я покараулю. Полежишь немного, а завтра прочухаешься, встанешь, и пойдешь къ службѣ, какъ ни

въ чемъ не бывало. Служба долгая по великопостному. И
цѣлыхъ семь недѣль безъ отдышки,—напостишься, успѣешь.

П р и в р а т н и к ъ.

Брыкается. — Я спать не буду,—я буду молиться.

А р а т ы р ь.

Помолишься, поклонись. Иди, отецъ, иди! — Скрывается
съ Привратникомъ въ часовню. Черезъ минуту выходитъ одинъ, за-
творяетъ за собою дверь, надвигаетъ плотные скуфью, и становится на
мѣсто Привратника. — Испостился: храпить!

Т и м ѣ л и х ъ.

Который въ аду наряжался монахомъ, высовывается изъ ада; изъ
громко екликаетъ. — Аратырь?

А р а т ы р ь.

Л.

Т и м ѣ л и х ъ.

Ты одинъ?

А р а т ы р ь.

Одинъ.

Т и м ѣ л и х ъ.

Вылѣзаетъ изъ ада, показываетъ на часовню. — Привратникъ
тамъ?

А р а т ы р ь.

Пускай себѣ дрыхнетъ, хмелѣнь.—Съ этой дрянью во-
звиться, только руки пачкать.

Т и м ѣ л и х ъ.

Наши всѣ въ разгонѣ?

А р а т ы р ь.

Прощеный день,—работы по горло.

Т и м ѣ л и х ъ.

Святой подвижникъ скоро выйдетъ?

А р а т ы р ь.

Приближается полночь.

Т и м ѣ л и х ъ.

Безтолочь одна!

А р а т ы р ь.

Съ нимъ будетъ нелегко: святой!

Т и м ѣ л и х ъ.

Сядясь на скамейку. — Святой! Я не припомню, кто бѣ не попадалъ мнѣ въ лапы.

А р а т ы р ь.

Поводя плечами. — Да и кого ловить? — Эту мелочь?! — Немного помолчавъ, раздраженно. — И втемяшутъ себѣ въ голову, будто мы, бѣсы, безъ этихъ людишекъ и дыхнуть не можемъ, ходимъ будто за ними по пятамъ—Га! Никудышные.—Передразнивая. — Тоже: „Мы все знаемъ, мы все понимаемъ!“ А еще есть и такіе: — „Мы ничего не понимаемъ, мы ничего не знаемъ!“ Сироты казанскія.—Зло смѣется.

Т и м ѣ л и х ъ.

И всѣ туда пойдутъ. — Показываетъ на небо.—Въ селенія праведныхъ.

А р а т ы р ь.

Туда имъ и дорога. Покорно благодаримъ. — Прислупываясь къ подбирающемуся танцу. — Бести, ловко разжигаютъ! Мутятъ!

Т и м ъ л и х ъ.

Не обращая вниманія.—Да, рѣдко попадается настоящій — труха одна. И все-таки, какого ни возьми, люди — народъ трусливый.

А р а т ы р ь.

Жалкій народъ.

Т и м ъ л и х ъ.

Растерянный.

А р а т ы р ь.

Съ галливостью. — Дсбряки и злючіе и всего-то понемножку. Безпелюга какая то.

Т и м ъ л и х ъ.

Тоже говорятъ, будто насъ, бѣсовъ, столько, сколько листьевъ и травы на землѣ! Что только не говорятъ про насъ, бѣсовъ! Какая неправда!

А р а т ы р ь.

Отчетливо, какъ бы подводя итогъ. — Все неправда.

Т и м ъ л и х ъ.

Встаетъ, нетерпѣливо. — Да скоро ли выйдетъ святой подвизникъ?

А р а т ы р ь.

Тебѣ все вынь да положь. Ему, вѣдь, тоже хочется поскорѣе. Иноки сѣли заговляться, онъ одинъ крохи въ ротъ не бралъ, стоитъ, ждетъ. Начнетъ исповѣдаться, затянуть Плачь Адамовъ...

СЦЕНА II.

А р а т ы р ь, Т и м ѣ л и х ъ, М а с к и и С т р а с т н ы й
Б р а т ь.

В о л к ъ.

Тянетъ за собой К о б ы л к у, задыхаясь. — Скорѣе! Скорѣе!
Сюда за мной!

К о б ы л к а.

Тутъ люди.

В о л к ъ.

Какіе люди?

К о б ы л к а.

Побойся Бога!

В о л к ъ.

Скорѣе! Скорѣе! Сюда!

К о б ы л к а.

Смотри, пещера,—святое мѣсто.

В о л к ъ.

Я люблю тебя!—Не безъ борьбы овладѣвъ Кобылкой, увлекаетъ Кобылку въ часовню. Дверь за ними затворяется.

Аратырь и Тимѣлихъ, присѣвшіе на корточки, минуту молчатъ.

А р а т ы р ь.

Люблю, —га!

Т и м ѣ л и х ъ.

Прыснувшій отъ сдерживаемаго смѣха. — Взаправду!

А р а т ы р ь.

Имъ будетъ ночь, какъ пекло. Всю ночь—въ жару.

Т и м ѣ л и х ъ.

А завтра подуетъ холодокъ.

А р а т ы р ь.

Въ ту же ночь заведется зародышъ.

Т и м ѣ л и х ъ.

Слюнявый, съ хвостомъ.

А р а т ы р ь.

И все селетки просить.

Т и м ѣ л и х ъ.

Боль. Немочь.

Аратырь.

Скука.

Тимѣлихъ.

Приподнимается, подходитъ къ часознѣ, хочетъ отворить дверь.—
Давай посмотримъ!

Аратырь.

Тсже всталъ. — Что же, давай.

Страстный братъ.

Растерзанный вбѣгаетъ, шатаясь, какъ пьяный. Растерянно озираясь.—
Отцы, пропустите, ради Бога!

Аратырь.

Строго.—Кто ты и зачѣмъ въ такую пору?

Страстный братъ.

Я — страстный братъ Евстратій, погибаю: измученъ
блудной страстью.

Аратырь.

Коротко и внушительно. — Нельзя. Своихъ довольно. Завтра
приходи.

Страстный братъ.

Нѣтъ силы до утра дожждаться. Я согрѣшу. — Умоляюще
и плаксиво. — Смилуйтесь, отцы! Я слышалъ, спасается въ
обители святой подвижникъ.

Аратырь.

Переглянувшись съ Тимѣлихомъ и въ чемъ-то согласившись
твердо.—Есть одинъ.

Страстный братъ.

Кто? Какъ его увидѣть?

Аратырь.

Онъ скоро будетъ тутъ.

Страстный братъ.

Онъ старый?

Аратырь.

Нѣтъ.

Страстный братъ.

Давно въ монастырѣ?

Тимѣлихъ, подсматривавшій въдверь часовни, подошелъ къ Аратырю, и они, какъ коршуны, надвинулись надъ своей жертвой.

Аратырь.

Послѣ небольшого молчанія, играя.—Онъ юношей оставилъ мѣръ, онъ много претерпѣлъ отъ искушеній, удручая тѣло. Онъ по два, по три дня не ѣлъ, ночи проводилъ безъ сна.

Тимѣлихъ.

Какъ Аратырь.—Лютой жаждою морилъ себя, носилъ тяжкія желѣза.

Аратырь.

Будто ударяя.—И не нашелъ покоя.

Т и м ѣ л и х ѣ .

Нагой ходилъ въ морозы. Плоть изнурялъ поклонами, языкъ — безмолвіемъ, умъ — бѣганьемъ грѣховныхъ помысловъ. Такъ провелъ три года.

А р а т ы р ь .

Будто ударяя. — И не нашелъ покоя.

Т и м ѣ л и х ѣ .

Разъ вонъ въ ту пещеру онъ вошелъ и тамъ молился, и услышалъ гласъ...

А р а т ы р ь .

Сегодня онъ затворится въ пещерѣ. Весь постъ останется одинъ.

Т и м ѣ л и х ѣ .

Онъ хочетъ вырыть яму и всего себя засыпать, оставивъ только голову и руки.

А р а т ы р ь .

Онъ твердъ, какъ древесная накинь.

Т и м ѣ л и х ѣ .

Онъ крѣпокъ, какъ желѣзо.

А р а т ы р ь .

Песпобѣдимый, святой подвижникъ.

За оградой слышится
пѣніе стиха Плачь Ада-
мовъ. Стихъ поется
выходящими изъ трапезы
иноками.

Восплакался Адамъ, передъ раемъ стоя:
«Ты, раю, мой раю, прекрасный мой раю!
Мене ради, раю, сотворену бысте,
Еввы ради, раю, заключену бысте»,
Евва согрѣшила, Богу согрубила,
Законъ преступила, Адама прельстила,
Весь родъ нашъ отгнала отъ раю святого,
А свой погрузила, во тѣмѣ помрачила.
Адамъ вопіаше Богу со слезами:
«Увы мнѣ, грѣшному, увы беззаконному!
Уже азъ не слышу архангельска гласа,
Уже азъ не вижу райскія пищи!»
Адамъ вопіаше Богу со слезами:
«Боже милосердный, помилуй насъ грѣшныхъ!»
Проговорила Евва, Адаму глаголя:
— Адаме, Адаме, ты мой господине!
— Не велѣлъ намъ Богъ жить въ прекрасномъ раю,
— Ничто же вкушати отъ райскія пищи,
— Сослалъ насъ Господь Богъ на трудную землю,
— Намъ хлѣба снѣдати отъ потнаго лица,
— Намъ правдою жити, а зла не творити.

А мы, братія-друзи, прибѣгнемъ ко церкви,
Пролиемъ мы слезы ко Вышнему Творцу,
И Онъ насъ избавитъ отъ вѣчныя муки.
Воззримъ мы, братія, на вѣчныя гробы:
Ахъ гробы вы, гробы, превѣчныя дома,
Житіе временное, слава суетная.
Очи наши—ямы, руци наши—грабли:
Что очи завидятъ, то руци заграбятъ.
Взяти мы съ собою ничто же не можемъ:
Только мы возьмемъ саванъ да сорочку.
Какъ будемъ мы мертвы, прижмемъ руци къ сердцу,
Души наши пойдутъ по своимъ по мѣстамъ,
Тѣло наше будетъ червемъ на снѣденье,
Кости наши будутъ землѣ на преданье.
Тогда не поможетъ имѣніе наше.

Рече Исусъ Христосъ Петру же и Павлу:
«Кто у раю плачетъ?»—Евва възрыдаеть. —
Рече Исусъ Христосъ Петру же и Павлу:
«Отверзете Адаму въ райскія двери:
Въ раю ему быти, во вѣки вѣковъ».
Аминь.

Аратырь и Тимѣ-
лихъ, сгорая отъ нетер-
пѣнія и предвкушая уде-
вольствіе, стоятъ вытя-
нувшись; ихъ красные рты
полу-раскрыты, хвосты —
трубой.

Пѣніе у воротъ прекра-
щается.

Страстный братъ.

Опьяненный разговоромъ демоновъ и пѣніемъ Плача въ озарѣніи.—
Отець многострадальный! Кромѣшный адъ... ты дай пре-
свѣтлый рай.

Гозосъ изъ публики.

Поправьте хвостъ!

СЦЕНА III.

Аратырь, Тимѣлихъ, Страстный братъ, Под-
вижникъ, Иноки и Маски.

Ворота растворяются и
въ сопровожденіи иноковъ
выходить Подвиж-
никъ,—онъ въ грубомъ
вретищѣ, босой, просто-
волосый. Иноки, какъ на
великомъ выходѣ, стано-
вятся по сторонамъ. Под-
вижникъ въ серединѣ-

Подвижникъ.

Тяжко, самъ съ собою.—Душа моя скорбитъ. Пришелъ мой часъ.

Страстный братъ.

Порывается къ Подвижнику.—Отецъ!

Аратырь и Тимѣлихъ.

Хоронясь за спиною Страстнаго брата, удерживаютъ его. —
Часъ не пришелъ. Повремени.

Подвижникъ.

Простите, въ чемъ согрѣшилъ предъ вами. — Кланяется
въ землю.

Инокѣ.

Кланяясь ему въ отвѣтъ.—Богъ проститъ, прости и насъ.

Подвижникъ.

Простите.

Инокѣ.

Богъ проститъ.

Подвижникъ.

Простите.

Инокѣ.

Богъ проститъ.

Аратырь и Тимѣлихъ.

Выпуская Страстнаго брата. — Съ Богомъ! Благославляемъ.

Страстный братъ.

Бросаясь къ Подвижнику. — Отецъ, постой, освободи, дай помощь, одолѣвають страсти. нѣтъ мнѣ мѣста — —

Подвижникъ.

Братъ — —

Съ крикомъ врываются маски: Медвѣдь и Туръ, преслѣдующіе Турь и цу; маски сбились. Поднимается шумъ и суматоха. Иноки бѣгутъ вразсыпную, натыкаясь и сбивая другъ друга съ ногъ; за иноками слѣдуетъ Страстный братъ. Среди криковъ выдѣляются гелоса —

Туръ.

Стой, ни съ мѣста!

Медвѣдь.

Вскидывая топоромъ. — Убью, гнѣдой!

Туръ.

Я первый. Я золоторогій туръ. Слетитъ твоя медвѣжья голова.

Медвѣдь.

Я прикажу тебѣ щипать траву.

Туръ.

Она—моя.

Медвѣдь.

Нѣтъ не твоя. — Бьются.

Аратырь и Тимѣлихъ.

Бей—бей!—Бей подъ ноги! Вали его!

Аратырь.

Словно камень на голову.—Ничья.

Туръ и Медвѣдь—
оба падаютъ мертвыми.

Подвижникъ.

Стоитъ одинъ въ какой-то сверхсильной борьбѣ, крѣпко сжалъ руки, не знаетъ что дѣлать, потомъ отъ нахлынувшего сердца. — Земля будь проклята! Твои глаза и руки, лицо и ноги, и все, что есть отъ тебя, твоего—будь проклято!

Аратырь.

Нечеловѣчески изогнувшись и хохоча глазами, показываетъ Подвижнику на Турицу, маска на которой сбилась и видно лицо.— Не проклинай! Будетъ твоей.

Турица.

Святой отецъ!

Подвижникъ.

Глаза Подвижника и Турицы встрѣтились. И среди долгаго молчанія, кажется, будто что-то хрястнуло. Вѣки у Подвижника упали— Господи, подкрѣпи меня!—И, какъ слѣпой въ свой уголъ, онъ медленно и вѣрно пошелъ къ пещерѣ, растворилъ дверь и, глухо захлопнувъ дверь, скрылся.

Бьетъ полночь.

Тимѣлихъ.

Спустя минуту, прислушиваясь и показывая на пещеру. — Роешь кротъ.

Аратырь.

Дьявольски увѣренно, съ насмѣшкой. — Посмотримъ

Занавѣстъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Вечеръ среды пятой
недѣли Великаго поста—
Маріино Стояніе. Въ аду
неугасимый огонь ярче.

СЦЕНА I.

Привратникъ и Сатраникъ.

На скамейкѣ у воротъ
сидитъ Привратникъ
и Сатраникъ—болѣз-
ненный отрокъ съ ост-
рымъ личикомъ.

Привратникъ.

Продолжаетъ рассказывать житіе. — „Женщинъ я не позналъ
отъ рожденія моего“. Она же сказала: „Я выкуплю тебя,
изъ рабства поставлю господиномъ всему моему дому и хочу
имѣть тебя своимъ мужемъ, ибо мнѣ жалко видѣть, какъ
безумно гибнетъ твоя красота“. Получивъ надъ нимъ власть
женщина одѣла его въ дорогія одежды и кормила его.

сладкими кушаніями и, обнимая нечистыми объятіями, безстыдно увлекала на мерзкое дѣло. Блаженный же, видя ея неистовство, больше еще прилежалъ молитвѣ и посту, предпочитая для Бога въ чистотѣ ѣсть сухой хлѣбъ и воду, чѣмъ въ сквернѣ дорогія блюда и вино. Тогда посрамленная женщина приняла въ сердце другой лукавый помыслъ,—приказала посадить блаженнаго на коня и со множествомъ слугъ водить по городамъ и селамъ всей своей земли, говоря: „Все это твое, распорядяйся, какъ хочешь“. И дала имъ наказъ: „Это вашъ господинъ, а мой—мужъ; встрѣчаясь съ нимъ, кланяйтесь ему“. Блаженный, посмѣявшись надъ безуміемъ женщины, сказалъ ей: „Напрасно трудишься, не можешь прельстить меня тлѣнными вещами сего міра, ни украсть мое нетлѣнное богатство; пойми и не трудись напрасно“. Женщина съ яростью сказала ему: „Или не знаешь, что ты мнѣ проданъ“. И, отчаявшись въ своей надеждѣ, нанесла тяжкія раны преподобному, растянувъ его, велѣла бить жезломъ, такъ что земля пропиталась его кровію. Но никакое томленіе—ни огонь, ни мечъ, ни раны, не могли разлучить его отъ Бога—Христа Небеснаго Жениха. А женщина, между тѣмъ, съ безстыдствомъ еще сильнѣе склоняла его на грѣхъ, такъ что приказала насильно положить его на одрѣ своемъ, обнимала и цѣловала его, но и этимъ прельщеніемъ не могла привлечь къ своему желанію. Преподобный сказалъ: „Напрасны, женщина, твои усилія; не думай, что я не творю этого грѣха, потому что безуменъ или не могу, но изъ-за страха Божія и гнушаясь тобою, нечистая“. Получивъ такой отвѣтъ, женщина приказала дать ему сто ударовъ...

Преподобный лежалъ, какъ мертвый отъ кровотоčenія, и немного собравшись съ силами, пришелъ вонъ въ ту пещеру.—Показываетъ туда, гдѣ затворился Подвижникъ.—И жилъ богоугодно, подвизаясь въ постѣ, молитвѣ, бдѣніи и всѣхъ иноческихъ добродѣтелей, которыми и побѣдилъ до конца всѣ козни нечистаго. Тутъ и погребенъ.

Странникъ.

Слушавшій съ большимъ вниманіемъ и мечтательно, встаетъ. —
Прощай, отецъ, пойду, началось Стояніе.

Привратникъ.

Не обращая вниманія. — И я, отъ юности моей боримый
страстію, получилъ отъ преподобнаго исцѣленіе.

Странникъ.

Пойду, отецъ. Прощай.—Уходить.

Привратникъ.

Самъ съ собою. — Великія бывали искушенія... — Сидитъ,
ослабься.

СЦЕНА II.

Привратникъ, Тимѣликъ, Аратырь. Грѣш-
ная дѣва и Страстный братъ.

Тимѣликъ.

Проходя мимо часовни, подходитъ къ Привратнику. — Отецъ
весна!—Посмотри: цвѣтокъ.

Привратникъ.

Пу дай.

Тимѣликъ.

Подаетъ цвѣтокъ. Первый. Прямо пзъ-подъ снѣга.

П р и в р а т н и к ъ .

Нюхаетъ цвѣтокъ.—Подснѣжникъ. Цвѣтъ полевой! — Засы-
паетъ съ цвѣткомъ.

Т и м ѣ л и х ъ .

Медленно отходить къ пещерѣ. — Спокойной ночи! — Извивая
головой, дѣлаетъ знаки.—Аратырь! Аратырь! Аратырь!

А р а т ы р ь .

Высовываетъ голову изъ невидимой щели затворенной лещеры.—Л.

Т и м ѣ л и х ъ .

Ну что?

А р а т ы р ь .

Вели подкладывать дровъ. Больше огня!

Т и м ѣ л и х ъ .

Двое муриновъ-бѣсовъ работаютъ, не покладая рукъ.
Дрова сухія—горныя.

А р а т ы р ь .

Кивая головою въ сторону Привратника. — Спать ста-
ричекъ?

Т и м ѣ л и х ъ .

Я далъ ему понюхать лѣпку—сонный цвѣтъ.

Аратырь.

Прислушиваясь. — Постой, слышишь? Нашъ подвижникъ зачиталъ канонъ...

Тимѣлихъ.

Смѣется. — Началось Стояніе. — Оборвавъ смѣхъ. — Думаешь, нынче съ нимъ покончимъ?

Аратырь.

Время идетъ.

Тимѣлихъ.

Опасно. Надо торопиться.

Аратырь.

Все ли наши въ сборѣ?

Тимѣлихъ.

Еще вчера послалъ за самыми отчаянными: придутъ со всѣхъ двадцати мытарствъ.

Аратырь.

Наряды въ исправности?

Тимѣлихъ.

Масокъ сколько угодно. Не хватаетъ вѣщичковъ. Три короны.

А р а т ы р ь.

Обойдемся.

Т и м ѣ л и х ь.

Змія випустимъ?

А р а т ы р ь.

Надобность придетъ, отчего же нѣтъ, — выпустить всегда успѣемъ.

Т и м ѣ л и х ь.

Намедни Змій сказаль: „Не сумѣеть Аратырь управиться съ подвижникомъ, я поставлю его искушать глупыхъ, самыхъ глупыхъ!“ Такъ и сказаль.

А р а т ы р ь.

Со злостью. — Змій самъ поглупѣль.

Т и м ѣ л и х ь.

Не все же быть мудрымъ.

А р а т ы р ь.

За нимъ большія заслуги! Ветхій Змій! Впрочемъ, не Зміемъ свѣтъ кончится. Я тоже потрудился. — Гордо молчитъ. — Да, что мыши?

Т и м ѣ л и х ь.

Плохо. Сначала, какъ ты велѣль, мыши только ходили по немъ, не давая ему ни на минуту сна, и пугали, потомъ стали его грызть. Мышь отъ жарыдохнетъ.

Аратырь.

Горячась.—Такъ напусти червей. Пускай ползають понемъ
вдоль и поперекъ, вдоль и поперекъ, самые, самые цѣпкіе.

Тимѣлихъ.

Ладно. Напущу червей.

Аратырь.

Не безъ озорства. — Покажу ему хвостъ на прощанье.

Тимѣлихъ.

Угрюмо. — Глупости все!

Аратырь.

Сыгбая шею отъ усилія растопыриться, какъ можно шире, пере-
дразниваетъ Подвижника, читающаго Канонъ. — „Виждь мое сми-
реніе и скорбь мою...“

Тимѣлихъ.

Ну, вылѣзай, довольно.

Аратырь.

Вылѣзаетъ, онъ на половину розовый—тѣло женщины. — Каковъ
парядъ! Мертвеца подыметъ!

Озираясъ, подошла къ
колодцу Грѣшная дѣ-
ва—Турица.

Тимѣлихъ и Ара-
тырь, застигнутые вра-
сплохъ, вдругъ ее замѣ-
чаютъ.

Тимѣлихъ.

Показывая на нее пальцемъ.—Боишься?

Аратырь.

Показывая на нее пальцемъ.—Страшно?

Тимѣлихъ.

Показывая на нее пальцемъ.—Увидятъ?

Аратырь.

Показывая на нее пальцемъ.—Узнаютъ?

Тимѣлихъ.

Показывая на нее пальцемъ.—Куда дѣвала дѣтей?

Аратырь.

Показывая на нее пальцемъ.—Гдѣ твои малютки?

Тимѣлихъ.

Показывая на нее пальцемъ.—Въ печкѣ.

Аратырь.

Показывая на нее пальцемъ.—Въ хлѣву.

Тимѣлихъ.

Показывая на нее пальцемъ.—Подъ порогомъ.

Аратырь.

Показывая на нее пальцемъ.—На чердакѣ.

Т и м ѣ л и х ъ .

Показывая на нее пальцемъ.—Подъ кроватью.

А р а т ы р ь .

Показывая на нее пальцемъ.—Свиньи сожрали.

Т и м ѣ л и х ъ .

Набрасываясь.—Не смѣй прикасаться!

А р а т ы р ь .

Не пачкай колодца!

Т и м ѣ л и х ъ .

Мразь!

А р а т ы р ь .

Дрянь!

Грѣшная дѣва мечется и падаетъ подъ пальцами демоновъ. Аратырь и Тимѣлихъ, наклонившись надъ Грѣшной дѣвой, смотрятъ.

Т и м ѣ л и х ъ .

Готовый помздѣваться, притронулся къ ней; ныряя пальцемъ.—
Больно?

А р а т ы р ь .

Оставь. Пойдемъ.

Оба отступаютъ съ сознаниемъ собственнаго достоинства; «пускаются въ адъ.

Т п м ѣ л и х ъ.

Вотъ маски, парча, позументы, кисти, шесть штукъ кадилъ, три скрипки, пять сюртуковъ, двадцать пять туфель безъ задниковъ, три генеральскихъ мундира, красный флагъ, десять штукъ халатовъ. Все свѣженькое, прямо изъ гробовъ.

А р а т ы р ь.

Окинувъ глазомъ.—Порядочная дрянь. Веди

Т и м ѣ л и х ъ.

Удаляется на лѣво.—Сю минуту.

А р а т ы р ь.

Наклоняется къ тряпью и что-то упорно ищетъ. — Чортъ! Куда онъ могъ завалиться? А, попался!—Находятъ какую-то невообразимую вещь, похожую на хоботъ, и примѣряетъ.—Такъ, отлично.

С т р а с т н ы й б р а т ь.

Появляется на оградѣ, видъ у него злой.—Сегодня пять недѣль и ровно три дня, какъ я за этими проклятыми стѣнами. Пускай кто хочетъ, я больше не могу. И пусть тамъ на Стояніи убиваютъ себѣ плоть, съ меня довольно и моего стоянія.—Плаксиво.—У меня хребетъ жжетъ и въ глазахъ муть. Если я останусь еще хоть день, терпѣніе мое лопнетъ и я согрѣшу,—ей-Богу.—Заглядываетъ внизъ.—Арева спитъ, въ рукахъ цвѣтокъ. Счастливый! А тоже, сказывалъ, мучился не меньше, но преподобный его коснулся своимъ жезломъ и съ тѣхъ поръ—спитъ.—Многозначительно.—Тутъ дьяволъ ходитъ, ищетъ кого бы поглотить.—Видитъ лежащую у колодца Г р ѣ ш н у ю д ѣ в у.—

Господи! какая!.. — Смакуя, вдругъ въ неописуемомъ смятеніи кричить.— Женщины!!! — Спрыгиваетъ и безъ оглядки пускается улепетывать по дорогѣ изъ монастыря.

СЦЕНА III.

Аратырь, Тимѣлихъ, Черти, Вѣстникъ и
Подвижникъ.

Въ адѣ, подгоняемые Тимѣлихомъ, набираются черти по грѣхамъ, и наряженные разными животными и звѣрями — маски.

Тимѣлихъ.

Бѣсъ пьянства, бѣсъ обжорства, бѣсъ лихвы, бѣсъ блудный, бѣсъ яростный, бѣсъ гнѣвный, бѣсъ полуденный, бѣсъ полунощный. Кобылка, туръ, волкъ, журавль, козелъ, коза, кобель, конь, лиса, левъ, кабанъ, заяцъ, воронъ, ястребъ, сова, филинъ.— Всѣ топчутся на одномъ мѣстѣ въ ожиданіи дѣла.— А это ангелы.

Аратырь.

Къ которому Тимѣлихъ подвель двухъ чертей, наряженныхъ ангелами, въ блестящихъ одеждахъ, оглядывая ангеловъ. — Это безобразіе, у нихъ виденъ хвостъ.

Тимѣлихъ

Газводя руками.—Что же дѣлать?

Аратырь.

Не допуская возраженій. — Пускай пришьютъ его хоть къ шеѣ.

Т и м ѣ л п х ъ .

Отводя ангеловъ въ сторону.—Пришьешь? Ты свой хоботъ-то пришей-ка!

Адъ начинаетъ гудѣть, какъ рой, гогочуть.

А р а т ы р ь .

Тише!—Къ вернувшемуся Т и м ѣ л и х у , за котерымъ, какъ солдаты, слѣдуютъ ангелы.—Ну?

Г о л о с ь и з ъ п у б л и к и .

Пришилилъ англійской булавкой.

А р а т ы р ь .

Киваетъ, потомъ откинувшись, обращается къ ангеламъ.—Пожалуйста, ведите себя молодцами, думайте, что вы любовники-герои и, какъ заправскіе актеры, во-первыхъ, пріятно улыбайтесь, во-вторыхъ, сильнѣй дышите. Понимаете?

А н г е л ы , пріятно улыбаясь, кланяются.

А р а т ы р ь .

Продолжаетъ.—Говорите отчетливо, не глотайте буквъ, говорите, то повышая, то понижая, и послаще. Знаете ли ваши роли?

А н г е л ы .

Въ одинъ голосъ, безъ всякаго смысла, заученно текстъ вмѣстѣ съ ремарками.—Подвижникъ, мы ангелы. Пауза. Дѣлаютъ жестъ. А, вонъ идетъ къ тебѣ Главный. Улыбаются. Торжественно. Поди и поклонись ему. Съ веселой миной. Одновременно.

А р а т ы р ь.

Отлично. Съ вами далеко пойдешь.

Т и м ѣ л и х ъ.

Подводитъ Главнаго, видъ у котораго до невозможности глупъ.—
Вотъ и самъ Главный.

А р а т ы р ь.

Ну, а ты, женихъ? — Осматриваетъ, поправляетъ корону.—
Какой плюгавый! Хоть бы квасомъ примочилъ: вихры тор-
чатъ немилосердно. Такъ... ты лучше помолчи.

В ѣ с т н и к ъ.

Запыхавшись, къ А р а т ы р ю. — Чудаки просятъ пустить.

Т и м ѣ л и х ъ.

Къ В ѣ с т н и к у. — Отбери почудиѣ.

А р а т ы р ь.

Чудаковъ и озорниковъ не надо.—Къ Т и м ѣ л и х у.—Боюсь,
напакостятъ, и такъ довольно... всякихъ...

Т и м ѣ л и х ъ.

Какъ знаешь.—Дѣлаетъ знакъ В ѣ с т н и к у.

В ѣ с т н и к ъ.

Уходя.—Чудаки идутъ.

И въ это время нѣ-
сколько Ч у д а к о в ъ вло-
милось въ адъ. Въ аду
поднялся хохотъ.

А р а т ы р ь.

Не обращая вниманія, къ Тимѣлиху. — Когда Подвижникъ выйдетъ изъ своей ямы, начинай хороводъ и бери его въ самую середку, я натолкну на него Турницу — она тамъ у колодца—и мы ихъ...

Т и м ѣ л и х ъ.

Ладно.

А р а т ы р ь.

Къ бѣсамъ. — Слушайте Тимѣлиха. Начинайте, когда Тимѣлихъ укажетъ, очень не орите и не толкайтесь, шумите тише, помните, вы должны изображать не бѣсовъ,—хоръ ангельскій. Теперь прочистите свинья ваши глотки.

Т и м ѣ л и х ъ.

На озвѣрѣвшихъ бѣсовъ. — Тише!

А р а т ы р ь.

Я пойду впередъ.

Т и м ѣ л и х ъ.

Дѣлаетъ знаки бѣсамъ, чтобы бѣсы слѣдовали за нимъ.—Ну, за мной, проворнѣй. Да подвигайся!

И вся бѣсная орава, стараясь не отступаться, подымается за Тимѣлихомъ изъ ада на землю.

А р а т ы р ь.

Вышелъ первый на землю. Вихревымъ движеніемъ онъ открываетъ пещеру: освѣщенная туманнымъ свѣтомъ, стѣна какъ бы таетъ. — Вотъ вѣнецъ!—Хохохеть.

П о д в и ж н и к ъ .

Закspanный въ землѣ по поясъ, передъ нимъ раскрытая книга, по сторонамъ свѣчка, кувшинъ и просвирка; П о д в и ж н и к ъ оторвался отъ Канона, который все время читалъ, мысли его ушли въ другой міръ, вспоминаетъ, потомъ почти съ отчаяніемъ. — О, какъ тянутся дни моей жизни,—горе мнѣ, я живу. Они опять явились, всѣ дѣла моей жизни, они кричатъ: „Ты помнишь-ли о насъ? помнишь-ли то мѣсто? то время? тотъ часъ?“—Да, помню. Напрасный трудъ! — Какъ помрачился я! Вѣдь я обманывалъ себя, я издѣвался надъ собой. Я помню все. Окаянная душа, откуда ты вышла?—Никто не можетъ пособить мнѣ.

Молчаніе. Бѣсная орава, какъ вкопанная, подъ четырьмя глазами демоноу.

А н г е л ы .

По знаку Тимѣлиха подкравшіеся къ пещерѣ, остановились у входа пещеры; въ одинъ голосъ.—Подвижникъ, мы—ангелы!

П о д в и ж н и к ъ .

Вздрыгнулъ.—Ангелы Господни.

А н г е л ы .

Дѣлая полуоборотъ и по одной линіи вытягивая руки, показываютъ на приближающагося Главнаго; наивно. — А вонъ идетъ къ тебѣ самъ Главный.—Снова оборачиваясь къ Подвижнику. — Поди и поклонись ему.

Т и м ѣ л и х ъ .

Выталкивая Главнаго. — Ну, пошелъ!—И толкнулъ его не совѣмъ локко, тотъ огрызнулся, а корона на его головѣ покосилась.

А н г е л ы

Давая дорогу Главному, стараются улыбаться.—Нашъ Главный.

Напряженіе растеть.
Напряженіе дошло у бѣсовъ до послѣдней грани, вся орава изогнулась, еще минута, и она самовольно бросится и перевернетъ все вверхъ дномъ.
Т и м ѣ л и х ъ застыль.

А р а т ы р ь .

Наблюдавшій за сценою ангеловъ, торжествуетъ побѣду.—Молодцы.

Все замерло.

П о д в и ж н и к ъ .

Опираясь о землю ладонями, дѣлаеть усиліе выбраться изъ ямы. — Я не могу послушаться.—И вдругъ лицо его искажается гнѣвомъ, отчетливо. — Тотъ, Кто свергъ васъ съ небесъ и предалъ на погибель, велитъ вамъ черезъ меня—удалитесь! Будь проклятъ врагъ именемъ Господнимъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

А н г е л ы , не ахнувъ, тотчасъ проваливаются. Главный пошатнулся и—кубаремъ; корона съ головы покатила пополу.

Смятеніе.

Т и м ѣ л и х ъ .

Отчаянно махнулъ рукой.—Просядь сквозь землю!

А р а т ы р ь.

Ринулся вглубь сцены. — Начинай!

Начинается бѣсовское дѣйство. Дьяволы, кружась, запѣваютъ страшнымъ хоромъ. Все топчетъ, все кружится, все давить другъ друга и отъ бѣснующагося хоровода, который вертится съ каждымъ кругомъ все шибче и тѣснѣе, какъ бы отваливаются кусками черти, они, кувыркаясь, ползутъ къ пещерѣ, облѣпляютъ ее, — творять Богъ знаетъ что. И тянутся, какъ руки, отдѣльные возгласы:

- Вернись къ намъ!
- Дай отвѣтъ!
- Ты былъ нашъ!
- Вернись къ намъ!
- Мы будемъ съ тобой!
- Ты помнишь?
- Исполни!
- Вернись къ намъ!

А р а т ы р ь.

Разсѣкая всѣ голоса. — Огня!!! — Онъ пробудилъ Грѣшную дѣву, тащить ее къ самой пещерѣ. — Вотъ тебѣ!

П о д в и ж и и к ѣ.

Корчась. -- Ноги мои горять, жилы корчатся, трещать кости, ослѣпляетъ глаза, — пламя доходитъ до утробы, раз-

рываетъ, разламываетъ, жжетъ... О лучше быть кускомъ глины, камнемъ, деревомъ, чѣмъ человѣкомъ.

Х о р о в о д ъ.

Отхлеснутый въ сторону, будто порывомъ вѣтра. — Смерть!

С м е р т ь.

Появившаяся внезапно.—Я—безсмертная смерть. Кто меня звалъ?

Занавѣсъ.

ДѢИСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Въ аду тьма, только
чуть тлѣтся неугасимый
геенскій огонь. Ночь подъ
Свѣтло-Христово Воскре-
сеніе.

СЦЕНА I.

Аратырь, Тимѣлихъ и Вѣстникъ.

Аратырь.

Ударили къ Страстямъ?

Тимѣлихъ.

Давно.

Аратырь

Мы начинаемъ въ полночь.

Тимѣлихъ.

До звона.

Аратырь.

Молніи есть?

Тимѣлихъ.

Три штуки осталось.

Аратырь.

Достать нельзя?

Тимѣлихъ.

Невозможно.

Аратырь.

Что Зміи?

Тимѣлихъ.

Лютъ.—Этотъ глупый обычай отпускать изъ ада души на Пасху; при немъ осталось всего навсегда двое: Первый предатель и первый палачъ, Іуда и Иродъ.

Аратырь.

Жестокій обычай.

Тимѣлихъ.

Да, есть чему поучиться.

Аратырь.

Страдаетъ...

Т и м ѣ л и х ѣ .

Кто страдалъ, тотъ жестокъ.

А р а т ы р ь .

Слохвотившись.—Ты Подвижника видѣлъ?

Т и м ѣ л и х ѣ .

Утромъ. Онъ весь подопрѣлъ и до кости разѣденень.

А р а т ы р ь .

Вода?

Т и м ѣ л и х ѣ .

Вода и огонь поочередно. Водой и огнемъ разѣденень.

А р а т ы р ь .

Ничего?

Т и м ѣ л и х ѣ .

Ничего не дѣйствуетъ.

А р а т ы р ь .

Раздражаясь.—Я тебѣ этого никогда не прощу, свинья.

Т и м ѣ л и х ѣ .

Самъ свинья.

А р а т ы р ь .

Упустить такой случай, вѣдь тогда онъ, въ ту ночь, на Стояніе, изъ ямы вылѣзалъ...

Т и м ѣ л и х ѣ .

Да не выльзъ.

А р а т ы р ь .

Подподлецъ, жлива!

Т и м ѣ л и х ѣ ,

Что?

А р а т ы р ь .

И все погибло... Ты этого мерзавца наказалъ?

Т и м ѣ л и х ѣ .

Угрюмо. — Послалъ———

А р а т ы р ь .

Захлебываясь. — Я бѣ самого тебя послалъ —— хорошгъ! Не осмотришь внимательно: вѣдь этотъ болванъ Главный не потрудился закрыть своихъ куриныхъ лапъ. Ну, посуди самъ, какой же онъ Женихъ! Дуракъ пойметъ, что это поддѣлка, и притомъ у того, косолапаго, я видѣлъ собственными глазами рога. Ангелы!—Хороши ангелы! А вся эта твоя орава... нечего сказать, хорошовъ! Да въ такой хорошовъ послѣдняго кобеля не втянешь.

Г о л о с ѣ п ѣ з ѣ п у б л и к и .

Только кулисы разломали!

Т и м ѣ л и х ѣ .

А ты зачѣмъ себѣ хоботь привѣсилъ — такихъ не бываетъ.

А р а т ы р ь.

Врешь, былъ такой...

Т и м ъ л и х ъ.

Котораго прорвало, раздражается бранью. — Нечего небылью-то хвастать! тина, труны!

А р а т ы р ь.

Въ неистовствѣ бросается на него. — ТИМЪЛИХЪ!!

Т и м ъ л и х ъ.

Отстраняясь. — Довольно.

Молчать. Смотрять другъ на друга.

Т и м ъ л и х ъ.

Холодно и гордо. — Я ручаюсь. Сегодня мы съ Подвижникомъ кончимъ.

А р а т ы р ь.

Презрительно. — Ну?

Т и м ъ л и х ъ.

Я говорилъ о Зміемъ.

А р а т ы р ь.

Презрительно. — Ну?

Т и м ъ л и х ъ.

Змій согласенъ. Она готовъ притти на помощь.

А р а т ы р ь.

Презрительно.—Ну?

Т и м ѣ л и х ъ.

Въ полночь до звона мы выпустимъ Змія внезапно: Зміи надвинется на Подвижника и его поглотитъ.

А р а т ы р ь.

Сквозь зубы.—Хорошо.

Т и м ѣ л и х ъ.

А теперь навѣдаюсь, что дѣлаетъ святой.—Выходитъ на землю, проходитъ осторожно къ пещерѣ и пропадаетъ черезъ невидимую щель во-внутрь пещеры.

А р а т ы р ь.

Вслѣдъ Тимѣлиху — Дьяволъ!—Онъ безпокойно ходитъ, потомъ, увидѣвъ брошенную на полъ молнію, беретъ, нюхаетъ и со злостью ломаетъ. — Порядочной молній не осталось. Все стервецы спалили.

Т и м ѣ л и х ъ.

Возвращается. — Подвижникъ не одинъ, у него блаженный!

А р а т ы р ь.

Овладевая собой.—Опять. Что еще надо этому...

Т и м ѣ л и х ъ

Укрѣпляетъ. Рассказываетъ все житіе.

А р а т ы р ь.

Ну, это ничего. Вреда не будетъ.—Вспоминаетъ.—За Смертью послалъ?

Т и м ѣ л и х ъ.

Еще съ утра. Она совсѣмъ остервенѣла, такъ и косить. Ей тоже завтра отдыхъ.

А р а т ы р ь.

Карга на насъ сердита?

Т и м ѣ л и х ъ.

Да, сердита... за ту ночь.—Ты погорячился. И вачѣмъ было путать старую чертовку?

А р а т ы р ь.

Вспыхнувъ.—Старый чортъ!

В ѣ с т н и к ъ.

Запыхавшись, къ А р а т ы р ю.—Смерть притти не можетъ.

А р а т ы р ь и Т и м ѣ л и х ъ.

Почему?

В ѣ с т н и к ъ.

Ей нѣтъ указа.

А р а т ы р ь.

Какого ей указа?

Тимѣлихъ

Ей нѣтъ указа, и притомъ, окончивъ работу, она пойдетъ въ баню. Завтра именинный день.

Аратырь.

Старая хрычевка.

Тимѣлихъ.

Ступай.

Вѣстникъ уходитъ.

Аратырь.

Съ безпокойствомъ.—Нашихъ никого?

Тимѣлихъ.

Всѣ по церквамъ, осталась одна рвань.

Аратырь.

Неувѣренный въ Тимѣлихъ. — Мы должны исполнить. Нынче конецъ испытаній. Насъ двое. Будемъ за одно.

Тимѣлихъ.

Гордо.—Пора.

Аратырь и Тимѣлихъ скрываются во тьмѣ.

СЦЕНА II.

Привратникъ и Грѣшная дѣва.

Страсти кончились и за ограду изъ церкви доносится пѣніе irmosъ.

Волною морскою скрившаго дрвеле гонителя мучителя, подъ землею скривша спасеннымъ отроцы: но мы, яко отроковицы, воспоемъ поемъ, славно бо прославися.

Привратникъ

Дремавшій на скамейкѣ, поднялся. — Вотъ ужъ и Пасха. Привелъ Богъ! Хорошо на Пасхѣ! Ждешь ее, ждешь, измайшься на стояніяхъ, а она и придетъ, красная. Бывало, какъ въ звонаряхъ служилъ, подходитъ этотъ часъ, лѣзешь, бывало, на колокольню, а морозъ такъ тебя всего и ѣсть, а потомъ, какъ грядешь въ колоколъ... Послѣдній разбойникъ въ этотъ день какъ самый первый святой дѣлается. Только что Дьяволу скучно, — у него, у темнаго, все чистый понедѣльникъ. И хорошо помереть на Пасхѣ, прямо въ рай. — Пойти приложиться къ Плащеницѣ. — Скрывается въ воротахъ.

Пѣніе ирмосовъ продолжается, кончаютъ. —

Не рыдай мене мати, зряще во гробъ, ево же во чревь безъ стъмене зачала еси сына: востану бо и прославлю ея, и вознесу ея славою непрестанно яко Богъ, еярою и любовію тя величающая.

Грѣшная дѣва.

Вбѣгаетъ изъ-за ограды, нарядная, въ оборванномъ нарядѣ. Она остановилась у колодца, смотритъ вокругъ, она одна. — Вытолкали меня изъ церкви, — вырвали мою пасху, растоптали, не дали приложиться къ Плащеницѣ. — Грѣшная я, послѣдняя... Но развѣ я не смѣю? Развѣ Ты пришелъ для праведныхъ? — Ты все знаешь! Тайныя мысли, ихъ никто не знаетъ, Ты ихъ знаешь, и зачѣмъ создалъ меня? Я одна. И нѣтъ мнѣ мѣста. Научи! Помогни! — Не знаетъ, куда дѣваться.

СЦЕНА III.

Аратырь, Тимѣлихъ, Грѣшная дѣва, Подвижникъ, Черти.

Аратырь и Тимѣлихъ.

Мелькнувшіе въ аду, появляются на землѣ и съ разныхъ концовъ.—
Пора — Пора.

Тьма на землѣ сгущается. Жуткое полунощное молчаніе. Старые обдрыванные черти, живущіе за ветхостью въ аду, какъ въ богадѣльнѣ, почувявъ развлеченіе, высыпаютъ мышами изъ угловъ и щелей ада и пробираются тихонько на землю.

Червый чортъ.

Съ удовольствіемъ.—Змій поднялся.

Второй чортъ.

Теперь ужъ дудки!—тому не сдобровать.

Третій чортъ.

Живьемъ поглотить.

Четвертый чортъ.

Зря закопался,—Змія не осилишь. Въ царствѣ Змія все отъ вѣка и во вѣки.

Первый чортъ.

Змій поднялся.

Второй чортъ.

Огонь пышетъ изъ его пасти,

Третій чортъ.

Что-то будетъ?

Четвертый чортъ.

Только бы успѣть до звона.

Первый чортъ.

Га!—живой рукой сладить.

Второй чортъ.

Звонарь полѣзъ на колокольню.

Третій чортъ.

Поднимаютъ хоругви.

Четвертый чортъ.

Зажигаютъ свѣчи.

Первый чортъ.

Схряпаетъ, успѣетъ.

Второй чортъ.

Къ третьему.—Не засти, за рогами не видно.

Третій чортъ.

А у тебя дрожить хвостъ.

Черти, переминаясь,
лѣзутъ другъ на друга,
дрожать.

Первый чортъ.

Змій пошелъ.

Второй чортъ.

Захлебываясь. — Сейчасъ поглотить.

Третій чортъ.

Змій пошелъ.

Четвертый чортъ.

Змій побѣдитъ.

Подвижникъ.

Изъ пещеры. — Боже мой, Боже, для чего Ты оставилъ меня!

Первый чортъ.

Какъ же, дери глотку!

Второй чортъ.

Покричишь!

Третій чортъ.

Такъ тебя и услышать.

Четвертый чортъ.

Посмотримъ, братцы, придутъ ли спастъ его.—Обрываетъ жиденькимъ смѣшкомъ.

Первый чортъ.

Кричать: — Змій побѣдилъ!

Всѣ черти.

Подпрыгивая и кружась въ неистовствѣ — Змій побѣдитель! Змій побѣдилъ!

Стѣна въ пещерѣ таетъ
и въ туманномъ свѣтѣ
видна раскрытая пасть
Змія, въ которой вдругъ
очутился Подвижникъ.

Аратырь.

Нечеловѣчески изогнувшись, показываетъ Подвижнику Грѣшную двѣу-Турицу. — Вотъ она! Даю тебѣ! Твоя!

Тимѣлихъ въ сторону,
скрестивъ руки,
наблюдаетъ.

Грѣшная двѣва.

Въ озареніи, истово. — Да воскреснетъ Богъ — и расточатся врази его...

И въ мигъ молніей
прорѣзается пещера — глухой
громъ и ударъ колокола за оградой,
мелькнула свѣча — и хлынула
свѣтъ: Христосъ воскресъ
изъ мертвыхъ!

Аратырь и Тимѣлихъ.

Корчась. — Проклятый!

Занавѣсъ.

Э П И Л О Г Ъ.

У Пещеры Подвижника.
Начало звѣздной ночи.

СЦЕНА I.

Ангелъ хранитель и Ангелъ смерти.

Ангелъ смерти.

Я долженъ войти.

Ангелъ хранитель.

Тише. Онъ только-что заснулъ.

Ангелъ смерти.

Тамъ ждутъ его на небесахъ.

Ангелъ хранитель.

Помедли! Весь вечеръ онъ молился.

Ангелъ смерти.

Я не могу. — Пріотворяетъ дверь въ пещеру и отступаетъ.—У него свѣтъ!

Ангель хранитель.

Съ тѣхъ поръ, какъ послѣ испытаній на Пасху посѣ-
тилъ его Господь, у него свѣтъ.

Ангель смерти.

Страшусь, скоро явится сама. Онъ можетъ испугаться
Смерти.

Ангель хранитель.

Онъ Смерть однажды видѣлъ.

Ангель смерти.

Она причинить ему жестокою боль.

Ангель хранитель.

Лучше подождать.

Ангель смерти.

Нѣтъ, я не могу, я долженъ. Тамъ за его труды въ
награду готовится веселіе на безконечные вѣка.

Ангель хранитель,

Его душа не хочетъ разставаться.

Ангель смерти.

Колебясь.—Меня послали.

Ангель хранитель.

Задерживая. — Ты много видѣлъ. Ты помнишь, какъ уми-
ралъ законодавецъ Моисей?

А н г е л ь с м е р т и .

Тогда я дважды возвращался, не рѣшаясь вынуть душу. Самъ Богъ пришелъ, поцѣловалъ его въ уста и поцѣлуемъ принялъ душу. Къ Маріи приходилъ царь Давидъ, игралъ на гусляхъ.

А н г е л ь х р а н и т е л ь .

Испуганно.—Смерть!

СЦЕНА II.

А н г е л ь х р а н и т е л ь , А н г е л ь с м е р т и , С м е р т ь ,
А р а т ы р ь и Т и м ѣ л и х ъ .

Появляется Смерть
на конѣ. Ангелъ храни-
тель заслоняетъ
входъ въ пещеру.

А н г е л ь с м е р т и .

Часъ пришелъ.

Смерть остановилась.

А р а т ы р ь .

Внимательно читавшій газету, вдругъ забеспокоился, досталъ свитокъ и желѣзный крюкъ, оправился и полѣзъ на землю. Къ Смерти. — Здравствуй, мать! Эхъ, бабушка, покормишь ли насъ прошеннымъ кусочкомъ, попоишь ли козловымъ молокомъ?

С м е р т ь .

Я разобью ему сердце.

А р а т ы р ь.

Нехотя, какъ водится, къ Ангелу хранителю.—Онъ нашъ!

А н г е л ь х р а н и т е л ь.

Развертываетъ свитокъ. — Читай, вотъ свитокъ его дѣлъ.
Ему сидѣть въ раю.

А р а т ы р ь.

Ну что-жь. Намъ съ тобой союза нѣтъ. Пришелъ по
душу, бери.

Смерть слѣзаетъ съ
коня и направляется къ
пещерѣ.

А н г е л ь х р а н и т е л ь.

Къ Ангелу смерти. — Скажи ей.

А н г е л ь с м е р т и.

Къ Смерти. — Стой!

С м е р т ь.

Я никого не милую. Предо мною не идетъ вѣстникъ.
Я послана отъ Господа Бога. Я—престрашная Смерть.

Ангель / смерти
раскрылъ дверь пещеры
и скрылся въ свѣтъ, исхо-
дящемъ отъ закопаннаго
Подвижника.

Т и м ѣ л и х ь.

Вернувшійся откуда-то въ адъ почти тотчасъ по появленіи А р а-
т ы р я на землѣ, высунулся изъ ада; хриплымъ простуженнымъ голосомъ,
кивая по направленію къ пещерѣ. — Комедію ломаютъ.

А р а т ы р ь.

Увидя его, удивленно. — Ты вернулся?

Т и м ѣ л и х ъ.

Наши взяли верхъ.

А р а т ы р ь.

Много говорилъ?

Т и м ѣ л и х ъ.

Воля, равенство, тьма темъ свободъ!

А р а т ы р ь.

Охота! Вѣчно одно и тоже.

С м е р т ь.

Я не могу больше ждать.

А н г е л ь с м е р т и.

Изъ пещеры. — Да будетъ!

С м е р т ь.

Сходя въ пещеру. — Вотъ вѣнецъ!

А н г е л ь х р а н и т е л ь.

Упалъ на землю.

А н г е л ь с м е р т и.

Душа, познай свое тѣло: въ послѣднее воскресеніе ты снова возвратишься въ него. Душа, познай свое тѣло! Душа, познай свое тѣло!

А н г е л ь х р а н и т е л ь .

Предалъ духъ свой сырой землѣ.

А н г е л ь с м е р т и .

Мужайся, ты на землѣ сотворилъ волю Божью.

А н г е л ь х р а н и т е л ь .

Радуйся, душа!

Черезъ минуту изъ пещеры выходитъ Ангелъ смерти: онъ держитъ въ рукахъ завернутую въ плену праведную душу. Ангелъ хранитель, остававшійся въ дверяхъ, слѣдуетъ за нимъ.

Т и м ѣ л и х ъ .

Нѣтъ, ты стой! Надо посмотрѣть, не наша ли? — И хотѣлъ было по привычкѣ преслѣдовать ангеловъ, но раздумалъ, потянулся, зѣвнулъ и сталъ неспѣша съ важностью спускаться въ адъ.

А р а т ы р ь .

Къ Ангелу смерти.—Ну, попляши! — Свернулъ изъ свитка трубу, приставилъ къ губамъ, трубить.

Ангелъ хранитель и Ангелъ смерти поднимаются на небо.

Со святыми упокой душу раба твоего...

СЦЕНА III.

С м е р т ь , А р а т ы р ь и Т и м ѣ л и х ъ .

С м е р т ь

Вышла изъ пещеры, плотно закрыла за собой дверь, сѣла на кони, обращаясь къ публикѣ, вѣще и свирѣпо. — Остынетъ трупъ. Не прикоснутся черви, нетлѣннымъ останется до вѣка. Но взятый изъ земли, вернется въ землю: съ каждымъ днемъ онъ будетъ погружаться, съ каждымъ лѣтомъ глубже—обниметъ землю-мать, и волоса на головѣ его смѣшаются съ тразою. Когда уйдетъ весь въ землю, знайте, настанетъ Страшный Судъ. — Уѣзжаетъ.

А р а т ы р ь.

Махая вслѣдъ С м е р т и, безнадежно.— Не прошибешь.— И спускается въ адъ, къ Тимѣлиху. — Кладбищенская шляха.

На колокольнѣ звонъ
по усопшему.

З а н а в ѣ с ь.

Конецъ всему представляемю.

1907 г.

ТРАГЕДІЯ
О ІУДѢ ПРИНЦѢ ИСКАРІОТСКОМЪ.

Въ трехъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія лица:

Иуда—принцъ Искаріотскій.

Стратимъ—принцъ Искаріотскій.

Ункрада—племянница царя Искаріотскаго.

Платъ—игемонъ Ерусалимскій.

Сиборія—жена Симона, хозяина сада, въ которомъ растутъ золотыя яблоки.

Кадиджа—служанка Сиборіи.

Зифъ
Орифъ } приближенные Иуды.

Обезьяній царь.

Вѣстникъ.

Мѣсто дѣйствія.—Первое дѣйствіе происходитъ на островъ Искаріотъ. Второе и третье—въ Ерусалимѣ.

Время дѣйствія.—Во дни царя Ирода.

ДВѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

У потайной двери, выходящей изъ дворцовой ограды къ морю.

СЦЕНА I.

Орифъ и Зифъ.

Орифъ.

Сидитъ на камнѣ недалеко отъ потайной двери. На лицѣ полумаска. Мурлычить.—„Ни заря зарѣветъ, ни солнце всходитъ, только приходитъ черный кудлатый въ лаптяхъ. И онъ взялъ ее за бѣлу руку, повелъ ее въ зеленый лѣсъ. Тамъ новый дворъ, свѣтлые покои. И посадилъ ее за бѣлымъ столомъ, онъ насыпалъ ей золота-серебра.

— Ой мнѣ не мило золото-серебро, а только мнѣ мило отецъ-мать, братъ-сестра.

— Ой молчи, не плачь, красная панна, будетъ у тебя десять слугъ, десять слугъ, десять лихъ“...

Молчаніе.—Появляется въ дверяхъ Зифъ; на немъ тоже полумаска.

Орифъ.

Всполошился.—Кто идетъ?

З и ф ъ.

Ши-ши-га.

О р и ф ъ.

А! Это ты.—Съ сердцемъ.—Дергоногій кошатникъ!

З и ф ъ.

Оглянувъ его, со смѣхомъ.—Сидишь подъ кустикомъ и ѣшь листочки!

О р и ф ъ.

Не радъ, что взялся.—Ты отъ Ункрады?

З и ф ъ.

Ея затѣя.

О р и ф ъ.

Отправншь на тотъ свѣтъ Стратима?

З и ф ъ.

Мы отправимъ.

О р и ф ъ.

Придется кислиться въ этомъ чортовомъ логѣ, пока не вытечетъ мозгъ изъ костей промежъ мяса и шкуры...

З и ф ъ.

Придется.—Разражается смѣхомъ.

О р и ф ъ.

Ну что тутъ смѣшного?

З и ф ъ.

А у меня есть рыбка такая: кто посмотритъ на нее, того смѣхъ возьметъ.

О р и ф ъ.

Убирайся ты со своей рыбкой! Вытянуть бы тебя по боку палкой,—ишь вылѣзъ, какъ чуръ изъ печуры.

З и ф ъ.

Какой почетъ: убійца принца Стратима! Небось, Иудея такъ не оставитъ. За такую-то услугу насъ по-царски наградить: отвалить шапку золота. Да и отъ Ункрады перепадетъ: ся затѣя!

О р и ф ъ.

Не ори! наорешься изъ петли. Гогдна!—За нами тоже глазъ.

З и ф ъ.

Знатный пиръ устроили Ерусалимскіе купцы: одной арапской водки сорокъ бочекъ!

Шитыми вышивными коврами устланъ весь берегъ, поверхъ ковровъ горятъ самоцвѣты. Дудошники, балалаешники, гульба, музыка. Запалили дровъ костеръ,—разсыпался дробный жемчугъ краснымъ хороводомъ: Эй, растопчите!

Да, умѣютъ люди жить: раздолье—живи, ни о чемъ не печалься. Рассказывалъ мнѣ одинъ пріятель, бывалый человекъ, что за чудеса творятся въ этомъ Ерусалимѣ. Тамъ колось на поляхъ начинается съ самой земли, пчелы съ кулакъ, люди рослые, звѣри говорятъ человѣчьимъ языкомъ, житницы набиты пшеницей до верху съ остаткомъ, а Иорданъ-рѣка разливается съ тихими, глубокими заводями,

съ крутыми красными берегами. Дворъ игемона Пилата почище будетъ самого Обезьянскаго, дворцы крыты зеленою козарскою мѣдью, — дороже и краснаго золота! — денегъ куры не клюютъ, а пьютъ черезъ край до дна, и такъ всего вволю, хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся.

О р и ф ъ.

Долго пробудутъ здѣсь купцы?

З и ф ъ.

Сегодня въ ночь въ дорогу.

О р и ф ъ.

Въ Ерусалимъ?

З и ф ъ.

Прямой дорогой моремъ.

О р и ф ъ.

Намъ будетъ по пути. Пилать насъ приметъ. Ты съ корабельщиками сговорился? Не попадемся?

З и ф ъ.

Какой ты трусь!

О р и ф ъ.

А ты ярыга! Безногая гагара! Лѣзть живьемъ въ пасть, чтобъ тебя тѣ-то..! Нѣтъ, такъ не рука. Такъ на махъ невозможно. Насъ всякую минуту схватятъ, закуютъ въ желѣзо, да спустятъ три кожи, тогда ужъ поздно думать. А сдѣлать бы намъ дѣльце, да што-крыто на корабль.

Э и ф ъ.

Хе-хе,—разлакомился! Что жъ, по-твоему, я—дуракъ?

О р и ф ъ.

Принцъ Стратимъ на сторожѣ. Одинъ ни шагу. Сейчасъ, когда я пробирался къ этой западнѣ, мнѣ попалась цѣлая ватага его шишей. И пхъ узналъ поихъ савинымъ перьямъ.

З и ф ъ.

Стратимъ на кораблѣ. Я разговаривалъ съ нимъ... такъ слова два. Онъ кое-что ужъ знаетъ. Онъ держится особо. Онъ гордъ,—не даромъ носить имя первой птицы!—силенъ, славенъ, громокъ и пьянъ, какъ земля... ха, ха..! Я былъ во дворцѣ.

О р и ф ъ.

Ты шутишь?—Говори толкомъ.

Э и ф ъ.

У самого царя.

О р и ф ъ.

Тебя звалъ царь?

З и ф ъ.

Со всѣмъ почетомъ: тридцать три карлика, семьдесятъ и два шута,—шумъ, трескъ, звонъ.—Мы съ царемъ остались наединѣ. То да сѣ. Царь объявилъ, что съ поединка братьевъ его немилость пала и на насъ, на первыхъ приближенныхъ принца Иуды! Царь заключаетъ съ нами миръ. Припомнилъ нашъ походъ въ Біармію. Языкъ

развязался. Царь любитъ вспоминать холодную богатую страну: у бѣлыхъ береговъ свирѣлыхъ рѣкъ мы вмѣстѣ прожили не мало веселыхъ дней, тамъ—наши битвы и побѣда.

Эй! — стрѣлы натягивали тетиву тугого лука, летали, какъ снѣгъ, гремѣли, какъ громъ. Яровая пашня распахана была не плугомъ, а острыми копьями, взборонѣна не бороной, а коневыми рѣзвыми ногами, посѣяна не рожью,—однѣ буйныя головы, всполивана не осеннимъ сильнымъ дождемъ, а слезами...

Царь спросилъ: остался ли я вѣренъ? Я клялся. Годъ нашего похода—годъ рожденія Іуды. Слово за слово, царь рѣчь повелъ о нашемъ принцѣ: гдѣ принцъ бываетъ, здоровъ ли, видается ли съ братомъ. Ну, спросилъ и о Ункрадѣ. Я отвѣчалъ поправдѣ: Іуда попрежнему не пропускаетъ ни одного Совѣта, сидитъ за книгами, по вечерамъ—на морѣ, трезвъ, уединенъ, а главное — Ункрада... онъ такъ въ нее влюбился—бѣсится не хуже заправскаго жеребца, да и она не прочь. На это царь сказалъ: пока цѣла на головѣ его корона и ея зубцы не обломаны, пока стоитъ небо и земля, этого не будетъ, какъ многого еще не будетъ, что могло бы случиться очень просто. Назначилъ мнѣ на завтра часъ: жребій падаетъ на насъ съ тобой—намъ двоимъ предстоитъ отвѣтственное дѣло. Я согласился. Смекаешь?..

О р и ф ѣ.

Неужто царь рѣшилъ извести любимаго опальнаго Іуду?—Не могу взять умъ въ голову. Не понимаю.—Помню, я къ вамъ явился вѣстникомъ въ Біармію. Царь, услышавъ отъ меня, что у него сынъ родился, отъ радости заплакалъ, и грозный Юмала съ тѣхъ поръ не пожиралъ такихъ богатыхъ жертвъ, какъ отъ царя въ ту ночь, и краше царскаго ожерелья на истукана никто не вѣшалъ.

З и ф ъ.

Ункрада не солжетъ. Она первая намъ открыла объ опасности. Ея слова крѣпче сѣраго камня, ей нельзя не повѣрить. Царя я хорошо знаю: всякое бывало! Видишь дверь, черезъ нее никто еще не уходилъ живымъ. Много насѣяно кручины, много наропено слезъ, однѣхъ костей—цѣлая могила, не садится тутъ ни роса, ни иней, въ каждомъ камнѣ кровь и лишь вѣютъ вѣтры— сколько вѣтровъ! Спуста не молвится слово. Царскіе намеки ясны.

О р и ф ъ.

Неужто ссора братьевъ изъ-за Ункрады причина такого гнѣва!—Ужъ не влюбился ли старикъ на старости въ племянницу?

З и ф ъ.

Глупости! Этимъ онъ давно не занимается.

О р и ф ъ.

Мечтательно.— Она поле идетъ, ровно темная туча, она въ сѣни войдетъ—ясной зарей, она въ домъ ступитъ—солнцемъ, а сядетъ за столъ — красной панной. Она принесла намъ весну, разсвѣтъ, радость, веселье... Тутъ можно и съ ума спятить.

З и ф ъ.

Толкуй о старыхъ пчелахъ!—Ссора братьевъ только поводъ. Въ головѣ царя засѣла басня: помнишь, насаказали странницы, будто бы Іуда убьетъ царя отца, женится на матери царицѣ и станетъ самъ царемъ. Эта басня не даетъ царю покоя.

Ор и ф ъ.

Царь могъ повѣрить? Сынъ убьетъ отца, сынъ женится на матери! Безумный наговоръ. Бредъ самого принца. И гдѣ порука?

З и ф ъ.

Море подтвердило.

Ор и ф ъ.

Кто спрашивалъ?

З и ф ъ.

Царь.

Ор и ф ъ.

Царь. Вотъ какъ! Да, предсказанье должно исполниться, но если есть сомнѣнiе въ самыхъ пустышныхъ мелочахъ.. Самъ посуди, мыслимо ли дѣло: царица такъ стара. Ты съ принцемъ говорилъ?

З и ф ъ.

Гдѣ его искать! Я передалъ Ункрадѣ.

Ор и ф ъ.

Забезпокойся — Смотри, тамъ чья-то тѣнь.

З и ф ъ.

Гдѣ?

Ор и ф ъ.

Вошъ, у стараго колодца, видишь?

Зпфъ.

Не нашъ ли принцъ! Постоѣй, я посмотрю.—Идетъ къ колодезю.

Орпфъ.

Безпокойно.—Поди, сходи. У стараго колодца...

Зифъ.

За сѣной.—Стой, ни шагу дальше! Не уйдешь.

Орифъ.

Фу, духъ отшибло!

Зифъ.

Возвращаясь.—Никого нѣтъ. А мнѣ показалось, будто кто-то ударилъ меня по плечу—рука такая теплая.

Зифъ прохаживается.
Орифъ присѣлъ. Нѣкоторое время молчаніе.

Орифъ.

Самъ съ собою.—Судьбы не обойдешь. И впрямь выходитъ такъ. Пожалуй, и повѣришь... Все не къ добру, какъ передъ крупною бѣдой. На морѣ появились невиданныя птицы, укаютъ по звѣриному, на могилахъ видится огонь,—покажется, мигнетъ, исчезнетъ, въ лѣсу горитъ свѣча, столы трещатъ, на маковкѣ дворца садится филинъ, ласточки влезаютъ въ домъ, поетъ пѣтухъ съ поникшей головой, собаки воютъ, свиньи выносятъ солому со двора...

Зифъ.

Пустое! Дѣло не въ собакахъ и свиньѣ, была бъ рука крѣпка—мѣтокъ ударъ.

СЦЕНА П.

Орифъ, Зифъ, Ункрада.

Ункрада.

Появилась со стороны дворца. — ГОТОВЫ?

Зифъ.

Обнажаетъ мечъ.—Всегда и безъ ошибки—въ сердце.

Орифъ.

Сверкнувъ ножомъ.—Не задрожить.

Ункрада.

А я ..—Словно распустилась вся.—Я помогу моей душой. На кораблѣ погасли огни. Западаетъ мѣсяцъ. Меркнетъ ночь. Паруса подняты. Стратимъ съ своей ватагой во дворцѣ. Допьяна пьяны. Буянили. Теперь храпятъ. Сюда Стратимъ придетъ одинъ. Вы догадаетесь, когда начать. Потомъ трупъ въ море. Забьетъ волна. И не останется ни пѣны, ни пузырей.

Орифъ.

Вода глубока.

Зифъ.

Глубокомысленно. — Семь лѣтъ, какъ въ море опустили топоръ, а онъ все еще до дна не дошелъ.

Ункрада.

Стратимъ не ожидаетъ. Съ нимъ справитесь легко. Не

подымайте шума. Какъ трава не можетъ стоять противъ косы, такъ и онъ не могъ бы стоять противъ васъ. Живымъ онъ отсюда не долженъ уйти.

Орифъ.

Принцъ Иуда знаетъ?

Ункрада.

Нѣтъ. Я одна отвѣчаю. — Подаетъ кошелекъ. — Пока берите это, — тутъ аравитское золото.

Орифъ.

Благодаримъ. Исполнимъ все.

Зифъ.

Пѣтухъ не пропоетъ, какъ изъ Стратина вылетятъ душа. — А гдѣ намъ ждать?

Ункрада.

Станьте сюда. — Такъ. — Тутъ незамѣтно.

Зифъ и Орифъ прячутся.

СЦЕНА III.

Ункрада и Иуда.

Ункрада.

Задумалась. — „Береза, родимая береза! Кто тебя, березу, такъ опечалилъ? Холодный ли сѣверный вѣтеръ? Или же-

стокій морозъ? Кто оцѣпенилъ твои листья? Или гнѣвный потокъ отбилъ отъ корней твою опору — землю? Не отъ мороза ты застыла, и не вода тебя одолѣла. Нѣтъ, пришли...“ Вдругъ развернулась.—Если это такъ, если предсказаніе исполнится... Ну, посмотримъ—я разрушу небо! И увидимъ, кто сильнѣе? И узнаемъ, кто изъ насъ крѣпче? — Задумалась.— „Пришли, одолѣли, погнули твои вѣтви, родимая береза. Притоптали, повыврвали зеленую траву. Печалью восходитъ красное солнце..“ А ты вѣй, вѣтеръ, вѣй, душу, сердце понеси отъ меня моей родинѣ, обойми ее ласково легкими крыльями, согрѣй ея бѣлую грудь. Помоги мнѣ, вѣтеръ! пособи мнѣ, вѣтеръ! Я вернусь. Я приду къ твоимъ бѣлымъ роднымъ берегамъ. Я царя приведу—моего и твоего царя—луду.

Иуда.

Появляясь съ моря.—Что это западня? Здѣсь едва слышентъ голосъ. Морской вѣтеръ уноситъ половину словъ. — Осматриваясь. — Память мнѣ не измѣняетъ: здѣсь, на этой змѣиной дорогѣ, я встрѣтилъ тѣхъ вѣщихъ страшныхъ странницъ. Вѣдьмы облюбовали проклятую башню. Ункрада!

Ункрада.

Приицъ.

Иуда.

Дурныя вѣсти?

Ункрада.

Сядь тутъ.

Иуда.

Грустно.—Сегодня не приняла меня мать. Я больше не вижу отца...

У н к р а д а.

Злое небо! Межь нами роютъ ровъ. Твоя судьба рѣшится.

І у д а.

Рѣзко.—Кто рѣшаетъ?

У н к р а д а.

Сегодня послѣ приѣма ерусалимскихъ купцовъ, царь вошелъ къ царицѣ. Я находилась въ сосѣдномъ покоѣ. Сперва я думала уйти. Упомянули твое имя. Я насторожилась. Царь сказалъ, что его терпѣнью пришелъ конецъ, и выставилъ тебя царицѣ такимъ злодѣемъ.. отъ тебя будто бы возможно всего ждать: ты ужъ покушался на жизнь отца, ты погубишь мать и брата. А чтобы оградиться отъ тебя, царь рѣшилъ: объявить наслѣдникомъ Стратима, тебя же присудилъ къ изгнанію. Потомъ, твой приближенный, Зифъ сообщилъ мнѣ, что онъ былъ у царя и изъ его намековъ ясно понималъ, тебѣ угрожаетъ смерть.

І у д а.

Вспыхнувъ. — Меня лишитъ престола?—Я—на отца? Мнѣ—смерть?

У н к р а д а.

На, вотъ письмо Стратима. Я получила послѣ обѣда.

І у д а.

Быстро пробѣгаетъ глазами письмо.—Ему извѣстно рѣшеніе отца! Онъ проситъ у тебя свиданія? Ты ему отвѣтила?

У н к р а д а.

Я согласна.

Іуда.

Ункрада, Стратимъ сюда придетъ?! Такъ не должна была ты дѣлать. Онъ подумаетъ, ты заодно съ нимъ. Нѣтъ, этого не можетъ быть.

Ункрада.

Стратимъ сюда придетъ—къ старому колодцу. Ты пойми: такъ надо. Твоя судьба рѣшается. Буду съ нимъ ласкова и нѣжна. Онъ мнѣ повѣритъ. Онъ пойдетъ всюду, куда я захочу. Я заманю его сюда, къ этой двери. Ты его увидишь. Вы будете лицомъ къ лицу. Ты можешь не подымать руки, не проливать крови. Это сдѣлаютъ другіе: мечъ у нихъ остръ, стрѣлы часты. Такіе найдутся. Потомъ трупъ—въ море. Море костливо! Завтра скажутъ: ерусалимскіе купцы убили.

Іуда.

Ерусалимскіе купцы... а! вотъ что!

Ункрада.

Твой отецъ старъ. Ему не долго носить корону. Она перейдетъ къ тебѣ. Она—твоя. Твой будетъ островъ, твое и море. Мы покоримъ западъ до Океана, востокъ до Кавказа. Переплывемъ море вдоль и поперекъ. Пойдемъ на сѣверъ—на мою бѣлую родину. Я сама поведу тебя черезъ дикую степь, черезъ поемные луга, черезъ прилуги по зарѣ, по мѣсяцу, по звѣздамъ къ широкимъ омутистымъ рѣкамъ, къ вѣтвистой вербѣ. Тебя тамъ встрѣтятъ, какъ царя..

Словно колдунъ. — Зимы тамъ долги и темны. Бѣлый снѣгъ. Какъ завѣютъ сильные свирѣпыя сиверы, наложить зима желѣзные оковы на облаки и пойдетъ съ гвоздемъ: оковы-ваетъ воды и землю, накладываетъ на рѣки и озера ледяные мосты, скрѣпляетъ гвоздемъ. Зацвѣтутъ тогда окна мо-

розными цвѣтами, замететь путь перистымъ снѣгомъ, а по воздуху лютъ летить, нишетъ на вѣтви скатный перебранный жемчугъ. А придетъ весна, уснетъ черный сѣверный вѣтеръ, приплыветъ съ юга бѣлый, потихоньку повѣетъ. Встанутъ звѣри изъ спячки. Солнце опуститъ къ намъ на дворъ золотыя качели, день и ночь стоитъ, стелетъ по лугамъ красныя ткани, сѣетъ золотомъ. А вдоль берега бѣлыми цвѣтами калина свѣтитъ темную поросль. Не замѣтишь—лѣто прispѣло. Ночи—въ терновомъ огнѣ. Звонкія пѣсни. И вьются хороводы, какъ хмѣль. Такъ ночь до зари. Вотъ соберется гроза, разломить все небо и ударить проливнымъ дождемъ, а за пролоемъ—радуга. И поютъ, шумятъ луга. Ходитъ медвѣдь. Колесомъ пошло солнце подъ гору, повилась паутина, летитъ надъ полями. Въ красномъ гарусѣ кудрявая рябина. Ледовая роса на зарѣ. Это—осень. Унывно, тихо, прозрачно. По небу плывутъ облаки-лебеди. А лѣсъ у насъ какъ расшумится, то въ бую и въ шуму его ничего ужъ не слышно, только слышенъ человѣчій голосъ, это я запою тебѣ пѣсню,—уласкаю тебя... Поведу тебя дальше въ непроходимыя страны, обволоченныя лѣсами и туманами, бурей пройдемъ всѣ лѣса, и дальше за равнины, за дыбучія болота—мышинными норами, змѣиными тропами—за лукоморье, за желѣзныя горы, въ край чародѣевъ. Весь свѣтъ покоримъ, весь міръ будетъ нашъ.

Иуда.

А предсказаніе?

Ункада.

Выбора быть не можетъ.

Иуда.

Отецъ и мать и братъ—всѣ противъ меня.

У н к р а д а.

Я съ тобой. — Любишь ли меня?

І у д а.

Отрекаюсь отъ отца, который далъ мнѣ жизнь. — Цѣлую твой прахъ.

У н к р а д а.

Царство даю тебѣ. — Любишь ли меня?

І у д а.

Отрекаюсь отъ матери, которая въ мукахъ родила меня. — Касаюсь твоего сердца.

У н к р а д а.

Въ рай ввожу. — Любишь ли меня?

І у д а.

Отрекаюсь отъ брата, съ которымъ выросъ и полюбилъ солнце, море и землю. — Обнимаю твою душу.

Съ башни дворца — часы.

У н к р а д а.

Встрепенувшись. — Пора. Жди меня. Здѣсь найдешь друзей. Они тебѣ помогутъ. — Уходить въ сторону дворца.

СЦЕНА IV.

І у д а. З п ф ъ и О р и ф ъ.

Зифъ.

Выступаетъ. — Принцъ Іуда.

Орифъ.

Выступаетъ. — Принцъ Іуда.

Іуда.

Вы были тутъ? Вы слышали? Вы знаете? Вы — за меня?

Зифъ.

Принцъ, я научилъ васъ владѣть конемъ, я сковалъ вамъ боевой мечъ.

Орифъ

Я пѣлъ надъ вашей колыбелью пѣсни, — ихъ поютъ на бѣлой родинѣ Ункрады. Вамъ снился подъ мои пѣсни первый сонъ.

Іуда.

Я вамъ вѣрю. — Зачѣмъ у васъ такой нарядъ? Снимите эти маски. Къ чему скрываться? Вы за меня — вы правы.

Зифъ.

Да, но... маска не мѣшаетъ. Въ нашемъ быту носъ — все.

Орифъ.

Намъ такъ виднѣе.

Іуда.

Я одинъ самъ сумѣю защититься. Я знаю, вы за меня

готовы умереть. Въ волчій вѣкъ такая рѣдкость! Невѣрность и измѣну стоило бы вписать въ законы, какъ законъ. Духъ меркнетъ. Нѣтъ цѣннаго, есть только цѣны. Слова захватаны. Страшно стало говорить. Всюду кровь. Такъ отъ крови земля загорится, и не останется на свѣтѣ ни дерева, ни камня,—вѣтеръ развѣетъ прахъ... Чѣмъ я виновень?

Зифъ.

Принцъ, идутъ.

Орифъ.

Это онъ—вашъ братъ Стратимъ.

Гуда.

Ну что жъ—ну что жъ... мой братъ... Стратимъ.—Ходить ввадь и влоредъ. Задумался, про себя.

Пойдетъ Бука на сарай—
Конямъ сѣна надавай.
Баю, люлю зыбаю—
Идетъ батя съ рыбою.

Приотворяетъ дверь.—Звѣзда, спустись ко мнѣ!—Какъ бы гадал.— Берегъ въ пѣнѣ. Бьютъ валы. Море темно. Съдая даль. Звѣзда упала. Если бы не думать!—Вдругъ отступаетъ, потомъ беретъ затворить дверь,—не можетъ. Шопотомъ къ кому-то, кто находится за дверью и только ему одному виденъ.—Слышу, слышу. Опять вы пришли. Вы мнѣ говорили разъ, зачѣмъ же повторять?—память у меня хорошая, я не забылъ, я помню вашъ вѣщій голосъ!—Дверь сама собой со скрипомъ затворяется. Раздѣльно и ясно.—«Убьешь отца, женишься на матери, будешь царемъ».—Минуту стоитъ молча.—Нѣтъ, этого не будетъ. Этого не можетъ быть.—Къ Зифу и Орифу, успѣвшимъ занять безопасное положеніе, говорить твердо.—Идите на корабль. Корабль не отошелъ. Я буду слѣдомъ.

Зифъ.

Принцъ, васъ одного оставить... Тогда не надо медлить

Иуда.

Настойчиво.—Я буду слѣдомъ.

Орифъ.

Намъ не велѣно. Нашъ долгъ. Мы взялись исполнить.

Иуда.

Нетерпѣливо.—Идите! Корабль не отошелъ. Я буду слѣдомъ.

Зифъ и Орифъ уходятъ къ морю.

С Ц Е П А V.

Иуда и Ункрада.

Ункрада.

Внезапно появляется изъ-за развалинъ.—Не тревожься. Это я Я одна Я завела Стратима къ бѣгучему ключу. Онъ плутаетъ тамъ одинъ въ потемкахъ. Хочу еще разъ взглянуть... Что ты такъ смотришь?

Иуда.

Показывая на дверь; шопотомъ.—Онъ опять приходилъ.

Ункрада.

Что ты говоришь? Кто приходилъ?

Іуда.

Тѣ три вѣщихъ.

Ункрада.

Успокойся, все живое давно покинуло эту мертвую башню.

Іуда.

Нѣтъ, я ихъ узналъ. Онѣ мнѣ повторили слово въ слово предсказаніе.

Ункрада.

Это въ тебѣ кровь заговорила. Ты не думай. Оставь эти мысли. Я съ тобой—неразлучна.

Іуда.

Я отпустилъ и Зифа и Орифа. Они на кораблѣ.

Ункрада.

Зачѣмъ?—Ты все погубишь.

Іуда.

Я не могу.

Ункрада.

Не можешь?

Іуда.

Мнѣ страшно.

Ункрада.

Страшно! Да завтра же тебя убьютъ, какъ послѣдняго злодѣя.

Стратимъ.

За сценой.—Ункрада! Ункрада!—Гдѣ ты?

Ункрада.

Привяжутъ къ лошадиному хвосту, размыкаютъ по полю. Птицы налетятъ, поклюютъ твое тѣло. Вѣтры подымутся—размечутъ твои кости, и не останется отъ тебя ни слѣда, ни памяти. Что тогда твое пустое предсказаніе?

Стратимъ.

За сценой.—Ункрада! — Гдѣ же ты?

Ункрада.

Я приведу Стратима. Укрѣпи же сердце. Ради меня. Ради нашей любви. Ради нашего царства. Ты далъ мнѣ клятву. — Уходить.

СЦЕНА VI.

Иуда, Ункрада и Стратимъ.

Иуда.

Одинъ, въ задумчивости.—

Пойдетъ Бука на сарай,—
Конямъ сѣна надавай.
Баю, люлю зюбаю—
Идетъ батя съ рыбою.

Стратимъ.

Появляясь съ Ункрадой со стороны дворца, къ Ункрадѣ. — Ка-

кая глушь! Я въ первый разъ. Здѣсь выколешь себѣ глаза.
Сырость, холодъ. Что это, маякъ?

У н к р а д а,

Выступай смѣлѣй! Здѣсь выходи къ морю.

Стратимъ.

Черезъ ту щель?—Я прикажу разрушить эту стѣпу,

У н к р а д а.

Мы ее разрушимъ вмѣстѣ.

І у д а.

Прямо съ мѣста.—А! братъ. Какъ хорошо, что ты пришелъ. —
Смотри, я еще живъ.

Стратимъ.

Смѣривъ Іуду съ головы до ногъ. — Носишь имя принца, а
прячешься, какъ воръ.

У н к р а д а.

Такъ цари не поступаютъ.—Не правда ли?

І у д а.

Холодно. — Меня не оскорбить!

Стратимъ.

Хотѣлъ изъ-за угла! Ты, вѣрно, спряталъ въ этой
западнѣ своихъ наушниковъ? Намъ все они извѣстны. —
Ункрада, вотъ негодяй, какъ жаба, прѣлъ въ норѣ, вы-
слѣживалъ насъ... И готова для меня могила... Поторопился.

Ункрада.

Играя, ластится къ Стратиму. — Принць, не надо.

Стратимъ.

Двусмысленно. — Я увѣренъ.

Иуда.

Еспыхивая.—Принць Стратимъ... будущій властитель, царь ка!.. дни и ночи по кабакамъ — разгулъ и пьянство. Ты горящей головней покатишь наше царство, ты внесешь раздоръ, ненависть, и злобу, опустошеніе, кровь, пепель. звѣри наѣдятся человѣческаго мяса, птицы напьются человѣческой крови, ты выроешь могилу цѣлому народу.

Стратимъ.

А что тебѣ народъ? Ты покушался на жизнь отца.

Иуда.

Неправда.— Кто видѣлъ?

Стратимъ.

Да если бы не я, царь погибъ бы.—Цареубійца!

Ункрада.

Торжествуя. — Кто жъ правъ?—Рѣшайте!

Стратимъ

къ Ункрадѣ.—Смотри, бѣшенная пѣна! Онъ и на тебя бы поднялъ руку... отъ него все станеть.—Дразня Иуду.— Крылья подрѣзаны, хвостъ выщипанъ.

Ункрада.

Іуда, слышишь?

Іуда.

Въ ярости.—Замолчи!—самъ идешь па смерть.

Стратимъ.

Что тебѣ тутъ надо? Оставь насъ. Силой хочешь?—Какой-то проходимецъ, придорожный бродяга...

Ункрада.

Къ Стратиму.—Пойдемте, онъ убьетъ насъ...

Іуда.

Берется за мечъ.—Я готовъ.

Стратимъ.

Кто ты?—Достоинство не позволяетъ мнѣ...

Іуда.

Обмажетъ мечъ.—Такъ вотъ тебѣ.

Стратимъ.

Отступаетъ.—Я буду защищаться, какъ на большой дорогѣ отъ разбойниковъ.

Іуда.

Что?.. дрожишь?.. Одинъ ударъ — и тебя не станетъ. Ты въ моей власти.—Молчаніе. Подавая Стратиму свой мечъ, царственно. — Какъ царь, я отдаю тебѣ оружіе, первенство и островъ. Прощай.—Идетъ къ морю. Въ дверяхъ.—Море до облакъ.

Я свободенъ: я никогда не увижу отца, я никогда не увижу матери, а царство я отдалъ брату. — Къ Ункрадѣ.— Судьбѣ не найти меня,—съ вѣтра пришла и на вѣтеръ уйдетъ.

Стратимъ

Отбрасывая оружіе.—Несчастный! Для тебя нѣтъ спасенія. Съ ума сошелъ.

Ункрада.

Вслѣдъ, какъ во снѣ. — Часъ часу минуется. Иди. Ищи, кого надо. Люби, кого любо. Знаю я, какъ мнѣ быть. Оболокусь облакомъ, подпояшусь зарей, огорожусь мѣсяцемъ, обтычусь звѣздами, освѣчусь краснымъ солнцемъ, — пойду ни дверью, ни воротами, ни путемъ, ни дорогой, я отыщу на морѣ ключъ, я отомкну замокъ, я подыму неподъемную желѣзную доску, возьму изъ-подъ нея все горе и всю тоску и понесу въ моихъ рукахъ, не уроню, а уроню на землю—земля загорится, а уроню на воду—вода загорится. Я вложу всю тоску и все горе тебѣ въ ноги, въ руки, въ сердце, въ брови, въ глаза — ее въ пляскѣ не запляшешь, въ гудьбѣ не загуляешь. А ты, мѣсяцъ,—ты, мѣсяцъ мой, обманулъ меня! А вы, звѣзды, — вы, звѣзды мои, обманули меня! А ты, моя вѣрная темная ночь, ты меня не обманешь. Ты покроешь его темнотой—будетъ рвать на себѣ одежду, будетъ кровь изъ себя сосать.—Я возьму мой часъ,—я найду тебя.

З а н а в ѣ с ѣ .

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

У двора Пилата.
Виденъ садъ, огорожен-
ный заборомъ. Въ саду
яблоня съ золотыми ябло-
ками.

СЦЕНА I.

Кадиджа, Сиборія и Орифъ.

Кадиджа.

У забора изъ сада, къ Орифу. — Скажите, господинъ, какія новости во дворцѣ? Какъ здоровье игемона Пплата?

Орифъ.

Пріосанившись. — Попрежнему: ни хуже, ни лучше, одинаково. — Осъ тутъ такая пропасть, всю шею обкусали.

Калиджа.

Вы придворный?

Орифъ.

При управителѣ —лицо неприкосновенное.

К а д и д ж а.

Кланяясь. — Госпожу мою зовутъ Сиборія, а я—Кадиджа. Вотъ сколько лѣтъ я тутъ видѣла совсѣмъ другія лица. — Что старичокъ-управитель Карпій?

О р и ф ъ.

Э! да вы порядочно отстали.

К а д и д ж а.

Мы только-что вернулись въ Ерусалимъ. У бабушки гостили на Соколиной горѣ. Это тамъ—у Сорочинскаго поля. Съ бабушкой варили мы варенье, дѣлали пастилу. Ночью пріѣхали домой. Нашъ господинъ—Симонъ караулилъ садъ и только успѣлъ сообщить, что во дворцѣ произошли большія перемѣны и что, когда я сама все увижу, то просто ахну.

О р и ф ъ.

Управителемъ дворца назначенъ принцъ Искаріотскій, бѣжавшій съ вашими купцами съ острова Искаріота.

К а д и д ж а.

Принцы! — скажите! въ первый разъ слышу. И настоящій?

О р и ф ъ.

Съ удовольствіемъ разсматриваетъ прогуливающуюся по саду Сиборію. — Самый настоящій. Только безъ принцессы.

К а д и д ж а.

Наканунѣ нашего отъѣзда съ Соколиной горы при-
снилось мнѣ, будто сижу я одна въ темной комнатѣ и

вдругъ вижу: входятъ мужикъ съ фонаремъ, приподнялъ мужикъ фонарь и сталъ меня ловить, а самъ такой черный, косматый. Я—отъ него, онъ - за мной. Кружились-кружились: съ окна на лавку, съ лавки на полъ, по полу да къ дверямъ, перепрыгнули черезъ порогъ да въ сѣни, изъ сѣней на крыльцо, съ крыльца на дворъ, со двора за ворота — дальше и дальше — онъ меня какъ хапъ за руку и схватилъ. Бабушка говорить: пятничный сонъ сбудется въ воскресенье...

О р и ф ъ.

Недовольно. — Я въ сны не вѣрю. Старяки да старухи отъ нечего дѣлать ворчатъ да въ сны вѣрують.

К а д и д ж а.

Смѣясь. — А зачѣмъ же принцъ бѣжалъ?

О р и ф ъ.

Да если бъ не убѣжалъ, его бы приколошили.

К а д и д ж а.

Бѣдняжка.—За что же это такое?

О р и ф ъ.

Темная исторія. Царь — его отецъ, очень испугался предсказанія. У насъ на островѣ таскаются такія странницы, зовуть ихъ Судьяцами или просто вѣдьмами. Народъ мелеть про нихъ, будто онѣ и то и сѣ: и читають въ звѣздахъ и знаютъ, что должно случиться въ мѣрѣ на тысячу лѣтъ впередъ; окружены онѣ змѣями и змѣятами, лисицами и совами, а ноги у нихъ гусинья, — самъ видѣлъ. Эти-то вѣдьмы встрѣтили какъ-то нашего принца, отмѣрили ему таланъ, — пагородили такую чепуху, — уши вянуть. А принцъ возьми

да и рассказы все царю. Царь на усь и намоталъ. А тутъ подвернулись разныя другія исторіи: ихъ двое братьевъ — два принца, оба они влюбились въ одну, а она ихъ, какъ мертвой рукой обвела, околдовала. Нравъ и сталъ показываться. Разъ они другъ друга чуть на тотъ свѣтъ не отправили.

К а д и д ж а.

Долго ли до грѣха!—Кто жъ она такая?

О р и ф ъ.

Ункрада по имени—племянница искаріотскаго царя. Отецъ ея былъ настоящій царь — братъ нашему, а мать, хоть и царскаго рода, да плѣнная: съ сѣвера, изъ дремучихъ лѣсовъ, тамъ, гдѣ бѣлое море. Когда они померли, царь взялъ къ себѣ Ункраду на островъ. Тутъ и началось. Глупая баба все на скуку наводитъ, а эта—самъ свѣтъ и огонь и краса. Брови густыя длинныя и такія черныя, словно два ворона сидятъ на ея глазахъ. Разгорится лицо—не уймется. А голосъ такой вольный—говоръ лебединая. Какъ запоетъ—старики запляшутъ, каменный заплачетъ, горить гора горъ.

К а д и д ж а.

Что жъ новый управитель — принцъ очень страшный?

О р и ф ъ.

А вотъ увидите: послѣ обѣда принцъ выйдетъ сюда съ пгемономъ на крылечкѣ посидѣть. — Какъ сказать? Задачливъ, разгораздъ, только больно базыковать: тутъ во дворцѣ все верхъ дномъ перевернулъ — здорово подчистилъ, да и намъ нагорѣло. Ну въ двадцать лѣтъ это понятно—въ горячей водѣ купанъ. Да со временемъ человѣкъ переработается.

К а д п д ж а.

Какъ его зовутъ?

О р и ф ъ.

Принцъ Іуда.

С и б о р і я.

Остававшаяся все время какъ-бы безучастной, съ Сольшимиъ увлеченіемъ, почти пораженная — Іуда?

О р и ф ъ.

Принцъ Іуда. У насъ на островѣ такое имя только царямъ дается, но тутъ у васъ въ Ерусалимѣ сплошь да рядомъ.

С и б о р і я.

Кто его такъ назвалъ—Іудой?

О р и ф ъ.

Кто назвалъ? — мать и море. Онъ первенецъ. Царица была въ годахъ, а дѣтей у ней все не было. Очень горевала. Бывало дни и ночи все у моря, все молилась. Знать, и намолила,—и бузины ѣсть не надо. Царь былъ въ походѣ, когда сынъ родился.

Іуда—по-нашему это все равно, что царь морской или водяной богъ.

С и б о р і я.

Съ любопытствомъ. — И не было у царя подозрѣній?

О р и ф ъ.

Какія подозрѣнія? — Царица никуда глазъ не показывала, жила черничкой, только развѣ что къ морю и пройдесть. А ровно черезъ годъ у ней другой сынъ родился.

Стратимъ. А этого назвали такъ по имени самой главной морской птицы: держитъ она подъ правымъ крыломъ бѣлый свѣтъ. Одинъ мудрецъ чудесно ее описываетъ.

Живетъ на синемъ морѣ,
Плодъ плодитъ на морѣ,
Въ морѣ яйца несетъ,
Изъ моря дѣтей ведетъ.

С и б о р і я.

Открываетъ лицо. Смѣшавшись, сквозь слезы. — Моя служанка мнѣ говорила, будто тутъ передъ дворцомъ ходитъ страшный старичище, а когда вы стали рассказывать, мнѣ и представилось, что это новый управитель... принцъ...

О р и ф ѣ.

Страшный старичище... Тутъ бываютъ только двое: я и Зифъ. Больше никого.— у вѣрно. — Эго — Зифъ.

К а д и д ж а.

А кто же этотъ Зифъ?

О р и ф ѣ.

Лицо неприкосновенное.—Отважный. Ничто его не держитъ: ни погода, ни вьюга, ни осенніе дожди. И гдѣ-гдѣ мы съ нимъ ни путешествовали!

Побывали мы и въ Мазаическомъ царствѣ: такое есть дѣвичье царство, а женятся онѣ на Ефіопахъ съ году на годъ,—мамчишекъ отдактъ Ефіопамъ въ ихъ земли, а дѣвчонокъ при себѣ оставляютъ. Прожили мы у нихъ съ мѣсяцъ въ родѣ Ефіоповъ,—такая была тамъ Василиса гусятница. Ну были еще и у тѣхъ чудаковъ, подъ негасимымъ огнемъ живутъ въ Алыберскомъ царствѣ: не пьютъ, не ѣдятъ,

куда вѣтеръ повѣетъ, туда и эти люди летятъ, какъ па-
утина, а смерти имъ нѣтъ, и въ руки не даются. Народъ
смирный, благочестивый: ни одного ругательнаго слова... Кое-
какъ протараканили время, посняли тамъ головъ двѣнадцать
для развлечения да въ Окаменѣлое царство пустились. Въ
Окаменѣломъ царствѣ ничего особеннаго, только что печки
топятъ орѣхами, да заброшено оно на конецъ земли, гдѣ ни
за какія деньги того же ситнаго не достанешь. Пообѣщали
мы имъ пирога съ горохомъ, да давай Богъ ноги. А то попали
мы разъ въ Поливянскую землю, такая есть Поливянская
земля, такъ въ этой самой землѣ, какъ есть, все ни на что
не похожее: люди не люди — полузвѣрь, получеловѣкъ, объ
одномъ глазѣ и объ одной ногѣ, а головы и въ поминѣ нѣтъ,
вмѣсто головы такъ что-то въ родѣ мышиннаго хвостика тор-
чить. Насилу мы ноги убрали. Круто пришлось.—Не отводить
отъ Сиборіи глазъ. — Зифъ—это задній умъ. Спитъ на одинъ
глазъ.—Да вотъ и самъ онъ.

Каиджа, вскрик-
нувъ отъ испуга, убѣ-
гаетъ.

СЦЕНА II.

Сиборія, Орифъ и Зифъ.

Зифъ.

Появляется изъ-за дворца отъ воротъ.—Ага! любезный другъ,—
такъ вотъ какъ ты запялъ ерусалимскими дѣлами. Губа у
тебя не дура.—Кто это?

Орифъ.

Сиборія, жена нашего сосѣда Симона.

Зифъ.

Той гнусавой развалны съ пауковой бородой?—Не

ожидалъ! — Кланяется Сиборию. — Я — совѣтникъ принца Зиѳъ, а этотъ почтенный старецъ—мой соратникъ Ориѳъ.

О р и ѳ ъ.

Обидѣлся.—Самъ-то ты правой ногой приволакиваешь. Хромой чортъ!

С и б о р і я.

Вы знаете моего мужа?

З и ѳ ъ.

Къ Ориѳу. — Лысый бѣсъ! — Къ Сиборию. — Отличный рѣдкій человекъ.—Замѣчаетъ яблоню съ золотыми яблоками; съ удивленіемъ. — Какія прекрасныя яблоки! — У насъ на островѣ искоріотскомъ нѣтъ ничего подобнаго. Я никогда бы не повѣрилъ, что гдѣ-нибудь на землѣ могутъ такія водиться.—Золотыя яблоки—и должно быть, очень вкусныя. — Заноситъ ногу, чтобы перелѣзть черезъ заборъ.

С и б о р і я.

Въ испугѣ.—Нѣтъ, никакъ нельзя. Эти яблоки заповѣдныя. Мы ихъ приносимъ только въ жертву. Въ память нашего сына. Мой мужъ дрожитъ надъ каждымъ яблокомъ. Онъ никому не довѣряетъ. Не спитъ ночей,—самъ ихъ стережетъ.

О р и ѳ ъ.

Пріосанившись. — Одинъ такой устерегъ...

З и ѳ ъ.

А я право бы не прочь... Сроду такихъ не пробовалъ: такія румяныя, какъ ваши губы, и золотыя, какъ эти волосы.—Лѣзетъ руками къ Сиборию

Сиборіа.

Отстра:яясъ.—Стыдно!—старый вы человекъ!..

З и ф ъ.

Пошевеливаясь. — Я хоть и старъ, но задатки еще имѣю—
кое-чего достаточно.

О р и ф ъ.

Фыркнулъ.—У меня побольше.

З и ф ъ и О р и ф ъ рас-
гугутились. Трогають другъ
друга, толкаются, подкря-
киваютъ, подмигиваютъ,
подгмыкиваютъ. Говорятъ
скороговоркой, двусмыс-
ленно, мѣтя въ Сибор-
ію.—Пантомима.

З п ф ъ.

Подмигнувъ О р и ф у. — У одного старика было десять сы-
новей и всѣ они десять поѣхали на одной лошади пахать.

О р и ф ъ.

Вотъ это — ловкачи. Чего же это они десять человекъ
дѣлали?

З и ф ъ.

Умные люди найдутъ, что дѣлать.

О р и ф ъ.

И-да, не хуже мохноногой.

З и ф ъ.

Пахали, да еще какъ!

О р и ф ъ .

Ха-ха-ха! Смекнула?

З и ф ъ .

Небось, смекнешь.

О р и ф ъ .

Похоже на то.

З и ф ъ .

И такъ—п сякъ.

О р и ф ъ .

И этакъ!

С и б о р і я

Добродушно.—Ей-Богу, прямо б'всы, только что хвостовъ н'втъ.

З и ф ъ .

Вотъ и ошибаетесь: есть—да еще какіе! Орифъ, покажи

О р и ф ъ .

Кобенясь. — Трудно вынимается.

З и ф ъ .

Вретъ: такъ недоростокъ.

С и б о р і я .

Какъ вамъ не стыдно! Скажу вашему принцу.—Скрывается.

СЦЕНА III.

З и ф ъ и О р и ф ъ.

Какъ только скрылась Симборія, тотчасъ Зифъ и Орифъ, не мигнувъ, бросаются къ тому мѣсту, гдѣ она стояла. Ищутъ щелку. Находятъ и смотрятъ въ садъ.

З и ф ъ.

Съ замеревшимъ дыханіемъ. — Лакомый кусочекъ.

О р и ф ъ.

Я ничего не вижу.

З и ф ъ.

Какъ она на меня смотрѣла... ты замѣтилъ?

О р и ф ъ.

Ты мнѣ ногу отдалилъ!

З и ф ъ.

А ты куда лѣзешь!

О р и ф ъ.

Бьюсь о закладъ: мое дѣло выгоритъ. — Съ пискомъ. — Червячокъ клюнулъ!

З и ф ъ.

Запыхавшись. — Рыбка попалась!

Орифъ.

Выглянь ты, солнышко!

Зифъ.

Высвѣтись, яблонка!

Орифъ.

Солнышко!—Яблонка!

Зифъ.

Нѣжно.—Сиборія, съ чего ты хороша такъ. Сиборія!

Орифъ.

Сюсюкая, какъ съ дѣтьми, и самъ себя отвѣчая. — Я — тутъ. Ты слышишь?—Нѣтъ.—А ты?

Зифъ.

Въ умѣ не устою. Пусти!

Орифъ.

Подажи мнѣ хоть пальчикъ! Дай пальчикъ!

Зифъ.

Отстань, не хочется... Пусти!

Орифъ.

Не владѣя собой. — Мляу-Мяу.

Зифъ.

Не владѣя собой. — Мляу-Мяу.

Зифъ и Орифъ, какъ слѣпыя котята въ молокомъ, тычутся къ щелкѣ.

СЦЕНА IV.

Зифъ, Орифъ и Гуда.

Гуда.

На крыльцѣ, нѣкоторое время смотритъ съ большимъ любопытствомъ. — Послушайте, — чѣмъ вы тамъ занимаетесь?

Зифъ.

Застигнутый врасплохъ, необыкновенно сурово. — Дѣла.

Орифъ.

Застигнутый врасплохъ, съ остервенѣніемъ. — Дѣла.

Гуда.

Поспѣшно сходить съ крыльца. Къ Зифу. — Ты вернулся съ корабля. Повсюду тебя ищутъ.

Зифъ.

Оправляется. — Не смѣлъ беспокоить, принцъ. Вижу — накрыть обѣдъ, я — сюда, а тутъ — Орифъ. Мы и поспорили: можно человѣку пролѣзть черезъ щелку или нельзя? Чокъ въ бокъ — и стали примѣряться.

Орифъ.

А больше не для чего.

Гуда.

Дикая игра! — Что новаго привезли купцы, какія вѣсти?

Зифъ.

Худымъ худо. Неважно. Разумъ у царя помутился. Доступъ во дворецъ закрытъ. Повсюду кишатъ шпионы, хва-

гають по первому доносу. Царю взбрело на умъ, что вы на островѣ опять, и изданъ былъ приказъ казнить всѣхъ рыжихъ. Сами знаете, рыжихъ, кромѣ васъ, нѣтъ никого, а вѣрные прислужники изъ выслуги перекололи не мало сѣдыхъ и черныхъ. Ункрада..

Іуда.

Ункрада?

Зиѣтъ.

Выходитъ замужъ за принца Стратима...

Іуда.

Не довѣрять. — Правда?

Зиѣтъ.

Слово въ слово.—Убийства, грабежи, казни. Недородъ хлѣбамъ, недорость травамъ. Моръ, голодъ, грозы. Деревья по корню приломились. Разгромѣлась туча, надрожалась земля отъ грома. Расходилось море со дна, день и ночь шумитъ безъ умолку. Луга, болота залиты водой. Бродятъ волки и змѣи. Это море мститъ за васъ. Говорятъ, море утишится, пройдетъ безгодье, умирится земля, когда воротится на островъ принцъ Іуда.

Іуда.

Весь опустошенный. — Мнѣ вернуться? Я ничего не зналъ! Словно ночь мое сердце, весь міръ закачался, перевернулось что-то... Куда мнѣ дѣться? — Я плохо вижу. Отецъ, мать, братъ... — Завертѣлся, какъ кубарь, кричить. — Ункрада, Ункрада!

Зиѣтъ.

Стараясь перекричать, во все горло. — Игемонъ

Орифъ.

Невозмутимо. — Стоить изъ-за пустяковъ такъ волноваться.

Зифъ и Орифъ от-
хслятъ въ сторону къ бо-
ротамъ.

СЦЕНА V.

Иуда, Пилатъ, Зифъ и Орифъ.

Пилатъ.

Съ крыльца. — Я разослалъ гонцовъ. Всѣ норы перерыли. Какъ въ воду канулъ. А онъ себѣ спокойно рѣшетомъ солище ловитъ. Не хорошо. Измѣна.—Смѣется.

Иуда.

Самъ съ собою.—Ункрада...

Пилатъ.

Иуди!—Принцъ!—Да что это на тебя столбнякъ напаль?

Иуда.

Безсмысленно. — Повтори,—повтори,—повтори!—

Пилатъ.

Ты оглохъ.—Я вѣдь говорилъ, вредно въ Иорданъ-рѣкѣ купаться. Принцъ!—Показывая рукою въ даль. — Эна—синее море!

Иуда.

Встрепенулся.—Подходить къ Пилату. Меня встревожили вѣсти: на родинѣ война.

Пилатъ.

Опять за старое. Что такое родина? — плюнь. Хочешь музыкантовъ? Хочешь, заставлю для тебя пролѣзть сквозь бревно — во всю длину? А то поотдохнемъ немножко и поѣдемъ кататься на слонахъ. — Чай, у васъ на островѣ бѣлые слоны не водятся?

Иуда.

Только хищные, бѣлые звѣрки о длинныхъ блошиныхъ ногахъ съ быстрыми сторожливыми мягкими лапками. Больше никого.

Пилатъ.

Ты нынче не въ духѣ. — Ну, засмѣйся! -- Знаешь что я придумалъ?

Иуда.

Я не Богъ.

Пилатъ.

А ну-ка отгадай!

Иуда.

Что отгадать?!

Пилатъ.

Не можешь. — Такъ и быть, скажу... аль не говоритъ?

Иуда.

Послѣ томительнаго молчанія. — Мнѣ все равно.

Пилатъ.

Хочу, чтобы ты женился.

Иуда.

Какія глупости!—Зачѣмъ?

Пилатъ.

Какъ зачѣмъ? — Чудакъ. Кажется по-русски я тебѣ сказалъ: хочу, чтобы ты женился.

Иуда.

Не нуждаюсь.

Пилатъ.

Позволь ужъ мнѣ знать, что тебѣ нужно. Принялъ я тебя, какъ родного сына. Ты былъ голъ, какъ лутошко, и босъ, какъ гусь,—обуль я тебя, одѣлъ, ты висѣлъ, какъ капля на листу, я далъ тебѣ уголь, я сдѣлалъ тебя первымъ человекомъ. Какой же я игемонъ, если не буду заботиться о своихъ подданныхъ, да еще о такомъ, какъ ты? Посмотри-ка на себя: ну на что ты похожъ?—И сонъ, поди, на глаза не идетъ, все, поди, ерзаешь. Ужъ мнѣ повѣрь: женишься и все пойдетъ по маслу.

Иуда.

Едва сдерживаясь.—А тебѣ бы я посоветовалъ разжениться. Ужъ слишкомъ ты масленъ.

Пилатъ.

Разжениться?—ха-ха!—мнѣ!—Самодовольно обводитъ глазами, словно готовый обнять все, что только можно обнять, замѣчаетъ яблоку съ золотыми яблоками. Пораженъ.—Что за чудеса?!—Принцъ, видишь?

Иуда.

Яблоки.

П и л а т ь.

Не вѣря себѣ. — З О Л О Т Ы Я ?

І у д а.

З о л о т ы я .

П и л а т ь.

С о р в и .

І у д а.

Н и к а к ъ н е л ь з я .

П и л а т ь.

Н е л ь з я ? !

І у д а.

О н и н е н а ш и .

П и л а т ь.

Р о в н о м а л ы й р е б е н о к ъ . — И з в е д у с ь ! С о р в и ! Х о ч у я б л о ч е к ъ з о л о т ы х ъ !

І у д а.

З а к о н ъ з а п р е щ а е т ъ .

П и л а т ь.

Я с а м ъ — з а к о н ъ .

І у д а.

М и н у т у о с т а е т с я н е п о д в и ж е н ъ . — М о л ч а н і е . — П о т о м ъ р ѣ з к о . — Я т е б ѣ д о с т а н у . — Н а п р а в л я е т с я к ъ з а б о р у , с р ы в а е т ъ з а м о к ъ с ѣ к а л и т к и , и с ч е з а е т ъ в ѣ с а д у .

З и ф ъ и О р и ф ъ , к о т о р ы е с л о н я л и с ь г д ѣ - т о н а з а д в о р к а х ъ , т е п ь н а з в о н ъ у п а в ш а г о з а ч к а в ы с о в ы в а ю т с я в п е р е д ъ и , с ѣ

любопытствомъ глядя на
П и л а т а, прыскаютъ отъ
смѣха. П и л а т ь сидить,
розиня ротъ, съ созна-
ніемъ всего своего безгра-
ничнаго величія и пред-
вкушая запретное удо-
вольствіе.

З и ф ь.

Закопъ!

О р и ф ь.

Эка пасть-то разинулъ.—Быка проглотилъ.

З и ф ь.

Жизнь и Смерть.

О р и ф ь.

Ничего себѣ мордочка.

З и ф ь.

Онъ тотъ, который знаетъ.

О р и ф ь.

Брюшко такъ и пышетъ.

З и ф ь.

Свѣтъ во мракѣ.

О р и ф ь.

Слюни распустилъ.

З и ф ь.

Сама судьба.

О р и ф ъ.

На колѣняхъ. — Радуйся, радуйся, цари!

З и ф ъ.

На колѣняхъ. — Радуйся, радуйся, цари!

З и ф ъ и О р и ф ъ прѣ-
чутся при видѣ Іуды,
который съ яблоками въ
рукахъ выходитъ изъ сада.

І у д а.

Изволновано. — Старый хрычь... Онъ бросился на меня изъ-за куста, онъ хотѣлъ меня ударить. — Кому-то грозя. — Ну, пеняй же теперь на себя. — Длины руки... — Подаетъ П и л а т у золотыя яблоки.

П и л а т ъ.

Облюбовывая яблоко. — Хорошо полакомиться золотымъ яблочкомъ! — Отвѣдывая. — Какъ сахаръ!

І у д а.

Разсматривая яблоко. — Не дурно. Такихъ я не встрѣчалъ нигдѣ. Горить, какъ жарь.

П и л а т ъ.

Входя во вкусъ. — Разуважилъ всласть. Просто прелесть. — Принимаясь за другое. — И дура же я, дура набитая, какъ это раньше-то я не замѣчалъ?

І у д а.

Играя яблокомъ. — Ты ничего не замѣчаешь. Цѣлое дерево передъ самымъ твоимъ носомъ.

П и л а т ь.

Будемъ имѣть въ виду.—Ахъ да, совсѣмъ я и забылъ. Иначе къ намъ гости будутъ: пожалуетъ самъ Обезьяній царь.

И у д а.

Любопытно.

П и л а т ь.

Мой старый закадычный другъ: вмѣстѣ пудъ соли съѣли. Нашъ Ерусалимъ—начальное царство, посреди земли стоитъ,—это пупъ земной, а Обезьянское царство отсюда рукой подать... Мѣстность лѣсистая, жаркая, богатства несмѣтныя. Такой народъ тамъ—бестія: чихнуть нельзя — все сейчасъ же у нихъ извѣстно. Обезьяній царь все знаетъ и по совѣтовать тоже можетъ за милую душу, что угодно... Хе, хе, войдетъ онъ и ровно всѣ обалдѣваютъ. Такъ изъ него и преть это обезьянское... старика подыметъ. Хе, хе, хе, все подыметъ. Вотъ самъ увидишь. Ты съ нимъ поговори. Замѣчательный: на ходу держитъ носъ противъ вѣтра, знаетъ переулки и закоулки, входы и выходы, не сдѣлаетъ дѣла проста, вретъ, какъ лыко деретъ, — такъ словами, какъ листьями, стелетъ, Асыка Первый. Вотъ кстати! Надо его угостить. На сладкое падохъ.

И у д а.

Много приближенныхъ?

П и л а т ь.

У! Не сосчитаешь! Сначала-то ничего, а потомъ: такъ и идутъ, такъ и идутъ, какъ рыба въ Иорданъ-рѣкѣ, да съ пѣснями, съ ладонями, — пискъ, визгъ, гикъ, толкотня. Одного сахара за день погрызутъ, другому бы на годъ хватило, а полъ изслѣдятъ,—съ недѣлю послѣ моютъ, ничѣмъ не отмыть. А есть среди нихъ презабавныя.

Іуда.

Скоморохи?

Пилатъ.

Какіе скоморохи?—Разсѣяно.—Погоди!.. что такое?.. что я сейчасъ подумалъ?—Ахъ, да!—Хохочеть..—Я этихъ твоихъ старыхъ дураковъ женю. Ей-Богу.—Потирая руки отъ удовольствія.—Посмотримъ, что-то выйдетъ.. человѣкъ и обезьяна. Хохочеть.—У васъ этимъ не занимаются?

Изъ сада подымается
глухой женскій плачь.

Іуда.

Насторожившись.—Не знаю.

Пилатъ.

А на тебя мы возложимъ обезьянны знакп. Ты такіе не видѣлъ?

Іуда.

Прислушиваясь.—Нѣтъ, не видалъ.

Пилатъ.

Я Проду-царю намени послалъ такой одинъ знакъ такъ онъ обидѣлся. Дуракъ!— Мало ли какіе бываютъ знаки: ну, у однихъ звѣзды, у другихъ звѣри, а у третьихъ это.. Что это за шумъ?

Іуда.

Безъ вбравшись въ себя. Да, какъ будто шумъ

Пилатъ.

Ужъ не пожаръ ли?—Вдругъ просіявъ.—А!—да это онъ—

Обезьяній царь!—А я ужъ думалъ, Богъ вѣсть, что. Надо отворить ворота настезь.

Иуда.

Дрожа всѣмъ тѣломъ.—Тамъ кто-то плачетъ.

Пилатъ.

Ну вотъ еще!—это тебѣ представляется. Я никогда не ошибаюсь.

Иуда.

Да, плачетъ.

Стукъ въ ворота.

Пилатъ.

Подымается.—Эй, кто тамъ, сюда!

Иуда.

Въ саду плачетъ.

Пилатъ.

Нетерпѣливо.—Какого чорта!—Я вамъ шиломъ глаза про герчу! Съ живого сдеру кожу!

Молчаніе. Входитъ
Орифъ.

Пилатъ.

Ну?

Орифъ.

Зифъ сейчасъ все узнаетъ. Зифъ на ногу лютъ, скорымъ на скоро сбѣгаетъ, дошлый—живо узнаетъ.

Стукъ въ ворота. Тре-
возно. Появляется Вѣст-
никъ.

СЦЕНА VI.

Иуда, Пилатъ, Орифъ, Вѣстникъ и Обезьяній
царь.

Вѣстникъ.

Его величество царь обезьяній, Обезьянь Великій—
Валахъ-Тантарарахъ—Тарандаруфа Асыка Первый.

Пилатъ.

Проси. — Вѣстникъ исчезаетъ. — Къ Иудѣ. А! Вотъ видишь
я никогда не ошибаюсь.—Идетъ къ дверямъ.

Музыка: обезьяній маршъ.

Пилатъ.

На порогъ. — Добро пожаловать, дорогой гость — насилу-
то дождался. Столы застланы, пироги напечены, меду на-
сычено, каша наварена. Эй, несите гуся, барана, бѣлую
лебедь!

Обезьяній царь.

На востокъ зажглась хвостатая звѣзда. Весь ея путь
въ огнѣ. Днемъ и ночью брежжитъ. Идетъ въ Ерусалимъ.

Пилатъ.

А у насъ золотыя яблоки.

Обезьяній царь.

Глазѣтъ на диво.—Неправдошныя.—Поддѣлка.

Пилатъ.

А ты не бойся.—Держи въ обѣ ланы. Попробуй па
удалую, что выйдетъ. Да похвали.

Обезьяній царь.

Не рѣшается взять. Вдругъ нашелся. — А у насъ по поднебесью медвѣдь леталъ, ногами примахивалъ, хвостомъ направлялъ.

Пилать.

А у насъ золотыя яблоки.

Обезьяній царь.

А у насъ безрукій яйцо подобралъ, голому за пазуху маклалъ, слѣпой подглядывалъ, глухой подслушивалъ, нѣмой ура закричалъ, безногаго въ погоню погналъ.

Пилать.

А у насъ золотыя яблоки.

Обезьяній царь.

А къ намъ Арапъ пришелъ. Ъсть не просить, засѣлъ подъ пирамиду, пескомъ питается.

Пилать.

А у насъ принцъ Искаріотскій Іуда

Обезьяній царь.

Взглянуеъ на Іуду, сбитый съ толку. — А у насъ... — Запнулся.

Пилать.

Предразниваетъ. — А у насъ...

СЦЕНА VII.

Тѣ же и Зифъ.

Зифъ,
Появляясь отъ воротъ.— Померъ человекъ.
Пилать

Говорятъ всѣ
вместѣ.

Ну?

Иуда.

Кто такой?

Обезьянный царь.

Человекъ?

Орифъ.

Я такъ и зналъ.

Зифъ.

Сосѣдъ Симонъ, хозяинъ сада.

Иуда.

Гдѣ?

Зифъ.

Нашли мертвымъ у яблони.

Иуда.

Давно?

Зифъ.

Еще теплый.

Иуда.

Такъ что жъ имъ надо?

Зифъ.

Говорятъ: убили.

Иуда.

Кто убилъ?

Зифъ.

Требуютъ игемона.

П л а т ь.

Теряясь.—Скажи, что я—я тутъ не при чемъ—у меня Гости.—Ты ужъ извини, Асыка, я сейчасъ.—Прячется во дворцѣ.

І у д а.

Самъ съ собою. Старикъ убить.—Рѣзко и отрывисто. — Кто смѣетъ требовать? Кто?—Чернь разогнать, трупъ похоронить, имѣніе и садъ—въ казну, а если есть жена, немедленно ее доставить во дворецъ!

З и ф ѣ.

Удаляясь.—По-царски.

О р и ф ѣ.

Удаляясь.—Ладно.

Обезьяній царь.

Схвативъ золотое яблоко, къ Іудѣ.—Молодчина! Руку...

П л а т ь.

Выглядываетъ изъ дворца черезъ полузатворенную дверь. — Начинается. Теперь пойдетъ потѣха!

І у д а.

Какъ съ цѣпи сорвался въ изступленіи.—Черная, красная, желтая, бѣлая,—будь ты чудовище, будь ты послѣдній уродъ, мнѣ все равно—всѣ равны. Нѣтъ памяти въ сердцѣ. Нѣтъ надъ сердцемъ суда. Нѣтъ сердцу отвѣта. Ты, Солнце, ты, Мѣсяць, вы звѣзды, и Тотъ, Кто словомъ держитъ землю, дайте звѣринную силу забыть! Подымитесь тучей, разорвите въ куски мое сердце: сердце помнитъ, сердце не забыло... Ноги мои гвоздями прибиты, руки мои гвоздями прибиты, прободено сердце, а я еще живъ!

Отъ воротъ появляется Сиборія въ сопровожденіи Зифа и Орифа. Они ее уговариваютъ.

СПЕНА VIII.

Іуда, Обезьяній царь, Зиѳъ, Ориѳъ и
Сиборія.

Зиѳъ.

Не кротк красоты. Не коли сердца.

Сиборія.

Куда вы ведете меня?—Что я вамъ сдѣлала?

Ориѳъ.

Не скорби лица. Не слези глазъ.

Сиборія.

Зачѣмъ увели меня?—Что вамъ надо отъ меня?

Зиѳъ.

Не клони головы. Уйми слезы.

Ориѳъ.

Нашъ принцъ не лисица: не объѣстъ, не обцарапаетъ.

Іуда.

Увидѣвъ приближающуюся Сиборію.—А, вотъ она!

Обезьяній царь.

Одной рукой подшвыриваетъ, другой рукой подхватываетъ золотояблоко.—Звѣзда идетъ!—Звѣзда идетъ!

Іуда.

Пристально и долгоглядитъ на С и б о р і ю, — Ты меня знаешь? —
Я — Іуда принцъ Искаріотскій. — Послѣ напряженнаго молчанія
къ З и ф у и О р и ф у. — Ведите во дворецъ. — Идетъ впередъ.

С и б о р і я.

У меня былъ сынъ Іуда.

З а н а в ѣ с ѣ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Въ саду Симона у берега Иорданъ—рѣки.

СЦЕНА I.

З и ф ъ и О р п ф ъ.

О р и ф ъ.

Сидитъ на скамейкѣ недалеко отъ калитки. Мурлычитъ. — „Пи зря зарѣть, ни солнце всходитъ, только приходитъ чернѣй кудлатѣй въ лаптяхъ. И онъ взялъ ее за бѣлу руку, повелъ ее въ зеленый лѣсъ. Тамъ новый дворъ, свѣтлыя покои. И посадилъ ее за бѣлымъ столомъ, онъ насыпалъ ей золота-серебра

— Ой мнѣ не мило золото-серебро, только мнѣ мило отецъ-мать, братъ-сестра.

— Ой молчи, не плачь, красная панна, будетъ у тебя десять слугъ, десять слугъ, десять лихъ...“

З и ф ъ.

Бродя, какъ сонная муха.—Много ихъ, обезьянъ, попало въ бѣду! Теперь расхлебывай. Ну правду говорятъ: войдетъ этотъ Обезьянѣй царь и ровно всѣ ободѣвають, все про-

клятый подыметъ! Про одного рассказываютъ: шантрянъ, схватилъ онъ подвернувшійся колъ и такъ ловко чвакнулъ сонную по головѣ, что у той сразу черепъ раскололся. Ткнулъ еще коломъ и пошелъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

О р и ф ъ.

Изъ ревности?

З и ф ъ.

Пѣтъ, такъ себѣ.

О р и ф ъ.

Пу и обезьяна! Эти обезьяны любого изъ насъ за полсъ заткнутъ.

З и ф ъ.

А что съ той косоглазой выдѣлывали—просто умора!—Гладилъ, гладилъ ее одинъ—тише воды, ниже травы—да какъ пырнетъ ножомъ...

О р и ф ъ.

Какъ же ихъ судили?

З и ф ъ.

По нашему закону.

О р и ф ъ.

Закаталп.

З и ф ъ.

Одна дорога—всѣмъ беспощадная казнь. Принцъ Іуда не умолимъ: не спускаетъ вины виноватому.

О р и ф ъ.

Я бѣ и самого этого Валахъ—Тантарарахъ—Тарандаруфу положилъ бы на ладонь и другою раздавилъ, вотъ такъ! Онъ вѣдь всѣмъ коноводилъ.—Да и не одного его... а и еще кое-кого...—Ласковыя лести, привѣтливыя слова, чомы да ломы. Только что по поясъ человекъ, а тамъ—скотъ. Намутилъ, пакостникъ!

З и ф ъ.

Не поздоровится! — Всякій свое, какъ полагается, по закону получить: кому вытянуть жилы, кому гвоздь вобьютъ въ голову, кому животъ распорютъ, кого сожгутъ въ уголь, кого бросятъ въ котелъ съ расплавленнымъ свинцомъ, кого закопаютъ по уши въ землю, кому голову долой. Знай нашихъ!

О р и ф ъ.

Грустно. — Что-то теперь у насъ на островѣ Искаріотѣ?

З и ф ъ.

Вѣстей давнымъ давно нѣтъ. — Должно быть, провалился.

О р и ф ъ.

Въ своемъ-то домѣ и углы помогаютъ.

З и ф ъ

Когда муравей перейдетъ черезъ море, тогда мы на островъ вернемся.—Острова намъ, какъ своихъ ушей, не видать. Выкинь ты его изъ головы

О л и ф ъ.

Встаетъ и бродитъ, какъ З и ф ъ, сонной мухой.—Здорово жарко.

З и ф ъ.

Насмѣшливо. — А ты чего такъ закутался, не зима. Ты хоть бы разстегнулся.

О р и ф ъ.

Раздраженно. — Самъ разстегнись.

З и ф ъ.

И разстегнусь.

О р и ф ъ.

Дразня. — Ну?

З и ф ъ.

Повертываясь къ О р и ф у спиной. Зло. — Проклягая среда, — безталанный день! — Что за дурацкія причуды: навязать носить эти обезьяньи знаки. Да съ такимъ сокровищемъ на шеѣ, если не прикрываться, никуда и носа не покажешь. Всякій тебя на смѣхъ подыметъ.

О р и ф ъ.

Слава Богу, что хоть только по середамъ велятъ. А те еще сопрѣешь. — Плаксиво. — мѣста себѣ не нахожу. Доведутъ они меня до конца: станешь хуже листа лежалаго. — Хоть бы въ холодокъ куда!

З и ф ъ.

Пашли посмѣшище! — Это за всё то за наши заслуги п такое безобразіе! Нечего сказать: показали Москву въ рѣшето! — Я такъ полагалъ, что намъ отвалятъ этакъ мѣшка по три чистаго золота. — Верхъ возмущенія. — До что мы ему въ самомъ дѣлѣ? — На чорта они намъ, обезьяньи знаки! — У меня тоже есть стыдъ! — Хороша дружба... неблагодарный.

О р и ф ъ.

Сиборія ему на насъ наговорила.

З и ф ъ.

Сиборія?

О р и ф ъ.

Была оплопка, — помнишь, мы въ щелку-то лѣзть хс-
тѣли... ты еще палець-то себѣ ссадилъ?

З и ф ъ.

Принцъ къ намъ ее ревнуетъ.

О р и ф ъ.

Тише, онъ тутъ въ саду.

З и ф ъ.

Съ нею?

О р и ф ъ.

Нѣтъ, съ игемономъ.

З и ф ъ.

А Сиборія?

О р и ф ъ.

Пошла во дворецъ. — Глубокомысленно. — Всегда-то норовить
пройти мимо меня. такая, право...

З и ф ъ.

Оживился. — За такой нуженъ глазъ да глазъ, а то живо
рога наставитъ.

О р и ф ъ.

Съ удовольствіемъ. — Не такъ давно, какъ поженелись, а она ужъ прямо на стѣну лѣзеть.

З и ф ъ.

Поводя усомъ. — Ему хоть колъ на головѣ тѣши, все равно, — писклячья душа. — Толкая О р и ф а подъ бокъ. — Ей нешто такого надо!

О р и ф ъ.

Не стоить мараться.

З и ф ъ.

Стоить и даже очень стоитъ... — Озлившись. — А то самъ — во какую, а намъ эти... обезьяньи знаки. Да еще это. Ишь чего захотѣлъ: женись, говоритъ, на обезьянѣ! — Перекашиваясь. — Кушайте сами, если больно охота.

О р и ф ъ.

Мнѣ эта чумазая тварь до сихъ поръ во снѣ снится. — Насилу тогда опомнился.

З и ф ъ.

А мнѣ досталась черная губастая, такая противная.. я плюнулъ ей прямо въ ротъ.

О р и ф ъ.

Шипить. — Мышій хвостъ — таракашій глазъ!

З и ф ъ.

На лицо само дѣло: принцъ Іуда къ памъ ревнуеть.

О р и ф ъ.

Волчья сыть — травяной мѣшокъ!

З и ф ъ.

Ухватило за сердце: вотъ и издѣвается.

О р и ф ъ.

И говорить не хочется! — Что тутъ хорошаго, въ этомъ Ерусалимѣ: ни въ любви, ни въ совѣсти, ни въ душѣ — на умъ ничего не пойдетъ. То ли дѣло на островѣ: ѣшь, сыть, не хочу! А тутъ круглый годъ впроголодь. У насъ калачикъ ѣшь — другой хочется, третій просится. Не люди тутъ, а ироды. Бьешься, перебиваешься, что рѣка отъ берега до берега. Все не по-нашему. — Чего добраго или одубѣешь, или спечешься: у меня по всему тѣлу что-то въ родѣ яичной скорлупы растеть. Надо бы хуже, да некуда.

З и ф ъ.

Не скажи, скоро тутъ такое подыметя, только пухъ полстить — будетъ гдѣ разгуляться.

О р и ф ъ.

Въ испугѣ. — Неужто опять Обезьяна? — Я не согласенъ. Я сбѣгу.

З и ф ъ.

Отъ Обезьяняго царя давно слѣдъ простылъ: онъ себя знаетъ. Нѣтъ, появился необыкновенный человекъ: псцѣляетъ мертвыхъ, подаетъ зрѣніе слѣпымъ, имѣетъ власть надъ вѣтрами и моремъ, а когда оцъ идетъ, на весь свѣтъ свѣтитъ, и поля и звѣри преклоняются передъ нимъ,

а глаза его—насквозь видягъ. Говорятъ, этотъ самый чело-
вѣкъ и будетъ царемъ Ерусалимскимъ.

О р и ф ъ.

А игемона по шапкѣ?

З и ф ъ.

Не на рукахъ же няньчить!—Надаютъ хомяковъ. Важ-
ное время приходитъ: такое тутъ подыметъ—пойдетъ смерть
по напастямъ, только держись

О р и ф ъ,

Осѣль.— Старъ я сталъ, на моихъ плечахъ семьдесятъ
два лѣта, ни новостей мнѣ не надо, ни богатства. Ты и
такъ, и сякъ, а оно возьметъ свое. А былъ-то я какой: кра-
сивый, стройный, хоть сквозь колечко продѣнь. Ушли мои
силы. Не воротиться ужъ въ молодые дни.— Присаживаясь.—
Милѣ сна нѣтъ ничего.

З и ф ъ.

Сопъ и смерть—братья. Гроза будетъ, ты и киснешь.—
А я еще молодцомъ: могу и туда и сюда воротить!

О р и ф ъ.

Чуть не плачетъ —Хоть бы кисленькаго чего!— что-то мо-
рить... Я очень грозы боюсь.

З и ф ъ.

Вставай ужъ!—Подсмѣиваясь. — Пойдемъ козью просто-

квашу ѣсть.—Подмигиваетъ.—Или покормить тебя медовыми оладушками? Эхъ ты, лягушечья мля! Боляба!

Зифъ и Орифъ удаляются въ глубь сада. Собирается гроза.

СЦЕНА II.

Зифъ и Ункрада

Зифъ.

Возвращается—Въ глазахъ позеленѣло. Нѣтъ, я не могъ ошибиться. Это она—Ункрада. Я хорошо вижу.

Ункрада.

Слѣдомъ за нимъ.—Ты меня узналъ?

Зифъ.

Изъ тысячи узналъ бы. Ничуть не измѣнились, Ункрада!

Ункрада.

Тише! Пускай, никто не знаетъ.—Гдѣ Іуда?

Зифъ.

Тутъ, въ саду. Жена его во дворцѣ.

Ункрада.

Онъ женатъ?

Зифъ.

Кончился медовый годъ.

У н к р а д а.

Кто же?

З и ф ъ.

Спборія, жена нашего сосѣда, Симопа.

У н к р а д а.

Я ничего не знала,

З и ф ъ.

Принцъ скоро выйдстъ.

У н к р а д а.

Послѣ нѣкотораго раздумья.—Тебѣ известна дорога къ ко-
рабельнымъ пристанямъ?

З и ф ъ.

Вссслая дорога, какъ не знать!

У н к р а д а.

Ты меня проводишь? Пускай никто не знаетъ. Я не хочу.
Понимаешь? Наши корабли еще не всѣ пристали. Ты меня
проводишь?

З и ф ъ.

Когда угодно.

У н к р а д а.

Я хочу все знать.

З и ф ъ.

Вы не останетесь?

У н к р а д а.

Вернусь потомъ. Я приду не такъ.

З и ф ъ.

Скорѣй идемте! Вы слышите?

У н к р а д а.

Прислушиваясь.—Иуда?

З и ф ъ.

Съ пгемопомъ.

Ункрада и Зифъ
торопливо уходятъ.

СЦЕНА III.

І у д а и П и л а т ъ.

П и л а т ъ.

Выходя изъ сала, къ Іудѣ.—Ты такъ спокойно можешь разсуждать о всякихъ предметахъ. Ученіе этого человѣка безсмысленно.

І у д а.

Сосредоточенно.—Онъ одинъ изъ тѣхъ, кто появляется во времена угнетенныя, когда власть крѣпка, а въ странѣ тишь да гладь. Жуткая наступаетъ пора. Кладбища—могилы, засыпанныя землей, только такъ кажутся тихими, и скрытое въ нихъ, все подавленное—живо, и въ тишинѣ и скрытно куетъ сердце изъ всѣхъ слезъ на всѣхъ огняхъ и кладетъ его, гордое и безстрашное, въ грудь человѣку... Громоу падаетъ онъ и мститъ за тысячи, и месть его жесточе тысячи местей... Нѣтъ, онъ больше всякаго мстителя, онъ сильнѣе

пророка, посылающаго на землю огонь и моръ, онъ выше
человѣка. Вѣтры носятъ его. Звѣри, трава, камни говорятъ
съ нимъ и повинуются ему, птицы внимаютъ ему. Жизнь
непонятна: живутъ, не зная для чего, мучаются, не зная за
что... И твоя правда, и моя правда, и вездѣ правда, а ни-
гдѣ ея нѣтъ. Онъ несетъ оправданіе жизни, онъ дастъ по-
выи законъ.

П и л а т ь.

Законъ! Царемъ хочеть быть? Царь Ерусалимскій!

Г у д а.

Сокровенно.—Вотъ остановился онъ на распутьѣ у трехъ
дорогъ. Онъ ждетъ къ себѣ другого... и такой долженъ
притти къ нему, измученный, нигдѣ не находя себѣ утѣ-
шенія, готовый принять на себя послѣднюю и самую тяжкую
вину, чтобы своимъ послѣднимъ грѣхомъ переполнить грѣхъ
и жертвою своею открыть ему путь...

П и л а т ь.

Какую жертву? И такъ все для нихъ дѣлалъ.

Г у д а.

Не отвѣчая; самъ съ собою.—Но сердце, принявшее на себѣ
послѣднюю и самую тяжкую вину, можетъ ли сердце вы-
нести всю тяжесть послѣдней вины?

П и л а т ь.

Эти буптовщики натворили не мало зла.

Г у д а.

Послѣдній грѣхъ, послѣдняя вина... она заполнить все

сердце, она охватить всю душу, она обниметъ тебя съ ногъ до головы. Люди въ ужасѣ отшатнутся отъ тебя, силы небесныя съ воплемъ отлетятъ прочь, выскользнетъ земля изъ-подъ твоихъ ногъ, и ты останешься одинъ,—повиснешь въ воздухѣ и будешь висѣть одинъ между землей и небомъ.

П и л а т ь.

Раздражаясь—Пу, что еще имъ надо? Что вздумали! У меня просто голова идетъ кругомъ. Конечно, у насъ найдутся средства. Я на тебя, принцъ, какъ на каменную гору.—Приостанавливается.—Какая грозная туча. Вешній градъ летитъ. Будетъ звонъ на небесахъ.

И у д а.

Гроза идетъ.

П и л а т ь.

А какъ твоя жена? Доволенъ?

И у д а.

Моя жена?...

П и л а т ь.

Она больная? Вотъ видишь, я вѣдь говорилъ тебѣ, я предупреждалъ... Можно и другую. За этимъ дѣло не станетъ.

И у д а.

Иѣтъ, я не про это! Мы другъ друга любимъ. Она веселая, спокойная, и смирна, какъ роса. По временамъ на нее находить. Въ такіе вотъ душные дни конца мѣсяца.

П и л а т ь.

Представь, это и со мной бываетъ.

Іуда.

Вотъ опа.

Сиборія проходитъ
по саду къ яблонѣ.

Пилать.

Наблюдасть за Сиборіей.—Не дурна.

Іуда.

Она становится у яблони и плачетъ.

Пилать.

О старикѣ?

Іуда.

Шѣтъ, о слпѣ.

Пилать.

Развѣ у нихъ были дѣти?

Іуда.

Одинъ былъ сынъ. Въ ночь, когда ему родится, появилась эта чудесная яблоня съ золотыми яблоками. Тутъ есть какая-то большая тайна.

Пилать.

Ты съ ней не говорилъ?

Іуда.

Ни разу.

Пилать.

Она горитъ, какъ свѣча. Смотри, цѣлуешь землю.

Іуда.

Ей представляется, будто она приходитъ на могилу къ сыну.

Пилать.

Я пойду. Перекушу немного. Пойдемъ! Не по душѣ мнѣ слезы, и претячь могилы. Пойдемъ.

Іуда.

Ей лучше, когда она одна. Я сейчасъ. Иди.

Пилать уходитъ по
направленію къ дворцу.
Іуда остается.

СЦЕНА IV.

Спборія и Іуда.

Сиборіа.

Стоитъ противъ яблони; причитаетъ. — Думала ли я, гадала ли я, что доживу до печальнаго разставанія и буду охать въ тоскѣ и бѣдѣ. Стало не въ мочь мнѣ кручиниться, пришлось говорить лютую гробовую тоску. У меня бьется сердце по тебѣ, убивается, а некому утѣшить меня. Всякій часъ, всякую минуту, по полуднямъ, по полуночамъ не заѣмъ, не запью, не проливъ слезъ. Ой, горькая истома моя! Бѣдное сердце, съ утра до вечера кручинное! Былъ ты бѣлѣе бѣлаго снѣга, румянѣе огненнаго солнца, милѣе серебристой луны. Горы меня облегли—обняло горе. Вздохни, отзовись! Или ты полюбилъ сырую мать-землю, забылъ свою родную? Подымались метели со снѣгами, то на мое горе, выходили тучи изъ-за облакъ грозными вьюгами, то на мою бѣду: онѣ унесли мой нена-

глядный свѣтъ, онѣ закрыли его и землю прикрыли. Заря выходитъ, а ты не взойдешь: ты съ черною ночью сдружился. Звѣзды взойдутъ огне-крупными слезами, на тебя взглянуть и падаютъ, а ты не шелохнешься. Сорву ли цвѣты, положу ли на могилу, не завянутъ отъ моихъ слезъ, слезъ горючихъ. Кто же выпьетъ мои слезы, какъ не сырая земля. О, ты, мой незапамятный! Во снѣ и наяву я плачу рыданіемъ и тебѣ не вижу. Во мнѣ все закручинилось. За то ли, что зачала тебя, за то ли, что любила тебя,—гдѣ ты? Синее ли море поглотило тебя, или убаюкало, баюкая:—„Ты убай, убай, синее море!“ — гдѣ же ты? Повѣдай, не скрывай, скажи мнѣ, я одна подлѣ тебя, я давно отвѣта жду. Или не узнаешь моего взрыднаго родного голоса? Кланяюсь, цѣлую въ губы, скажи на ухо, порадууй непорядную, обними обнимающую тебя.. Проснись, пробудись отъ непробуднаго тяжкаго сна!

Иуда.

Сиборіа... Сиборія смотритъ на Иуду съ простертыми руками. Подходить къ Сиборіа.—Сиборія, скажи мнѣ... Я стоялъ тутъ и слушалъ. Твой плачь надрываетъ мнѣ сердце. Пожалѣй себя. Развѣ ты не любишь меня?

Сиборіа.

Люблю тебѣ!

Иуда.

Милая горлица, бѣлая горлица! Будемъ другъ друга любить. Будемъ навѣки вмѣстѣ, всегда. Мы одни съ тобой—на вѣки. Насъ не разлучать ни снѣга, ни морозы.—Лаская, тихо.—Открой же: что на твоемъ сердцѣ? Не бойся.—Сиборія понурилась.—Я помогу тебѣ.

Сиборіа.

Цельзя мнѣ помочь.

Іуда.

У тебя грѣхъ на душѣ?

Сиборія.

Нѣтъ мнѣ просвѣта.

Іуда.

Въ чемъ ты винишь себя?

Сиборія.

Послѣ борьбы, совсѣмъ склонилась; еле слышно. — Грѣхъ я тяжелей согрѣшила.

Іуда.

Кто-нибудь знаетъ?

Сиборія.

Симонъ зналъ.

Іуда.

Рѣшительно, послѣ нѣкотораго молчанія. — Сиборія, какой бы ни былъ твой грѣхъ и пусть онъ будетъ самый тяжкій, клянись тебѣ, я его беру на себя.

Сиборія.

Никогда не замолить мнѣ его. Ему нѣтъ покаянія. Я понапрасно загубила безотвѣтную, безповинную душу.

Іуда.

Какой бы ни былъ грѣхъ, я принимаю на себя.

С и б о р і я.

Съ отчаяніемъ.—Я погубила своё единственное дитя.

І у д а.

Сына?

С и б о р і я.

Моего сына... Скажу тебѣ, не утаюсь.

І у д а.

Тихо.—Говори.

С и б о р і я.

Собравшись съ духомъ, спокойно.—Въ тотъ годъ, когда я вышла замужъ, привидѣлся мнѣ сонъ. Ко мнѣ явился крылатый юноша и опалилъ меня, ровно бы огнемъ, сказалъ мнѣ, что родится у меня сынъ, который погубитъ весь нашъ родъ: «убьетъ отца, женится на матери и будетъ царемъ, но горе его душѣ и надъ горями горе и надъ бѣдами бѣда—лучше бы было да ему на свѣтъ не родиться». Я рассказала мужу, а Симонъ шутилъ и смѣялся. Въ ту же ночь я зачала. А когда родился сынъ, страхъ обуялъ насъ: хотѣли убить его—рука не поднимается, жалко; оставить же у себя, воспитывать его,—страшно. Сколотила я дубочекъ изъ досокъ, осмолила гробикъ, выложила сѣномъ. Взяла я ребеночка, омыла моими слезами, отерла косами, запеленала въ пеленки, опоясала поясами, положила его, маленькаго, въ гробикъ, и подпись подписала съ именемъ и золотое яблоко положила ему для забавы. Снесла я гробикъ на Іорданъ-рѣку, пустили его въ море. Думала себѣ: понесутъ его волны, а море безнайду поглотитъ. Море и поглотило. Симонъ дожилъ до старости, никто его пальцемъ не тронулъ, самъ собою померъ нечаянной смертью безъ покаянія. Я за тебя вышла. А безвинное мое дитя погибло. Никто не знаетъ судьбы. А я повѣрила сну.

Іуда.

Давно это было?

Сиборія.

Лѣтъ двадцать.

Іуда.

Про себя.—Лѣтъ двадцать. — Громко. — А яблоко съ этой яблонн?

Сиборія.

Въ ночь, когда ему родится, чудомъ появилась золотая яблоня. Такой яблони на всемъ свѣтѣ нѣтъ.

Іуда.

А если явится человѣкъ съ такимъ золотымъ яблокомъ, онъ и будетъ твой сынъ?

Сиборія.

Онъ никогда не явится. Его море поглотило. Прежде, бывало-то, я все ждала его: припаду къ землѣ и все слушаю: не стучать ли колеса, не звенять ли подковы... Истаяли мои глаза. Мнѣ мучиться и не отмучиться.

Іуда.

А какъ звали твоего сына?

Сиборія.

Иудой.

Молчаніе. Появляется
Вѣстникъ, за нимъ
Зифъ.

СЦЕНА V.

С и б о р і я, І у д а, В ѣ с т н и к ъ и З и ф ъ.

З и ф ъ

Задерживая В ѣ с т н и к а.—Постой! Остановись! Куда идешь?

В ѣ с т н и к ъ.

Я долженъ сказать принцу.

З и ф ъ.

Сейчасъ не время.

В ѣ с т н и к ъ.

Украда привезла съ острова Искаріота важныя вѣсти.

З и ф ъ.

А тебѣ-то что! Сама придетъ и скажетъ.

В ѣ с т н и к ъ.

Принцъ ничего не подозрѣваетъ...

З и ф ъ

Принцъ забылъ все на свѣтѣ.

В ѣ с т н и к ъ.

Счастливый.

З и ф ъ .

Видишь, какъ онъ потемнѣлъ вдругъ, темнѣе тучи.
Пойдемъ отъ грѣха: увидить, еще задасть!

В ѣ с т н и к ъ .

Ну, пускай сама приходитъ. Я ей такъ и скажу.

Зифъ и Вѣстникъ
исчезаютъ. И черезъ нѣ-
которое время со стороны
рѣки появляется У н к р а -
да, оставаясь незамѣтною
для Сиборіи и Іуды.

СЦЕНА VI.

Сиборія, Іуда и У н к р а д а .

Сиборія.

Къ Іудѣ, молчаніе котораго становится невыносимымъ.—Да что же
ты молчишь?—Дай мнѣ отвѣтъ.

Іуда.

Внятно. — Я твоего мужа убилъ.

Сиборія.

Не понимаетъ. — Кто убилъ?

Іуда.

Я... я Симона убилъ.

С и б о р і я.

Смотрить съ недсвѣріемъ и тревогой. — Ты бредишь.

І у д а.

Твердо. — По повелѣнію игемона я вошелъ сюда, въ вашъ садъ, за золотыми яблоками, но не успѣлъ сорвать и яблока, на меня бросился старикъ, хотѣлъ меня ударить. Я оттолкнулъ его—крѣпко ударился старикъ объ землю и больше не поднялся. Это былъ Симонъ, твой мужъ. Онъ не самъ собою померъ, а вотъ отъ этихъ рукъ. Я его убилъ.—Простишь ли ты мнѣ?

С и б о р і я.

Поднялась въ тихомъ ужасѣ.—Я сейчасъ... я ничего не знала... не могу такъ сразу... дай мнѣ собрать мысли.—Идетъ, шатаясь, въ глубь сада, вдругъ остановилась. — Господи, какъ же это такъ.. Это невозможно...—И опять пошла.—Я ничего не знала.

І у д а.

Провожаетъ ее глазами.—Не простишь. — Ты мнѣ не простишь? — Стоитъ угнетенный. Невольно поворачиваетъ голову въ сторону Ункрады, вглядывается и пятится, признавъ У н к р а д у.

СЦЕНА VII.

І у д а и У н к р а д а.

У н к р а д а.

Покаялся?

І у д а.

Кто тебя привелъ?

У н к р а д а.

Море.

І у д а.

Что надо?

У н к р а д а.

Съ острова Искаріота вѣсти.

І у д а.

Что случилось?

У н к р а д а.

Ты клятву нарушилъ.

І у д а.

А ты?

У н к р а д а.

Кому ты повѣрилъ... Такъ-то ты любишь!

І у д а.

Ты измѣнила.

У н к р а д а.

Твой братъ убить—принцъ Стратимъ

І у д а.

Братъ убить?

У н к р а д а.

Со смѣхомъ.—Ерусалимскіе купцы убили.

І у д а.

Не понимаю.

У н к р а д а

Ты все забылъ... А я-то, бывало, въ сумерки, какъ сомкнется день съ ночью, придетъ короткая пора, я закрѣплю мое сердце, наклоню голову, сдержу тоску... А лѣсъ-то какъ расшумится... Ты все забылъ. А лѣсъ-то какъ расшумится, то въ бую и въ шуму его ничего ужъ не слышно, только слышенъ человѣческой голось. Я пою—это моя пѣсня жжетъ мнѣ сердце. Пѣсни мои, соколы, куда васъ дѣну? Любила тебя, буду любить и люблю наперекоръ вѣтру, грозѣ и бурѣ. Безъ тебя я годъ годовала—вѣкъ вѣка. Всѣ думы я продумала. А тоска росла, какъ вечерняя тьма подь осень.—Переступая.— Если бъ я забыла тебя, я никогда бы не пришла къ тебѣ. Смотри, голова моя увивана золотомъ. Я—твоя воля, я твоя судьба. Кладу ее выше плечъ на твою голову. Мой вѣнецъ не свѣютъ вѣтры, не смочутъ дожди, не сымутъ люди. Я нашла тебя.

І у д а.

Охваченный тревогой. — Ункрада... Ункрада?

У н к р а д а.

Твоя мать умерла.

І у д а.

Растерянно. — Мать?

У н к р а д а.

Она тебѣ не мать.—Ты не ея сынъ.

І у д а.

Она не моя мать?..

У н к р а д а.

Подойди ко мнѣ: не огонь иду, не обожгу.

І у д а.

Что ты говоришь!—Подходя къ У н к р а д ѣ.—Этого не можетъ быть.

У н к р а д а.

Двадцать лѣтъ твоя мать скрывала и только передъ смертью рѣшилась открыться царю. Она долго была безплодна,—про это все знали,—и желала ребенка. Никуда она не выходила, все молилась, только къ морю. Однажды, она молилась у моря, и увидала прибитый волнами къ берегу осмоленный гробикъ, а въ гробикѣ на сѣнѣ лежалъ младенецъ. Тамъ же и подпись подписана—имя, и диковинное золотое яблоко—для забавы. Вотъ это яблоко!—Горить, какъ жарь!—Подаетъ І у д ѣ яблоко.—Теперь ты свободенъ. Бояться нечего. Темно между землей и небомъ. Никто не знаетъ судьбы. Все предсказанія лгутъ.

І у д а.

Одними губами. — Предсказанія лгутъ... А это яблоко?

У н к р а д а.

Золотое, какъ солнце!

І у д а.

Солнце не лжетъ.

У н к р а д а.

Царь тебя ждетъ, царь передастъ тебѣ царство. Укроти-

лись въ полѣ вѣтры, умиралась земля, уходилась волна на морѣ. Грозно-сине-солоное море не горитъ погодой, установилось. Тихое тихо гонитъ воду. Корабль готовъ. — Протягиваетъ Іуда руку. Іуда столбомъ стоитъ; въ рукахъ у него золотое яблоко. — Что жъ ты стоишь? — не змѣя плыву, не оклюю. — Съ горечью. — Или жаль тебѣ теплаго угла, тѣнистаго сада? — Твоя жена покорна, она все забудетъ. — Что жъ? убилъ ея старика мужа: покаялся. — Она тебя проститъ. И заживете въ душу — и пройдутъ ваши годы, какъ птица пролетитъ! — Гнѣвно — Поди, простись съ ней. — Іуда попрежнему стоитъ, не подымая глазъ. — Царь! Ты — царь!

Іуда.

Вздрогнулъ, черезъ силу. — Посмотри, что съ нею — съ моею матерью...

Ункрада.

Съ твоей матерью?! — Смотритъ съ недоумѣніемъ вокругъ. Глаза упали на яблоню. Стоитъ пораженная. — ЗОЛОТЫЯ ЯБЛОКИ! — Вдругъ что-то напоминаетъ ей. — Гдѣ я ихъ видѣла?.. — Мучительно. — ЗОЛОТЫЯ ЯБЛОКИ... — Быстро подходитъ къ Іудѣ, смотритъ сначала на яблоко. — Дай его мнѣ! — Потомъ заглянула ему въ лицо.

Іуда.

Не выпускаетъ изъ рукъ яблока. — Тамъ она, въ саду... МОЯ МАТЬ...

Ункрада.

Отступаетъ. — Жена!

Іуда.

И мать.

У н к р а д а.

Подавивъ въ себѣ пы-
дымавшійся вопль, не-
ровно, озираясь, прохо-
дитъ въ глубь сада, откуда
скоро возвращается.

Шопотомъ. — Ее кинуло въ сонъ — она заснула подъ яблоней. Золотые ее волосы лучами раскинулись по землѣ. Она спитъ, какъ солнце спитъ въ яблоневомъ саду. Бѣло-алый цвѣтъ осыпается на ея глаза.—Вскрикиваетъ.—Смотри!— черное облако летитъ надъ нами!.. Ее громомъ убьетъ!

І у д а.

Выпрямляется. — Отбрасываетъ яблоко. Дѣлаетъ на себѣ крестъ. — Я готовъ.

У н к р а д а.

Преграждая ему путь. — Куда?..

І у д а.

На распутье.

У н к р а д а.

Какъ во снѣ. — Къ тремъ дорогамъ.

І у д а.

Принять за весь міръ послѣднюю и самую тяжкую вину.

У н к р а д а.

Иду за тобой. вмѣстѣ пойдемъ.. А ты знаешь имя послѣдней вины?

Іуда.

На минуту задумался; про себя.—Послѣдняя вина..

Ункрада.

Словно расцвѣла вся. — Имя ей—предательство.

Іуда.

Я ГОТОВЪ. — Идетъ въ предгромной тишинѣ.

Ункрада.

Бросается за нимъ. — Нѣтъ! Ты—царь. Твое—Море. Твой—Океанъ.—На колѣняхъ.—Остановись!—Какъ земля къ землѣ припадаетъ тихо и кротко, такъ я къ тебѣ... тихо и кротко...— Въ изступленіи.—Тебя твоя тѣнь покидаетъ. — У тебя нѣтъ больше тѣни! Іуда!—Ползетъ за Іудой. — Предатель... предатель... предатель...

Занавѣсъ.

1908 г.

ДѢЙСТВО О ГЕОРГИИ ХРАБРОМЪ.

Въ трехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ и апоѳеозомъ.

Дѣйствующія лица.

Бабеонъ—гласъ старцевъ.

Месій

Маргоній

Куменій

Афроній

Сандрій

Асинахъ

Градъ.

Фарносій—комедійный старецъ изъ народа.

Глашатай.

Епархъ.

Царь Дадіанъ—безбожный идоложрецъ.

Царевна.

Царевичъ Георгій, плѣнный изъ русской земли.

Волхвъ.

Четыре караульныхъ отвѣтчика у башенныхъ оконъ.

Змѣй водный.

Демонъ Самаилъ.

Палачъ.

Мастеръ.

Плѣнные цари.

Воины.

Вѣстникъ.

Ликъ праведныхъ мужей.

Ликъ праведныхъ женъ.

Канонархъ.

Юноши и дѣвы вавилонскіе.

Мѣсто дѣйствія—невѣрная земля городъ Вавилонъ.

Время дѣйствія—въ восьмомъ году девятой тысячи.

П Р О Л О Г Ъ.

Канонархъ, Ликъ праведныхъ мужей, Ликъ праведныхъ женъ.

Канонархъ.

Приидите, послушайте про чудное чудо,—скажетъ про Георгія храбраго! Не три года, тридцать лѣтъ подымался царь Дадіанъ, копилъ свою черную силу, накопилъ ея множество и пошелъ на Русь. Шелъ онъ черезъ быстрыя рѣки, черезъ грязи смоленскія, черезъ лѣса брынскіе. Рыкучимъ волкомъ лютый, гнѣвный, ярый насквозь прошелъ большую землю—Русь. Летѣли стрѣлы, какъ часты дожди, исцербились острыя сабли, свернулись копя. Божьи церкви онъ подъ дымъ спустилъ, святыя иконы онъ копьемъ скололъ, золото-серебро телѣгами повыкатилъ. Распустошилъ, все развѣялъ-разметалъ въ поло-на-поло. Города развоеваны, русская сила повыбита: „Добромъ дашь, такъ добромъ возьму, добромъ не дашь, лихомъ возьму!“ „Сѣките со стараго до малаго, не оставляйте на сѣмена!“ Пересѣкъ, перерубилъ всю породу, не оставилъ на'плодь людей. Вырублена, выжжена, развоевана, какъ пустынь пуста, стоитъ святая Русь,—одинъ звонитъ плакунъ-колоколъ. Ведетъ царь въ Вавилонъ царевича Георгія. Царевичъ не послушаетъ вавилонскаго царя, царевичъ не поклонится вавилонскому идолу. Предастъ его

царь лютой казни: будетъ мучить огнемъ, воздушною мукою, водой и землей. Всю муку вытерпитъ храбрый царевичъ, всѣ страсти вынесетъ Георгій непобѣдимой.

Ликъ праведныхъ мужей.

Возстаните, братіе, чудо увидите Георгія храбраго,— чудо его чудно.

Ликъ праведныхъ женъ.

Возстаните, братіе, муки увидите Георгія храбраго,— муки его люты.

Канонархъ.

Зарытый въ землю, изъ земли возстанетъ Георгій на зарѣ солнца, войдетъ на землю, побѣдитъ Змѣя, избавитъ царевну отъ Змѣя, побѣдитъ искусителя духа Самаила, насадитъ крещеную вѣру въ невѣрномъ Вавилонѣ и пойдетъ въ свою землю—на святую Русь. Тамъ, на святой Руси, погибаютъ въ вавилонскомъ плѣнѣ его братья и сестры. Родимая земля-мать, пока свѣтъ стоитъ свѣтомъ и солнце свѣтитъ, держи честно и грозно имя побѣдоносца Георгія!

Ликъ праведныхъ мужей.

Онъ спасетъ тебя отъ твоихъ враговъ, Христовъ-угодникъ непобѣдимый Георгій!

Ликъ праведныхъ женъ.

Онъ возвеличитъ тебя на страхъ врагамъ, Христовъ угодникъ непобѣдимый Георгій!

Канонархъ.

Аминь.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Ликъ праведныхъ мужей, Ликъ праведныхъ женъ, Старцы, Градъ, Фарносій.

Ликъ праведныхъ мужей.

Вотъ навѣрный градъ Вавилонъ. Великъ градъ и всё люди вѣруютъ въ идоловъ.

Ликъ праведныхъ женъ.

Туть не требуютъ ни среды, ни пятницы, ни Свѣтло-Христова воскресенія.

Ликъ праведныхъ мужей.

Трубитъ золотая труба, собираются вавилонскіе старцы.

Ликъ праведныхъ женъ.

Заря занялась. Ужъ вышелъ градъ и ждетъ старцевъ.

Ликъ праведныхъ мужей.

Вотъ жертвенникъ ихъ грознаго идола, вотъ капище.

Завтра ихъ праздникъ идольскій, бога невѣрнаго воскресеніе.

Старцы сошлись къ жертвеннику.

Б а б е о н ъ.

Грядущая ночь откроетъ праздникъ во славу нашего бога. Онъ—нашъ богъ великій и всемогущій, онъ разжигаетъ горы и доли, землю и воды, кости и жилы. Сотворимъ молитву и принесемъ ему жертву.

С а н д р і й.

Не забыли бы люди сдѣлать нужныя приготовленія къ празднику?

А ф р о н і й.

Я оповѣщу градъ.

Г р а д ъ.

Ждемъ вашихъ приказаній, старцы.

Б а б е о н ъ.

Месій, нынѣшняя Весна—твой чередъ, скажи имъ.

М е с і й.

Завтра великій весенній праздникъ Самаила,—приходъ весны, первый выгонъ скота съ зимовища въ поле. Ягненку вымажи губы медомъ, зажги на рогахъ свѣчу и гони скотъ священной вербой. Свари овсяный кисель и яичницу, да испеки каравай-моленникъ для пастуха. Пастуха окатить не забудь: не будетъ пастухъ дремать лѣто. Сѣй яровое и и росаду, да закопай въ полѣ яйцо и подъ порогомъ топоръ. Завтра, какъ ярые гоголи, выплывутъ въ море корабли.

Г р а д ъ.

Пала бы кораблямъ повѣтръ удобная!

М е с і й.

Полетятъ корабли, что соколы, выйдутъ въ море. Птицы на зарѣ, какъ заиграетъ солнце, запоютъ первыя пѣсни. Чтобы убересть скотину отъ медвѣдя, ступай ночью на паству и кричи во всю глотку, а отъ волка—заклясть надо волка глухого, слѣпного и хромого. Подрѣжь у годовалыхъ жеребятъ хвостъ да гриву и пусти на волю до свѣту. Коня надо гладить по хребту отъ головы до хвоста яйцомъ гладкимъ и круглымъ, чтобы былъ конь круглый и гладкій, какъ яйцо. Хорошо собирать росу: роса помогаетъ отъ сглаза и недуга.

Г р а д ъ.

Даль бы Богъ тихую да смирную росу!

М е с і й.

Ночью не пей изъ колодца—земля выпускаетъ ядъ. Не скачи на доскахъ,—припадутъ колосья къ землѣ. Ребятишкамъ хорошо въ лужахъ купаться и кататься по лугу.

Б а б е о н ъ.

По росѣ... По лугу—послѣ покоса.

Ф а р н о с і й.

И по росѣ и по лугу круглый годъ катаюсь,—очень помогаетъ.

М е с і й.

Ночью вѣдьмы свободны. Чтобы не обобрали онѣ молоко, терномъ посыпь дворъ. Въ полночь добудь косточку

зеленой лягушки,—приворожить, кого хочешь. Не забудь поставить ельникъ передъ воротами. А какъ заря съ зарею сойдется и запоютъ соловьи, зажигай костеръ и води хоро-воды! Съ полдня можно качаться на качеляхъ и купаться.

Ф а р н о с і й.

И другу и недругу закажу купаться, живо въ лапы къ Змѣю попадешь.

Г р а д ъ.

Змѣй того и гляди заложить источники и колодцы, не будетъ, гдѣ и схорониться. Многихъ не досчитываемся, жретъ проклятый!

Б а б е о н ъ.

Гдѣ его видѣли?

Г р а д ъ.

У Медвѣжьяго камня.

Б а б е о н ъ.

Его никто не видѣлъ, его только слышали.

Ф е р н о с і й.

Видомъ его не видали, слухомъ слышали!

Г р а д ъ.

Жретъ, проклятый! Не оставьте нашей нужды, постоите за насъ!

Б а б е о н ъ.

Не бойся, все пройдетъ! Какъ заря съ зарею сойдется и запоютъ соловьи, зажигай костеръ и води хоро-воды. По-

дите по своимъ домамъ и приготовьтесь къ празднику: ночь надо встрѣтить веселымъ пиромъ.

СЦЕНА II.

Старцы, Царевна и Фарносіи.

Царевна.

Здравствуйте, старцы!

Старцы.

Здравствуй, царевна!

Царевна.

Что въ городѣ у насъ, все ли по старому, по прежнему? Все ли готово къ празднику?

Бабеонъ.

Все готово, царевна.

Сандрій.

Всѣ будутъ довольны, царевна.

Месій.

Еще съ вчерашняго вечера, будто дятлы въ дерево постукивали, строили балаганы. Открылся торговый рядъ, ларечники несутъ запасы.

Афроній.

Ужъ такъ будутъ довольны и веселы.

Царевна.

Какъ давно не всходило надъ городомъ солнце!

Бабеонъ.

Купавая наша царица!

Царица.

Высоко солнце взошло, обогрѣло и освѣтило. Завтра первый весенній праздникъ. Слетятся птицы, сбѣгутся звѣри.

Афроній.

Бѣлая, бѣлая, нѣтъ тебя ни лучше, ни краше на всей землѣ.

Царица.

Подыметъ темная тѣнь, наплыветъ грозная туча. Мѣсяць заблекнетъ, призатухнетъ солнце.

Сандрій.

Вѣтры не вихнуть на тебя, солнце не печетъ лица.

Царица.

Смѣется.—Я не боюсь грозы.

Маргоній.

Лучше тебя нѣтъ въ Вавилонѣ.

Царица.

Сердце у меня спокойно, ровно бѣда крыломъ намахнула.

Бабеонъ.

Успокойся, царевна.

Царевна.

Сонъ мнѣ нынче приснился. И такъ мнѣ чего-то страшно, стало мнѣ больно.

Бабеонъ.

Не всякую ночь пророческій сонъ: иную ночь исполнительный, а иную пустой.

Асинахъ.

Всякій сонъ исполнится, хоть бы и три года пришлось ждать исполненія сна.

Царевна.

Стало мнѣ больно. Слышу невзгону надъ Вавилономъ.

Бабеонъ.

Успокойся, царевна, твой отецъ-царь вернется.

Маргоній.

Протрубить золотая труба: счастье твое на дворъ къ тебѣ придетъ.

Царевна.

Гдѣ же царь?

Бабеонъ.

Ушелъ царь воевать большую русскую землю бѣлаго царя. А лежитъ большая земля черезъ семь рѣкъ. Тамъ

пламя, великая тьма, дикі звѣри, тамъ змѣи живутъ—на
головахъ у змѣй самоцвѣтные камни.

Фарносій.

Много туда ѣздило, никто назадъ не пріѣзжалъ!

Царевна.

Царь привезетъ мнѣ самоцвѣтныхъ камней, — змѣи дадутъ
ему! Поясъ себѣ сдѣлаю изъ змѣиныхъ камней... Куда это
идутъ веселые люди?

Бабеонъ.

Къ намъ, царевна.

Маргоній.

Завтра играть будутъ скоморохи.

Фарносій.

Царя Собаку, сына его Перегуда, дочь его Пересвѣту.

Царевна.

Люблю веселыхъ людей. А у бѣлаго царя есть сынъ-
царевичъ?

Бабеонъ.

Непобѣдимый царевичъ Георгій.

Царевна.

Непобѣдимый царевичъ!

Бабеонъ.

Никто его одолѣть не могъ. Нашъ царь справится. Что ты такъ запечалилась?

Царевна.

Хотѣла бы я быть бѣлой царевной... А что на морѣ? Отчего на морѣ Змѣй появился?

Бабеонъ.

Кто его знаетъ, откуда напасть... Такая прекрасная ты купающая...

Афроній.

Бѣлая, бѣлая, нѣтъ тебя ни лучше, ни краше на всей землѣ.

Маргоній.

Лучше тебя нѣтъ въ Вавилонѣ.

Царевна.

Змѣй поѣлъ много народа?

Бабеонъ.

Змѣй никого не тронетъ.

Царевна.

Есть у меня золото и серебро, раздайте народу. А я пойду, меня ждуть подруги. Я сложу новую пѣсню-веснянку.

Бабеонъ.

Ты за насъ и за народъ—наша заступница.

Царевна.

Спасибо, старцы. Богъ дастъ вамъ помощи, Богъ нынче милостивъ.

С Ц Е Н А III.

Старцы.

Асинахъ.

Не добро, что царя нѣтъ.

Сандрій.

Безъ царя пиръ не поидеть, безъ царя праздникъ не въ праздникъ. Кому первому яйцо катать? Кто откроеть шествіе на пастбище?

Бабеонъ.

Епархъ.

Сандрій.

Молодъ онъ умомъ.

Афроній.

Силою онъ не силенъ, только напускомъ смѣлъ.

Сандрій.

Съ Змѣемъ надо управиться. Безъ царя кто его осилить?

Куменій.

Не стало въ городѣ управителя, всѣ въ раздоръ пошли. Поскорѣ бы вернулся царь: съ царемъ думу думать и мысли мыслить.

Месій.

А что если на пиръ встанеть Змѣй?

А фроній.

Незванный Змѣй.

Маргоній.

Кто еще знаетъ, что можетъ сдѣлать этотъ Змѣй!

А синяхъ.

Змѣй подыметъ, градъ потрясется.

Сандрій.

Змѣй съѣлъ аностратига.

А фроній.

Змѣй съѣлъ Эпимаха.

Бабеонъ.

Самъ виноватъ, самъ въ пасть полѣзъ. Змѣй отдыхалъ, положи голову на берегъ, подошелъ Эпимахъ и копьемъ пощекоталъ ему въ носу, Змѣй и съѣлъ его. Я такъ слышалъ.

А фроній.

И вовсе не такъ. Эпимахъ задумалъ купаться, пошелъ къ морю. Первая волна заманчивая,—заманила его отъ берега, вторая волна относливая,—заносила по морю надъ волнами. Поднялась волна, валомъ захватываетъ. Тутъ-то и завидѣлъ его Змѣй, налетѣлъ, забралъ въ хоботы, и попалъ несчастный въ самую середку, сжало его и одна пѣна осталась.

Сандрій.

Какая пѣна! Онъ просто сидѣлъ на берегу, какъ пень край дороги. Вышелъ Змѣй и готово.

Месій.

Какъ пень край дороги! Да онъ еще шевелемъ шевелится. Это неправда.

А син а хъ.

Змѣй подыметъ, градъ потрясется.

СЦЕНА IV.

Старцы, Епархъ и Фарносій.

Епархъ.

Что случилось? О чемъ спорите?

Бабеонъ.

Все идетъ не по доброму, не по хорошему. Въ городѣ несчастье есть. Народъ жалуется.

Епархъ.

Народъ всегда жалуется.

Бабеонъ.

Появился пронырливый Змѣй

Епархъ.

Кто его видѣлъ?

Б а б е о н ъ.

Есть на морѣ пучина безконечная, тамъ сидитъ Змѣй. Изъ ноздрей его дымъ идетъ, въ пасти шибаетъ огонь. Дрожать берега, со дна камни поворачиваетъ. Великъ, страшень, губителень.

Ф а р н о с і й.

Нѣтъ тамъ пѣшему проходу, конному проѣзду, ворону пропарху, соколу пролету, волку прорыску, зайцу пропуску.

Е п а р х ъ.

Не бѣда, гибнетъ простой народъ, его и такъ много. Стѣны города крѣпки, колодцы глубоки. Если выбрасывать въ день по мужику, Змѣй будетъ доволенъ и можно быть покойнымъ.

Б а б е о н ъ.

Апостратига Эпимаха съѣлъ Змѣй.

Е п а р х ъ.

Апостратига Эпимаха съѣлъ Змѣй?

Б а б е о н ъ.

Задумалъ апостратигъ купаться, пошелъ къ морю...

Е п а р х ъ.

Пустая молва! Эпимахъ отъ дряхлости едва ноги волочить.

Б а б е о н ъ.

Это не тотъ Эпимахъ, это другой.

М е с і й.

Не Эпимахъ, а Эпизодикъ.

Е п а р х ъ.

А, Эпизодикъ! Ходить слухъ, задумалъ онъ наложить на себя руки. Мы народъ успокоимъ.

Б а б е о н ъ.

Змѣй ухватчивъ.

М е с і й.

Кто къ морю выйдетъ, живу не быть, прочь не уйти. Завтра праздникъ, соберется много народа, наступаетъ на насъ бѣда.

Б а б е о н ъ.

Когда царь вернется?

Е п а р х ъ.

О побѣдахъ царя пошли вѣсти по всѣмъ странамъ. Вонъ караульные отвѣтчики у башенныхъ оконъ: они смотрятъ кругомъ на четыре стороны.

Б а б е о н ъ.

И звать его не дозваться, и ждать не дожждаться.

СЦЕНА VI.

Старны, Глашатай и Фарносій.

Г л а ш а т а й.

Царь вавилонскій Дадіанъ возвращается въ свой городъ Вавилонъ и съ нимъ все его персидское войско. Царь

ведеть въ плѣнъ трижды и три царя и съ ними плѣннаго царевича Георгія.

Старцы.

Непобѣдимый царевичъ на покорность идетъ!

Г л а ш а т а й.

Тьма силы съ царемъ. Золото катятъ телѣгами. Съ большой радостью возвращается царь.

Б а б е о н ъ.

Славенъ Вавилонъ непобѣдимый, бѣлокаменный.

С а н д р і й.

Стоитъ Вавилонъ и Змѣй не подыметъ.

А ф р о н і й.

Гдѣ ужъ тутъ подняться, царь возвращается.

Б а б е о н ъ.

Слава Вавилону, слава царю Дадіану!

М е с і й.

И всему персидскому войску.

К у м е н і й.

И всѣмъ живущимъ во градѣ.

Ф а р н о с і й.

Былъ я старикъ да девяноста лѣтъ, сталъ молодець да двадцати годовъ. Будеть нынче пиръ горой, радуйтесь и веселитесь!

Праведные мужи и праведныя жены въ сокрушеніи плачуть.

З а н а в ѣ с ѣ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Старцы, Градъ, Фарносій, Башенные отвѣтчики, Глашатай, Плѣнные цари, Георгій.

Бабеонъ.

Великъ побѣдитель нашъ царь Дадіанъ! Черезъ три моря прошелъ царь: первое море—черное, другое море—песчаное, третье—океанъ-море. Разступались дубы, преклонялись къ землѣ вершинами. Шелъ царь черезъ лютыя горы черезъ темные частые лѣса, свистѣлъ соловьемъ, ревѣлъ звѣремъ, рычалъ туромъ, шипѣлъ змѣей.

Градъ.

Всякимъ языкамъ спуску нѣтъ! Вотъ какой царь у насъ! Да здравствуетъ царь Дадіанъ!

Куменій.

Когда приведутъ плѣнныхъ царей?

Сандрій.

Солнце высоко, пора.

Б а б е о н ъ.

Узкими переходами зашелъ царь въ отдаленное царство Малобруново. Тамъ лѣса стоятъ отъ земли до неба. А изъ царства Малобрунова прямой путь въ большую русскую землю къ бѣлому царю.

Б а ш е н н ы е о т в ѣ т ч и к и.

Ведутъ плѣнныхъ царей.

Г л а ш а т а й.

Трижды и три плѣнныхъ царя изъ разныхъ земель и съ ними непобѣдимый Георгій.

Е п а р х ъ.

Ведутъ плѣнныхъ царей.

Вводятъ плѣнныхъ царей. Останавливаясь передъ жертвенникомъ, цари называютъ имена свси. Старцы повторяютъ имена ихъ Граду. Градъ повторяетъ за старцами.

П л ѣ н н ы е ц а р и.

— Я царь Абатуи Полунощный изъ земли Златыгорской.

— Я царь Тороканъ Молокита изъ земли Копейщатой.

— Я царь Салтанъ Леденецкій изъ Глухоморья.

— Я царь Грemitъ Горыловичъ изъ Лямской земли.

— Я царь Лазуръ Черногрудный изъ Мурманской земли.

— Я царь Скурла Скурлатовичъ изъ Пещерной земли.

— Я царь Фурлатъ Котобрульевичъ изъ Ножовской земли.

— Я царица Оруда Бородуковна, мать отъ Моря Холоднаго.

Приводятъ Георгія.

Г р а д ъ.

Царевичъ Георгій!—Храбрый Георгій!—Непобѣдимый Георгій изъ большой русской земли!—Русскій царевичъ!—Какъ свѣтится его лицо, какъ блестятъ его волосы!

Е п а р х ъ.

Ты царевичъ Георгій?

С т а р ц ы.

Говорить не хочетъ.

Е п а р х ъ.

Надо переломить упорство.

Ф а р н о с і й.

На поганомъ болотѣ развяжутъ языкъ, заговорить!

Е п а р х ъ.

Васъ безоружныхъ и слабыхъ привелъ царь Дадіанъ въ свой славный городъ Вавилонъ. Крѣпокъ, какъ синій камень въ Синемъ морѣ, какъ черный камень въ Черномъ морѣ, какъ арапъ-камень въ Арапскомъ морѣ, какъ алатырь камень въ Океанъ-морѣ, крѣпокъ Вавилонъ городъ.

С т а р ц ы.

Красенъ Вавилонъ городъ!

Е п а р х ъ.

Красенъ, крѣпокъ Вавилонъ городъ со стѣною бѣлокаменной изъ золота, серебра, мѣди и кристала, съ земляными раскатами, съ караульными башнями. Славенъ и непобѣдимъ сильный и могущій царь Дадіанъ.

С т а р ц ы.

Царь богу подобенъ!—Устами его глаголетъ самъ богъ!— Въ немъ вселился духъ Самаила!—Славенъ и непобѣдимъ сильный и могущій царь Дадіанъ!

Г р а д ъ.

Славенъ царь Дадіанъ!

Е п а р х ъ.

Велика сила царя. Не скаркать въ ночь этой силы черному ворону, не обрыскать въ ночь этой силы сѣрому волку, не объѣхать въ день лихому наѣзднику. Непокорныхъ онъ ввергаетъ въ огонь, непослушныхъ потопляетъ въ водахъ. Когда увидите царя, воздайте ему честь. Поклонитесь нашему грозному богу, творцу земли и неба, и земному богу—царю Дадіану.

С т а р ц ы.

Повѣруйте нашему богу, поклонитесь царю. Великъ нашъ богъ Самаилъ, славенъ царь Дадіанъ!

Г р а д ъ.

Славенъ царь Дадіанъ!

СЦЕНА II.

Старцы, Градъ, Фарносій, Плѣнные цари,
Георгій, Царь и Волхвъ.

Царь.

Я вавилонскій великій царь, царь царямъ, царь Дадіанъ.

Епархъ.

Цари пали ницъ.

Фарносій.

Георгій не преклонился.

Старцы.

Смирись, пади ницъ, безумецъ.

Царь.

Я оставилъ твоего отца и мать чернымъ воронамъ на пограянье, сѣрымъ волкамъ на потерзанье, станешь ли въ мою вѣру вѣровать, будешь ли моему идолу молиться?

Фарносій.

Георгій не преклонился.

Старцы.

Не гнѣви царя,—не тебѣ чета, и тѣ покорились.

Градъ.

Онъ въ темняхъ.

Ц а р ь.

Уймешься, будемъ хлѣба-соли ѣсть да вина съ медомъ
пить, не уймешься, мы сами уйдемъ.

С т а р ц ы.

Послужи царю вѣрою-правдою.

Г р а д ь.

Богъ помилуетъ, царь пожалуетъ.

Ф а р н о с і й.

Георгій не преклонился.

Е п а р х ь.

Волхвъ идетъ. Онъ старецъ твердой воли и крѣпкой
любви къ богу. Пусть разсудитъ волхвъ.

С т а р ц ы.

Вотъ человѣкъ, не чтущій Самаила и не преклонив-
шійся передъ царемъ.

Г е о р г і й.

Я стоялъ за вѣру крещеную, благословенную, я стоялъ
за церкви Божіи, я стоялъ за честные монастыри, я молился
Спасу Пречистому, я стерегъ мою родину—святую Русь. Я
изъ русской большой земли, я отъ бѣлаго царя Геронтія,
отъ царицы Софіи Премудрой, я сынъ ея. Я непобѣдимый
царевичъ Георгій.

В о л х в ь.

Не поклонись, потеряешь голову.

Г е о р г і й.

Вѣрую въ Господа распятаго, а богу твоему не кланяюсь.

Ц а р ь.

Что хочу, то сдѣлаю! захочу—огнемъ сожгу, захочу—потоплю въ водѣ. Не уйти тебѣ будетъ ни сухимъ путемъ ни водою.

В о л х в ь.

Повиненъ смерти. Огонь, воздухъ, вода и земля пусть истребятъ его.

Ц а р ь.

Да будетъ казнь.

С т а р ц ы.

Смерть ему!

Г р а д ь.

Смерть ему!

Ф а р н о с і й.

Теперь ты у насъ въ рукахъ, никуда не уйдешь, у насъ шутить не любятъ.

С т а р ц ы.

Слава Вавилону, слава царю Дадіану!

Г р а д ь.

Праведенъ царь и великъ!—О премудрый и прехрабрый царь!—Тутъ стоятъ не за что и спору чинить не о чемъ!—Онъ не здравствуетъ царскому чеху!—Не честь, не хвала ему, не выслуга!—Смерть ему! Смерть ему!

Фарносій.

Будеть нынче пиръ горой, радуйтесь и веселитесь!

Георгія ведутъ въ темницу.

СЦЕНА Ш.

Георгій, Царевна, Палачъ, Епархъ.

Царевна.

Гордый царевичъ, ты прогнѣвалъ царя.

Георгій.

Прекрасная царевна, какъ могу я его слушать?

Царевна.

Гордый царевичъ, тебя царь казнить

Георгій.

Приму и тысячу казней за вѣру Христову.

Царевна.

Ты гордый, ты безстрашный, я такихъ не видала.

Георгій.

Вѣрую въ Господа Распятаго, въ Немъ моя сила.

Царевна.

Научи царевичъ, я спасу тебя.

Георгій.

Буду страдать,—мой Богъ на крестѣ страдалъ.

Царевна.

И я хочу пострадать.

Георгій.

Вѣруй въ Господа Распятаго.—Молился.—Безначальне, живоначальне Боже всего міра, почивающій на херувимахъ, сѣдящій на вышнихъ и позирающій на всякую тварь, Боже, сотворивый небо и землю и пославый Духа Святаго Своего, въ руки Твои предаю духъ мой.

Палачъ.

Ну, иди, выходи, что ли! Ишь, какой.

Царевна.

Пощади его, палачъ!

Палачъ.

Дѣло не наше, царевна. Наше дѣло подначальное, что намъ велятъ, то и дѣлаемъ.

Епархъ.

Нечего съ нимъ разговаривать. Куйте ноги, связывайте руки крѣпко, ведите скорѣе.

СЦЕНА IV.

Старцы, Палачъ, Мастеръ, Фарносій, Градъ, Царевна.

Старцы.

Кто можетъ бороться, кто можетъ тягаться съ царемъ! Ему славу поютъ.

Г р а д ъ.

Не было еще человѣка, кто бы не преклонился передъ царемъ.

Ф а р н о с і й.

Палачъ идетъ и съ нимъ его мастера съ подмастерьями, ведутъ Георгія къ смертной казни, къ кровавой плахѣ. Что господа палачи, будетъ нынче работа?

П а л а ч ъ.

Нашли время. Не успѣешь и по хозяйству справиться. Тоже не какіе-нибудь, все надо честь-честью, такой большой праздникъ.

Ф а р н о с і й.

Что это у васъ за колесо?

М а с т е р ъ.

На колесѣ вертѣть будемъ.

Ф а р н о с і й.

А это пила что ли?

М а с т е р ъ.

Тысячезубецъ.

Ф а р н о с і й.

Да ты мнѣ палецъ не прищечи.

М а с т е р ъ.

А вы куда суетесь, не трогайте руками.

Мальчикъ-факельщикъ,
котораго Фарносій дер-
нулъ за ухо, подпалилъ
ему бороду.

Ф а р н о с і й.

Карауль! Гдѣ моя борода?

М а с т е р ь.

Не кричите! Голова цѣла и то слава Богу.

Ф а р н о с і й.

Бездѣльникъ, живодеръ.

Г р а д ь.

Какія тащутъ страшныя пытки, посмотришь,—съ мѣста
не сойдешь.

Ц а р е в н а.

Не пособите ли моему горю?

С т а р ц ы.

Что тебѣ надобно, царевна?

Ц а р е в н а.

Остановите ихъ, спасите его!

Б а б е о н ь.

Полно тебѣ, сама потеряешь голову.

А ф р о н і й.

Идешь или не идешь, поведутъ.

С а н д р і й.

Тутъ не выскочишь, тутъ не выпрянешь.

Ц а р е в н а.

Неужто нельзя спасти?

Б а б е о н ъ.

Силой возьмутъ, грозой царской заставятъ.

Ц а р е в н а.

Отъ его лица солнечные лучи. Спасите его!

С Ц Е Н А V.

Волхвъ, Старцы, Глашатай, Градъ, Фарносіи, Царевна, Башенные отвѣтчики, Ликъ праведныхъ мужей и Ликъ праведныхъ женъ.

Г л а ш а т а й.

Казнь идетъ.

С т а р ц ы.

Волхвъ беретъ книгу волховную. Положилъ въ чашу лютаго зелья — змѣинаго сала. По краямъ у чаши ровно ключъ кипить, посередкѣ огонь.

Г л а ш а т а й.

Мука огненная.

В о л х в ъ.

Камень отъ огня разгорается, булатъ отъ жара растопляется, такъ и Георгію сгорѣтъ въ огнѣ.

Отвѣтчикъ І.

Привязываютъ къ дереву. Расклали огня. Жгутъ его на огнѣ. Еле живъ стоитъ. Бьютъ молотомъ по головѣ. Истерзали все тѣло, палятъ до кости.

Ликъ праведныхъ мужей.

Пресвятая Мать Богородица, онъ стоялъ за Спаса Вседержителя, за Пресвятую Мать Божью, за честные монастыри, за церкви, за вѣру православную.

Отвѣтчикъ І.

Мастера ничего не придумаютъ, руки у мастеровъ опускаются. Поетъ стихи херувимскіе. Не беретъ огонь.

Старцы.

Не побѣдитъ онъ огня.

Отвѣтчикъ І.

Ведутъ къ раскаленной сковородѣ. Положили на сковороду, налагаютъ на голову раскаленный обручъ. Едва духъ въ немъ полуднуеть.

Ликъ праведныхъ женъ.

Помилуй раба Твоего Георгія, яко благовъ и челоувколюбецъ!

Отвѣтчикъ І.

Золотой вѣнецъ сіяетъ на его головѣ. Живъ и невредимъ. Не беретъ огонь.

Старцы

Не побѣдитъ онъ огня.

О т в ѣ т ч и к ъ I.

Бросили въ кипящій котель, въ олово. Варятъ на огнѣ

Л и к ъ п р а в е д н ы х ъ м у ж е й.

Господи Боже нашъ, пославшій росу небесную надъ три отроки и угасивый пламень, заступи и спаси Георгія!

О т в ѣ т ч и к ъ I.

Кипитъ олово, гремитъ, какъ громъ, Георгій поверхъ плаваетъ, поминаетъ Даніила и трехъ отроковъ въ печи вавилонской, поминаетъ Даніила во рву львовомъ. Не беретъ огонь.

Ф а р н о с і й.

Сапогомъ его самое настоящее дѣло, набрался змѣнаго духа!

Ц а р е в н а.

Остановите казнь!

С т а р ц ы.

Волхвъ беретъ стрѣлу.

Г л а ш а т а й.

Мука воздушная.

В о л х в ъ.

Полети стрѣла по поднебесью, пади не на воду, не на людей, не рой землю до пояса, а пади въ грудь Георгія, разрѣжь ему сердце.

Старцы.

Запѣла тетива шелковая, зашипѣла стрѣла.

Царевна.

Зашипѣла стрѣла, разлетѣлась въ грудь, расколола мнѣ сердце!

Волхвъ.

Какъ вольна птица-стрѣла въ воздухѣ, такъ неволенъ онъ.

Отвѣтчикъ II.

Ведутъ на каменную гору, привязали къ колесу, вертятъ колесо.

Ликъ праведныхъ мужей.

Не попусти, Пресвятая Богородица, сохрани его, Пречистый Спасъ!

Отвѣтчикъ II.

Колесо извертѣлось, въ щепы ломается, подъ колесомъ зазеленѣла трава. Цѣль и невредимъ.

Старцы.

Разобьетъ онъ голову.

Отвѣтчикъ II.

Повели на Окачь-гору. Схватили за волосы, бросаютъ съ крутокатой горы стремглавъ.

Ликъ праведныхъ женъ.

Господь Отецъ, Сынъ, Святой Духъ, услышьте молитву Георгія, не отдайте его на великое мученіе къ царю невѣрному!

Отвѣтчикъ II.

Пробуждается, какъ отъ сна, отъ лютой смерти—силы вдвое прибыло.

Старцы.

Разобьетъ онъ голову.

Отвѣтчикъ II.

Петлю накинули, вѣшаютъ.

Царь.

Дави его!

Отвѣтчикъ II.

Захлеснулась петля.

Ликъ праведныхъ мужей.

Услышь, Господи Боже, его терпѣніе, сошли съ небесъ ангела, подыми его!

Ликъ праведныхъ женъ.

Господи, Господи, помилуй его!

Отвѣтчикъ II.

Вскочилъ на ноги. Цѣлъ и невредимъ.

Фарносіѣ.

Какъ это можно?

Царевна.

Остановите казнь!

Старцы.

Волхвъ сдѣлалъ изъ воска подобіе Георгія. Капаеть оловомъ прямо на сердцѣ, топить въ водѣ.

Г л а ш а т а й.

Мука водная.

Волхвъ.

Какъ тонеть воскъ въ водѣ, такъ и Георгій потонеть.

Отвѣтчикъ III.

Наставили воронку въ ротъ, воду льютъ.

Старцы.

Захлебнется.

Ликъ праведныхъ мужей.

Господи, помоги ему и исцѣли его. Царь погубить во всемъ свѣтѣ вѣру Христову!

Отвѣтчикъ III.

Отдышался. Живъ. Не беретъ вода.

Старцы.

Захлебнется.

Отвѣтчикъ III.

Льютъ воду на него по каплѣ.

Ликъ праведныхъ женъ.

Спасъ Вседержитель, Пресвятая Мати Божія, Богородица, Никола Можайскій, помилуйте Георгія!

Отвѣтчикъ III.

Не беретъ вода.

Старцы.

Захлебнется.

Отвѣтчикъ III.

Выводятъ на мостъ. Кладутъ въ сѣть. Подымаютъ огромный камень, кладутъ къ нему въ сѣть. Топятъ.

Ликъ праведныхъ мужей.

Ненавидящiе вѣру христіанскую, будьте посрамлены отъ Господа!

Ликъ праведныхъ женъ.

Будьте сожжены огнемъ, какъ трава.

Отвѣтчикъ III.

Бѣжитъ вода, камень поверхъ воды плаваетъ. Живъ, не беретъ вода.

Градъ.

Какъ царь разгнѣвался! Что это царь закричалъ по звѣриному?

Старцы.

Царь склоняетъ его лаской и обѣщаніями.

Градъ.

Не послушался царя?

Фарносій.

Царь предаеть его скорой смерти.

Старцы.

Волхвъ ѣстъ землю.

Глашатай.

Мука землю.

Волхвъ.

Будь земля тверда и крѣпка, будь ему темною тьмою и послѣднимъ концомъ.

Старцы.

Крѣпко сомкнувъ цѣль.—АМИНЬ.—Вытягивають руки.

Отвѣтчикъ IV.

Пилятъ острыми пилами, разрываютъ тѣло его, въ куски тѣло изрѣзано, подломилась хребетная кость, раздроблены кости. Солью посыпають раны.

Ликъ праведныхъ мужей.

Георгій, Угодникъ Божій, услышана молитва твоя, не бойся, мы съ тобою.

Ликъ праведныхъ женъ.

Мы съ тобою!

Отвѣтчикъ IV.

Иступилась пила, изнемогли пыльщики. Лицо его не помрачилось. Отъ лица лучи идутъ.

Старцы.

Онъ мучается отъ своего безсмертія.

Царевна.

Остановите казнь!

Старцы.

Задавить земля.

Отвѣтчикъ IV.

Вырыли погребъ. Самъ царь кидаетъ его въ погребъ.

Старцы.

Задавить земля.

Отвѣтчикъ IV.

Покрыли желѣзными досками, прибиваютъ гвоздями, завалили камнемъ, засыпаютъ пескомъ.

Градъ.

И земля не беретъ?

Старцы.

Задавить земля.

Отвѣтчикъ IV.

Не слышно голосу, исчезъ съ лица земли.

Старцы.

Не слышно голосу.

Волхвъ.

Не бывать Георгію на святой землѣ, не видать Георгію бѣлаго свѣта, не слышать колокольнаго Божьяго гласа.

Старцы.

Не бывать ему на бѣломъ свѣтѣ, не видать свѣта бѣлаго.

Царевна.

Не слышно голоса?

Старцы.

Умири сердце.

Царевна.

Закрыли его пескомъ, сравняли могилу съ землею. Приняла его мать-земля.—Ты какой? Откуда? Чей? Незнамый, невѣдомый, мой женихъ, мой названный братъ!

Царь.

Гдѣ же веселые люди, гдѣ скоморохи! Заиграй въ гудочекъ, въ звончатый переладецъ! Зовите на пиръ. Наливайте чашу до пьяна, пейте до суха, чтобы всѣ были сыты—веселы.

Старцы.

Славенъ царь Дадіанъ!

Царь.

Пейте вина, сколько мочь беретъ. Всѣхъ кормить до сыта, поить до пьяна?

Фарносій.

Первая чара для здоровья—окатить сердце, вторая чара для веселья—сердце взвеселить, третья—для безумія.

Ликъ праведныхъ мужей.

Ты Боже, Спасъ Милостивый, къ чему рано надъ нами прогнѣвался?

Царь.

Будемъ гулять по его смерти до ранняго утра, до бѣлой зари!

Старцы.

Славенъ царь Дадіанъ!

Градъ.

Славенъ царь Дадіанъ!

Царь.

Не бывать тебѣ въ бѣлокаменной Москвѣ, не видать бѣлокаменныхъ церквей, не видать свѣта бѣлаго, зари утренней, поздняго вечера.

Ликъ праведныхъ женъ.

Его страданія такъ велики: ихъ больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ, ихъ больше, чѣмъ песку на морѣ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА I.

Воины, Градъ, Старцы, Башенные отвѣтчики, Фарносій.

Воинъ I.

Задалъ царь пиръ на весь мiръ.

Воинъ II.

Солнце катится къ западу, день идетъ къ вечеру, пиръ на веселье. Пляшутъ на ногахъ, пляшутъ на спинѣ, пляшутъ на животѣ и даже на головѣ.

Воинъ I.

Къ ночи всѣ влжку полягутъ. Кому будетъ праздникъ встрѣчать?

Воинъ II.

Много я ѣздиль-гуляль по чужимъ странамъ, а про такое не слыхиваль.

Воинъ I.

А страшно было въ походѣ?

Воинъ II.

Привычка. Человѣкъ ко всему привыкаетъ. Вдемъ мы разъ по полю и подняло поле голову. Думаемъ себѣ: „А много, видно, эта голова на своемъ вѣку хлѣба поѣла!“ А голова вдругъ и говоритъ! „И еще много поѣмъ!“ Не обратили вниманія, а потомъ, какъ пересчитались, полку какъ не бывало.

Воинъ I.

Цѣлый полкъ!

Воинъ II.

Цѣлый полкъ схряпала, проклятая! Да то ли еще бывало!—Ишь какъ кричать!

Воинъ I.

Пьянымъ пьяно.

Воинъ II.

Что вы за люди и что вамъ надобно?

Градъ.

Бѣда, намъ надо видѣть старцевъ.

Воинъ II.

Прошу, проходите мимо, здѣсь священное мѣсто.

Градъ

Позовите старцевъ. Намъ надо говорить со старцами.

Воинъ II.

Дозовешься! Приходите завтра.

Воинъ I.

Да вонъ они спѣшатъ изъ дворца.

Старцы.

Что за шумъ, что за гамъ?—О чемъ ты воишь и кричишь, Вавилонъ? О чемъ деретесь, чего дѣлите?

Градъ.

Научите насъ, мы погибаемъ. Змѣй заложилъ всѣ колодцы и источники.

Старцы.

Царь собралъ войско и послалъ укротить Змѣя.

Градъ.

Войско не могло встрѣтить Змѣя, вода въ морѣ возмутилась.—Войско ничего не сдѣлало: одни разбѣжались по сараямъ, другіе бросились въ темные лѣса.—Погибло много народа и скота и слоновъ.—Заляжетъ, заглохнетъ дорога въ Вавилонъ.—Не будетъ ухода, не будетъ ухорона.—Змѣй не оставитъ и курицы на улицѣ, убьетъ съ перваго до послѣдняго. Пойдите за насъ, поговорите съ царемъ!

Старцы.

Мы поговоримъ съ царемъ. Идите по своимъ домамъ.

Ф а р н о с і й.

Поговоришь! Попробуй, поговори. Радуйтесь и веселитесь!

О т в ѣ т ч и к ъ I.

Змѣй поднялся.

О т в ѣ т ч и к ъ II

Подходитъ къ граду.

О т в ѣ т ч и к ъ III.

Змѣй приближается.

О т в ѣ т ч и к ъ IV.

Змѣйнымъ дыханіемъ отравляетъ воздухъ

О т в ѣ т ч и к ъ I.

Змѣй движется съ шумомъ, какъ буря.

О т в ѣ т ч и к ъ II.

Изъ пасти его валитъ дымъ.

О т в ѣ т ч и к ъ III.

Изъ очей сыплетъ искры.

О т в ѣ т ч и к ъ IV.

Змѣй оглушаетъ своимъ свистомъ.

Г р а д ъ.

Покажите намъ свою силу, избавьте городъ отъ злого Змѣя!

СЦЕНА II.

Старцы, Царь, Градъ, Фарносій, Волхв'ъ, Змѣй, Башенные отвѣтчики, Глашатай, Ликъ праведныхъ мужей, Ликъ праведныхъ женъ.

Царь.

Что это крикъ стоитъ? что это стонеть стонъ?

Старцы.

Позволь слово сказать! Разсуди насъ, развѣдай! Подумай думу! Дай намъ слово!

Царь.

Что вамъ надобно?

Старцы.

Царь, ты благъ и добръ, а мы погибаемъ. Не оставь насъ. Змѣй поднялся. Змѣй заложилъ колодцы и источники. Змѣй залегъ воду. Змѣй пріѣстъ до единого, никого не оставитъ. Змѣй погубитъ весь народъ. Змѣй изъѣстъ насъ. Люди не могутъ больше терпѣть отъ грозы его и отъ страшной ярости. Люди на побѣгъ бѣгутъ. Вотъ отчего среди мира великая скорбь и печаль, и вопль, и плачь неутѣшенъ, и туга. Прикажи его выслать вонъ или мы оставимъ городъ.

Царь.

Я многія земли острастилъ Я конемъ истопчу его, срублю ему голову.

Старцы.

Уйми Змѣя или насъ удали.

Ц а р ь.

Я спалю его, я развѣю пепель по чистому полю.

С т а р ц ы.

Не выйdetь Змѣй, такъ мы сами выйдемъ.

Ц а р ь.

Кто мою силу пересмѣтитъ!

З м ѣ й.

Хошу азъ пожрать жертвы!

Крикъ и смятеніе.

В о л х в ь.

Что случилось? Какое несчастье постигло городъ? Разбой ли тутъ или злодѣяніе?

С т а р ц ы.

Погибаемъ отъ Змѣя. Скажи намъ средство умиловать разгнѣваннаго Змѣя!

Г р а д ь.

Богъ отступилъ отъ насъ!

Ликъ праведныхъ мужей.

Такъ наказанъ былъ Содомъ и Гоморра.

Ликъ праведныхъ женъ.

Такъ погибнетъ Вавилонъ въ своихъ путяхъ погибельныхъ.

В о л х в ь.

Надо кормить Змѣя звѣрями и слонами.

С т а р ц ы.

Онъ хочетъ людей.

Ц а р ь.

Отдать ему всѣхъ преступниковъ.

Г р а д ь.

Волхвъ склонилъ голову! Волхвъ заснулъ.

С т а р ц ы.

Богъ откроетъ ему волю свою. Онъ скажетъ намъ. Не погубить отъ Змѣя.

Г р а д ь.

Спаси, не погуби отъ Змѣя!

В о л х в ь.

Киньте жребій. Кому вынется, тому и итти на съѣденіе.

Г р а д ь.

Дадимъ дѣтей нашихъ, избавь отъ Змѣя!

В о л х в ь.

Киньте жребій. Кому вынется, тому и итти на съѣденіе.

Ц а р ь.

Кладу заповѣдь тяжелую, даю царское слово: я отдамъ чудовищу единственную дочь мою царевну.

Старцы.

Да будетъ воля твоя. Эти рѣчи намъ любы

Градъ.

Граду угодны слова царя. Да здравствуетъ царь Да-
діанъ.

Волхвъ.

Дѣлайте жеребья: кому итти къ Змѣю. Я кину жребій.

Глашатай.

Волхвъ удалился въ капище, тамъ онъ кинетъ жребій.
Волхвъ мечетъ жеребья.

Куменій.

Не мнѣ ль итти?

Месій.

Выйти къ Змѣю—живу не быть.

Бабеонъ.

А что если самага мудраго и надо Змѣю?

Асинахъ.

А что если самага древняго и надо Змѣю?

Амфорній.

Не мнѣ ль итти?

Сандрій.

И никогда не вернуться.

М а р г о н і й.

Не я ли?

Ф а р н о с і й.

Видно, мнѣ итти. Гдѣ мои золотыя пѣсни, гдѣ мои
прежніе дни?

Л и к ъ п р а в е д н ы х ъ м у ж е й.

Напастъ ниспослана за ваши преступленія.

Л и к ъ п р а в е д н ы х ъ ж е н ь.

По грѣхамъ вашимъ такъ сдѣлалось.

З м ѣ й.

Хощу азъ пожрать жертвы.

Крикъ и смятеніе.

В о л х в ь.

Какъ изреку столь страшную тайну. Нашъ богъ явилъ
мнѣ, что намъ на пользу. Я металъ три жеребья: первое
калиновое, другое малиновое, третье ветляное. Выпалъ жре-
бій царевнѣ.

С т а р ц ы.

Благодареніе богу нашему, открывшему тебѣ тайну.—
Граду—Жеребій палъ на царевну.

Г р а д ъ.

Царевнѣ итти на съѣденіе! Царевна поидеть къ Змѣю!
Змѣю надобна царевна!

Ф а р н о с і й.

У кого языкъ чистъ, голова того будетъ цѣла. Еще поживемъ на бѣломъ свѣтѣ!

О т в ѣ т ч и к ъ I.

Змѣй усмирися.

О т в ѣ т ч и к ъ II.

Змѣй отходитъ отъ города.

О т в ѣ т ч и к ъ III.

Змѣй доволенъ.

О т в ѣ т ч и к ъ IV.

Змѣй киваетъ на теремъ царевны.

Г р а д ъ.

Какъ царь запечалился!

С т а р ц ы.

Подите, извѣстите царевну.

Ц а р ь.

Казна моя несчетна, возьмите у меня золота и серебра, оставьте мнѣ дочь!

С т а р ц ы.

Невозможно отступиться отъ слова.

Ф а р н о с і й.

Ты живешь на подножномъ корму, тебѣ это ничего.

Ц а р ь.

Я многими дарами одарю васъ. Я дамъ вамъ жемчугъ, яхонты, изумруды. Кто пойдетъ ей защитникомъ!

С т а р ц ы.

Не честь, не похвала тебѣ. Ты долженъ исполнить свое слово ради крѣпости, ради опоры царской власти. Лучше погибнуть одному человѣку. Сдайся царь, покорись. Божественное установленіе.

Ф а р н о с і й.

Да идите же, извѣстите царевну.

Ц а р ь.

Друзья-братья, золотая казна не заперта для васъ, берите, что надобно. Есть у меня красное золото, насыплемъ золота, скатнаго жемчуга.

С т а р ц ы.

Мы оберегаемъ вѣковые устои. Такъ отцы наши жили и намъ приказали. Стоять Вавилону или не стоять?

Ф а р н о с і й.

Слышишь царь: по Божьему судить—живому быть, по кривдѣ судить—быть убитому.

Ц а р ь.

Дайте срока до заката солнца.

О т в ѣ т ч и к и.

Солнце опустилось.

С т а р ц ы.

Солнце опустилось.

Г р а д ь.

Солнце опустилось.

Ц а р ь.

Пощадите ее!

С т а р ц ы.

Вели убрать царевну въ драгоцѣнный нарядъ и выдай
Змѣю. Надѣнь на нее смертное платье. Укрась ее какъ не-
вѣсту жениху.

Ц а р ь.

Дѣлайте, что хотите.

СЦЕНА III.

С т а р ц ы, Ц а р ь, Ц а р е в н а, Г р а д ь, Ф а р н о с і й
Г л а ш а т а й, В ѣ с т н и к ь.

Г л а ш а т а й.

Вѣстникъ объявилъ царевнѣ.

Вѣстникъ.

Она поцѣловала край печи.

Старцы.

Она благодарить печь за то, что кормила ее.

Фарносіѳ.

Всѣ умирають, нѣтъ никого, кто бы вѣчно оставался въ живыхъ.

Градъ.

Царь смѣется отъ горя.

Фарносіѳ.

Куда дѣвался, откуда явился, этого знать нельзя.

Вѣстникъ.

Она ходитъ вокругъ очага, какъ небесная звѣзда.

Фарносіѳ.

И никогда не вернется. Уйдетъ въ такое мѣсто, откуда нѣтъ возврата.

Царевна.

О горе, горе мнѣ!

Старцы.

Упала силами.

Царевна.

Птицы ли вы, звѣри ли вы, люди ли вы, постойте, поговорите со мной. И ты, мой темный лѣсъ—мой вѣрный другъ. Поле мое, чистое поле, дашь, не дашь мнѣ отвѣтъ... За что погибать буду? Прости вольный, бѣлый свѣтъ! О горькое горе — коса моя! А вчера я тебя расчесывала, перевивала золотомъ, изнасадила жемчугомъ. Знаю, сама знаю, расплетать тебя будетъ лютому Змѣю. Стану я со Змѣемъ дѣлить темную ночь. Птицы ли вы, звѣри ли вы, люди ли вы, постойте, поговорите со мной.

Старцы.

Разумъ ея твердый, какъ желѣзо, слова ея мягки, какъ вода.

Градъ.

Она въ слезахъ не видитъ пути.—Слезы обжигаютъ лицо ей. Верба—красная вѣтвь.—Сердце земли.

Фарносіѳ.

Ахъ, смерть, ты смерть, всегда людей разволнуешь.

Царевна.

Мать моя, мать, ты останешься. Зачѣмъ родила ты меня. Родила бы меня сѣрымъ камнемъ, отнесла бы на море: мелкимъ судамъ не было бы ходу, разбивались бы большіе корабли. Или лучше бы ты родила дикихъ гусей...

Старцы.

Удержи свои горести! Укроти свое сердце!

Фарносіі

Ничего не подѣлаешь: судьба

Царевна.

Веселыя поля и луга, и вы останетесь. Ты, дорога, по тебѣ я хаживала,—ты останешься, и вы мои ровестники, мои друзья, мои подруги, съ вами я видѣлась, съ вами разговаривала,—и вы останетесь.

Градъ.

Некуда ей дѣваться.

Царевна.

Гдѣ потухла нынче заря утренняя, тамъ потухнетъ вечерняя. Мой бракъ—смерть, лютой Змѣй—мой женихъ.

Царь.

Вѣнчаю тебя царскимъ вѣнцомъ, иди. Тяжко мнѣ будетъ одному коротать мой вѣкъ.

Царевна.

Такъ мнѣ Богъ судья.

Ликъ праведныхъ мужей.

Надѣйся на Спаса Вседержителя, на Господа Распятаго.

Ликъ праведныхъ женъ.

Молись Угоднику Георгію, проси его помощи!

Градъ.

Земля подъ ней не разступится, а вверхъ не взлетитъ.

Царевна.

Не вѣмъ вамъ въ городъ погибнуть, хотъ погибну я, да только одна. Всему народу скажите низкій поклонъ, ниже того—до самой земли. Куйте, кузнецы, на мою шею и руки и ноги желѣза!

Старцы.

Иди, двухъ смертей не будетъ, одной не миновать.

Градъ.

Будь покорна, будь пословна.

Праведные мужи и праведныя жены.

Иди, Господь съ тобою.

Фарносій.

Какъ зѣницы не упадутъ со слезами, какъ сердце не урвется отъ горести!

Старцы.

Кто у насъ будетъ защитникомъ, кто покровителемъ, кто сохранить насъ и наше житье!

Градъ.

Не обидить она ни стараго, ни малаго, не придастъ сердцу раны.

Старцы.

Скрылась изъ глазъ, только мы ее и видѣли.

Царь.

Запирайте ворота на крюки, двери накрѣпко. Теперь я съ вами управляюсь, не дамъ вамъ пощады, своимъ судомъ судить буду. Я билъ васъ шаровыми палками, буду бить скорпіонами. Я повырублю вамъ головы!

Старцы.

Въ томъ твоя воля.

СЦЕНА IV.

Канонархъ, Ликъ праведныхъ мужей, Ликъ праведныхъ женъ, Старцы, Градъ, Царь.

Канонархъ.

Чудная Царица Богородица—

Лицы праведныхъ.

Чудная Царица Богородица.

Канонархъ.

Услыши молитву родъ своихъ—

Лицы праведныхъ.

Услыши молитву родъ своихъ.

Канонархъ.

Прими наши слезы горючія—

Лицы праведныхъ.

Прими наши слезы горючія.

К а н о н а р х ъ .

Не лиши насъ царства небеснаго—

Лицы праведныхъ.

Не лиши насъ царства небеснаго.

К а н о н а р х ъ .

Избави насъ отъ муки вѣчныя—

Лицы праведныхъ

Избави насъ отъ муки вѣчныя.

С т а р ц ы .

Опустили долгія лѣстницы. Заложили ворота. Задвинули засовы. Закинули чугунные запоры. Всѣ люди града сошлись видѣть погибель царевны.

К а н о н а р х ъ .

Мученикъ Христовъ, вѣнценосецъ Георгій, весь въ сіяніи предстоящій предъ престоломъ Владыки всѣхъ, сохрани твоими молитвами и заступленіями призывающихъ тебя съ горячею вѣрою и любовію.

Лицы праведныхъ.

Святый славный великомучениче Георгіе, моли Бога о насъ!

К а н о н а р х ъ .

Твердо и съ терпѣніемъ устремился ты по собственному хотѣнію къ подвигамъ, преблаженный Георгій. Низложилъ

вражеское ополченіе мучителей, ты сталъ молитвенникомъ о всѣхъ, притекающихъ къ тебѣ.

Лицы праведныхъ.

Святый славный великомучениче Георгіе, моли Бога о насъ!

Старцы.

Посмурѣло небо. Всколебалось море. Заходила сильная повальня. Змѣй поднялся.

Градъ.

Змѣй поднялся.

Старцы.

Змѣй выходитъ изъ моря на берегъ къ царевнѣ. Змѣй прыщеть ядомъ, свистить и рыкаетъ грозно. Змѣй хочетъ поглотить царевну.

Градъ.

Змѣй хочетъ поглотить царевну.

Старцы.

Посыпались берега. Помутилось море. Заметались морскія волны.

Градъ.

Какой шипъ, какой ревъ!

Старцы.

Змѣй поднялъ голову, разинулъ пасть. Змѣй высунулъ языкъ, наполнилъ ядомъ, готовъ прыснуть ядомъ!

Градъ.

Челюсти, какъ пропасти, языкъ, какъ стрѣла.

Старцы.

Царевна стала на колѣни. Царевна кличетъ Георгія.

Градъ.

Непобѣдимаго Георгія.

Канонархъ.

Ты пришелъ, Господи, и процвѣла, какъ лилія, пустыня—безплодная церковь язычниковъ. Въ ней же и утвердилось мое сердце.

Лицы праведныхъ.

Святой славный великомучениче Георгіе, моли Бога о насъ!

Канонархъ.

Прославленный, сіяющій вѣнцомъ страданій, моли, блаженный, Избавителя и Бога избавить отъ всякой нужды благочестно призывающихъ тебя.

Лицы праведныхъ.

Святой славный великомучениче Георгіе, моли Бога о насъ!

Старцы.

Сильный вѣтеръ подулъ. Вѣтра полоса перепахнула. Разсыпались пески. Гвозди вынимаются. Доски раскаты-

ваются. Мечеть вѣтеръ, разрываетъ, разбрасываетъ. Откатились камни, отомкнулись замки, отпираются двери. Царевичъ Георгій идетъ на выручку!

Г р а д ъ.

Непобѣдимый царевичъ, спаси царевну!

С т а р ц ы.

Царевичъ Георгій выходитъ изъ темнаго погреба. Царевичъ на бѣломъ конѣ. Взлетаетъ на воздухъ, устремляется прямо на Змѣя.

Г р а д ъ.

Непобѣдимый царевичъ, спаси царевну!

С т а р ц ы.

Змѣй въ ярости сыплеть искрами, Змѣй пышетъ огнемъ.

Л и к ъ п р а в е д н ы х ъ м у ж е й.

О Боже, дай заборону отъ вышняго неба, смилуйся, смилусердуйся, покажи милость Твою, дай ему силы на помощь.

Л и к ъ п р а в е д н ы х ъ ж е н ѣ.

Положивый времена и лѣта, покажи на насъ твои милости!

С т а р ц ы.

Змѣй въ страхѣ отступаетъ. Георгій поражаетъ Змѣя. Змѣй нагорбился, свился, упалъ передъ царевичемъ, лижетъ ноги ему. Царевичъ побѣдилъ Змѣя!

Градъ.

Непобѣдимый царевичъ Георгій побѣдилъ Змѣя!

Ликъ праведныхъ мужей.

Кто слышалъ отъ вѣка, кто видѣлъ такія чудеса?
Истинный Богъ хочетъ показать знаменіе черезъ мученика
своего Георгія.

Ликъ праведныхъ женъ.

Такъ Богъ прославляетъ преславными чудесами.

Градъ.

Что съ нашей царевной?—Жива ли царица?

Старцы.

Георгій избавилъ царицу отъ смерти. Царица развя-
зываетъ свой шелковый поясъ. Царица вяжетъ Змѣя за
шею. Царица ведетъ Змѣя въ городъ.

Градъ.

Кроткая, слабая царица ведетъ на своемъ поясѣ страш-
наго Змѣя.

Старцы.

Бѣгите, бѣгите! Георгій отмститъ намъ. Онъ пуститъ
Змѣя на городъ. Онъ идетъ сюда. Онъ разрушитъ жертвен-
никъ. Бѣгите, бѣгите!

Царь.

Берите желѣзные рога, колите его!— и въ бе-

зуми закалываетъ себя, а на царскомъ мѣстѣ подымается демонъ Самаиль.

Всѣ съ испуга попадали.

С Ц Е Н А V.

Георгій, Демонъ Самаиль, Старцы, Градь
Ликъ праведныхъ мужей, Ликъ праведныхъ
женъ.

Самаиль.

Стой!

Ликъ праведныхъ мужей.

Мать Пресвятая Богородица, услыши молитвы!

Ликъ праведныхъ женъ.

Не выдавай его, Господи, на поруганіе!

Георгій.

Во имя Іисуса Христа, скажи, кто ты?

Самаиль.

Насъ много, но среди насъ есть одинъ—онъ имѣеть величайшую силу. Онъ владычествуетъ надъ всѣмъ сонмомъ демоновъ надземныхъ и подземныхъ. Лучше человѣку не видѣть его.

Георгій.

Что ты отъ меня хочешь?

С а м а и л ь .

Я былъ тамъ, когда Онъ творилъ небо и отдѣлялъ землю и утверждалъ столпъ земли. Я былъ тамъ, когда Онъ запечатывалъ бездну. Я взялъ страшные громы и молніи, все грозное отъ всѣхъ стихій. И огонь, воздухъ, вода и земля покорились мнѣ. Ты побѣдилъ ихъ, и я вышелъ для тебя.

Г е о р г і й .

Пустымъ хвастаешь. Ты былъ свергнуть съ неба, чтобы скитаться подъ землею. Тебя попираетъ земля, топчуть тебя человѣческія ноги.

С а м а и л ь .

Я буду служить тебѣ.

Г е о р г і й .

Ты соблазнилъ Адама и Еву, ты научилъ Каина убить Авеля, ты довелъ родъ человѣческій до потопа, ты научилъ строить столпъ до небесъ. Ты соблазнялъ человѣка и Богъ истреблялъ его, пока не пришелъ Сынъ Божій—Солнце праведное.

С а м а и л ь .

Ты побѣдилъ огонь, воздухъ, воду и землю. Что тебѣ Праведное Солнце? Иди за мной и станешь самъ Праведнымъ Солнцемъ, больше Солнца, ты покоришь всю вселенную—надземный міръ и подземный. Я буду служить тебѣ.

Г е о р г і й .

Запрещаю тебѣ именемъ Господа Бога Нашего Іисуса

Христа, ступай прочь на дно преисподнее. Сиди тамъ и мучься въ огнѣ. И проклятъ всякій, кто послѣдуетъ за тобой! — Ударяетъ копьемъ въ жертвенникъ, Самаилъ исчезаетъ, а изъ разсѣченнаго камня бьетъ источникъ.

Ликъ праведныхъ мужей.

Живоносный источникъ.

Ликъ праведныхъ женъ.

Богъ сердецвѣдый явилъ славная и изрядная знаменія своя.

Георгій.

Станьте, не бойтесь. Прошла ночь, Богъ день дастъ. Солнце пронзаетъ лучами землю. Если вѣруете во Христа въ Него же азъ вѣрую, покажу вамъ иное чудо и знаменіе и силу Господа Бога моего.

Старцы.

Рады мы съ тобою и за тебя. Разрушимъ капище суетнаго идола. Отнынѣ вѣруемъ въ Отца и Сына и Святого Духа.

Георгій.

Господи Боже мой, они увидятъ силу и славу Твою и прославятъ Тебя и будутъ имѣть вѣру всеѣ, яко Ты еси единъ Богъ и развѣ Тебѣ иного не вѣмъ.

Градъ.

Вѣруемъ въ Отца и Сына и Святого Духа.

Старцы.

Свѣтлое облако осѣняетъ городъ. Облако остановилось надъ городомъ. Онъ креститъ росой небесной.

Градъ.

Вѣруемъ въ Отца и Сына и Святого Духа.

Входитъ Царевна со Змѣемъ.

Георгій.

Царевнѣ.—Вѣнчаю тебя на царство.—Граду.—Даю вамъ мой щитъ.

Въ воздухѣ надъ городомъ появляется щитъ.

Лица праведныхъ.

Велика наша вѣра крещенная, Мать Божья Богородица, Троица нераздѣльная. Ей великую славу до вѣка поютъ.

Занавѣсъ.

ΑΠΟΘΕΟΣΎ.

На жертвенникъ во-
друженъ столпъ. У стол-
па Царевна съ кре-
стомъ.

Вокругъ жертвенни-
ка идутъ хороводомъ юно-
ши и дѣвы вавилонскіе.

Голоса изъ хоровода.

- Полною мѣрою пролилась радость въ свѣтъ!
- Миновалось горе.
- Мягкій вѣтеръ повѣялъ, расточаетъ веселье.
- Сходятся звѣри, склоняютъ головы.
- Съ неба пала роса, льетъ сладость на весь міръ.
- Всѣ деревья одѣлись листьями.
- Звенить берегъ, шумятъ луга, зеленѣетъ трава по
дорогѣ, расцвѣтаетъ поляна.
- Зеленый въ зеленомъ вѣнкѣ!
- Ключи въ твоихъ рукахъ, ты отмыкаешь небо и вы-
пускаешь росу!
- Ты прочищаешь источники.
- Змѣиный пастырь!
- Солнцевластный:
- Всеоживляющій свѣтъ!
- Колебатель оковъ!
- Непобѣдимый и храбрый Георгій!

Пріѣзжалъ Георгій къ первой заставѣ.

Первая застава—высокая гора.

Говоритъ Георгій высокой горѣ:

— Разойдись гора, гора высокая,

— По всей землѣ, по всей Руси

— Ты на маленькія на горушки.

Разошлась гора на маленькія,

На маленькія горушки.

Пріѣзжалъ Георгій ко второй заставѣ.

Вторая застава—огненная рѣка.

Говоритъ Георгій огненной рѣкѣ:

— Разойдись рѣка по всей Руси

— Да на маленькіе на ручейки,

— Да на маленькія на озерушки.

Разошлась рѣка на маленькія,

На маленькія озерушки.

Пріѣзжалъ Георгій къ третьей заставѣ.

Третья застава—змѣй лютый

Говорилъ Георгій лютѣму змѣю:

— Ты стань, змѣя, тиха, кротка,

— Тиха, кротка, что скотинушка,

— Пропусти меня къ татарину,

— Пропусти меня къ поганому,

— Отлить мнѣ надо кровь родительскую,

— Отрѣзать голову поганому.

Стала змѣя тиха, кротка,

Пропустила Георгія къ татарину.

И отрѣзалъ Георгій голову

У поганаго у татарина.

ПРИМЪЧАНІЕ.

Стр. 11—Бѣсовское дѣйство надъ нѣкимъ мужемъ а также смерть грѣшника и смерть праведника, сіестъ преніе Живота со Смертью—поставлено было на театрѣ *В. Ф. Коммиссаржевской* въ С.-Петербургѣ. Первое представленіе состоялось въ Варваринъ день—4 декабря 1907 года. Ставилъ пьесу *Ө. Ө. Коммиссаржевскій*. Декораціи—художника *М. В. Добужинскаго*. Музыка—*М. А. Кузьмина*. Живота игралъ *А. П. Нелидовъ*. Подвижника—*А. П. Аркадьевъ*, Смерть—*О. П. Нарбекова* (+ 1912 г.), Аратыря—*К. В. Бравич* (на второмъ спектаклѣ замѣнилъ Бравича *Орловъ*, отважившійся носить хвостъ вопреки всякимъ шуткамъ газетнымъ и остромамъ театральнымъ), Тимѣлиха—*А. П. Зоновъ*, много помогавшій въ постановкѣ дѣйства, Ангела хранителя—*Н. П. Тукалевская*, Ангела смерти—*С. А. Черокова*, Страстнаго брата—*А. Я. Закушнякъ*, Грѣшную дѣву—*М. А. Русьева*, Маски—*П. А. Лебединскій*, *А. Н. Феона*, *Е. В. Сафонова*, *С. І. Папасвъ*. Странника—*Е. П. Таберіо*, Привратника—*Д. Я. Грузинскій*, Вѣстника—*М. А. Бецкій*, Ряженныхъ бѣсовъ—*К. П. Гибманъ*, *П. Я. Низковскій*, *А. С. Петраковскій*.

Для сочиненія Бѣсовскагс дѣйства я пользовался Кіево-Гечерскимъ Патерикомъ и древними памятниками Пренія Живота со Смертью. Руководствомъ инѣ были изслѣдованія *акад. П. Н. Жданова*, Сочиненія, т. I. СПб. 1904 г., книга *Ө. Д. Батюшкова*, Споръ Души съ Тѣломъ, СПб. 1891 г., *Н. Стороженко*, Предшественники Шекспира, СПб. 1872 г., *Н. С. Тихомировъ*, Сочиненія, т. II. М. 1898. Духовный стихъ—«Плачь Адамовъ» см. *А. В. Безсоновъ*, Калики переходже, М. 1861—64 гг.

Стр. 91—Трагедія о Іудѣ принцѣ искаріотскомъ принята была къ постановкѣ театромъ *В. Ф. Коммиссаржевской* (+ 10 и 1910 г.). Эскизы декорацій написаны *акад. Н. К. Рерихомъ*. Снимки съ эскизовъ помѣщены въ журналѣ Золотое Руно, 1909 г. № 11—12 и въ Апол-

лонъ, 1910 г. № 7. «Ункара» вошла въ серію художественныхъ открытыхъ писемъ, изданныхъ общиною св. Евгеніи.

Въ основу Трагедіи положено «Сказаніе о Іудѣ Предателѣ»—*Н. Я. Порфирьевъ*, Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. СПб. 1890 г. *П. А. Безсоновъ*, Калики пережитіе, М. 1861—64 гг. *Н. И. Костомаровъ*, Собраніе сочиненій, кн. I, т. 1. СПб. 1903 г. *А. И. Яцимирскій*. Къ славянскимъ легендамъ о кровосмѣшеніи, XVIII т. Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества въ честь профессора Н. Ф. Сумцова,—Харьковъ, 1909. Для сочиненія Трагедіи я пользовался народными пѣснями, заговорами, колядками, старинами и причитаніями.

Стр. 97—Зарѣе тѣ—горитъ, зажигается. «Ни заря зарѣе тѣ и т. д.»—колядка. См. *А. А. Потебня*, Объясненія. Варшава, 1897.

Стр. 99—Гогоня—крикунъ, чучело, болванъ. Гогонить—гоготать.

Стр. 100—Ярыга—шатунъ, кабацкій пьяница.

Стр. 100—Чтобъ тебя тѣ то...—чтобъ тебя тѣ то взяли, будешь на томъ свѣтѣ сковородку горячую лизать!—«Тотъ, тотъ то»—чортъ.

Стр. 101—Шиши—разбойники; шишь подорожный.

Стр. 101—Біармія—Біармландія (Beormos)—Пермь Великая, простиравшаяся, какъ гадаютъ ученые люди, отъ береговъ С. Двины до Уральскаго хребта.

Стр. 102—Истуканъ Юмалы—стоялъ у Бѣлаго моря на С. Двинѣ. гдѣ г. Холмогоры.

Стр. 103—Крѣпче сѣраго камня—сѣрый камень—мифическій камень заговоровъ.

Стр. 103—Толкуй о старыхъ пчелахъ—мели Емеля... болтай зря.

Стр. 107—Аравитское золото—самое чистое золото.

Стр. 107—Береза, родимая береза!—колядка. См. *А. А. Потебня*, Объясненія.

Стр. 100—Сиверы—сѣверные вѣтры.

Стр. 111—Л ю т ь—блестка, искра иная, летающая по воздуху въ солнечный морозъ.

Стр. 111—П р о л о й—проливной дождь.

Стр. 114—З ы б а ю—колыхаю, качаю. Зыбка—люлька, колыбель, голубень. Народная колыбельная пѣсня.

Стр. 126—Сорочинское поле—не то поле, около котораго происходила гоголевская Сорочинская ярмарка, а то поле посторонь Ерусалима, на которое выпадала изъ тучи «Голубиная книга».

Стр. 127—Суд и ц ы—урженицы, наречницы, судницы, норны, мойры, рожаницы—дѣвы судьбы. Онѣ даютъ (нарекаютъ) человѣку долю, часть, участь въ жизни, отмѣриваютъ таланъ, См. *Акад. А. Н. Веселовскій, Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, XI—XVII. Вып. 5, СПб. 1889 г.*

Стр. 128—Г о в о р ь—помолвка, произношеніе.

Стр. 128—Г о р а-г о р ь—человѣкъ страстный, ухарь.

Стр. 128—З а д а ч л и в ь—успѣшный, счастливый, удачный.

Стр. 128—Р а з г о р а з д ь—искусный, ловкій, мастеръ.

Стр. 128—Б а з ы к о в а т ь—своеволенъ.

Стр. 128—В ь г о р я ч е й в о д ь к у п а н ь—вспыльчивъ.

Стр. 127—Б у з и н у ѣ д я т ь—отъ безплодія.

Стр. 129—Иуда-Юда—древне-славянское названіе для воднаго божества, сохранившееся въ Чудѣ-Юдѣ русской сказки.

Стр. 131—Поливянская земля—земля великихъ грѣшниковъ, покоранная за грѣхъ; упоминается въ русскихъ духовныхъ стихахъ.

Стр. 130—Стратимъ птица—птицамъ мать. («Голубиная книга» См. *В. Варенцовъ, Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ СПб. 1860 г.*

Стр. 136—Я тутъ. Ты слышишь?—Нѣтъ.—А ты?—при произношеніи этой фразы слѣдуетъ смягчать: ъ въ ъ; ы въ и.

Стр. 138—Безгодье—безвременье, бѣдствіе.

Стр. 139—Рѣшетомъ солнце ловить—мечтать.

Стр. 141—Кажется, по-русски я тебѣ сказалъ—русскимъ языкомъ я тебѣ говорю—отрѣзать по-русски, напрямки, на чистоту. См. *С. Максимовъ*, Крылатыя слова, СПб. 1890 г.

Стр. 141—Лутошко—липка, съ которой снята кора, содрано лыко.

Стр. 158—Чвакнуть—хватить.

Стр. 159—Чомы да ломы—спесь.

Стр. 160—Показать Москву въ рѣшето—обмануть.

Стр. 162—Пискалячья душа—хилый.

Стр. 163—Одубѣешь—окоченѣешь.

Стр. 164—Надаютъ хомяковъ—подшлепниковъ, колотушекъ

Стр. 165—Оладышки—лепешки.

Стр. 165—Лягушачья мля—слизь, отъ которой у дѣтей на рукахъ бородавки бываютъ.

Стр. 165—Боляба—размазня, вѣчно хворый.

Стр. 172—Непорядную—разстроенную, разладную. См. *Ж. Б. Барсовъ*, Причитанья сѣвернаго края. Ч. I. М., 1882 г.

Стр. 174—Дубочекъ—гробикъ.

Стр. 182—Не оклюю—не ужалю, не испорчу, не сглажу.

ІУДА ПРЕДАТЕЛЬ

1.

О горе горькое дерзнувшимъ...
поднявшимъ руку
въ недвижности послушной,
разбившимъ сердце
о камни граней,
и плодъ отвѣдавшимъ запретный,
и павшимъ замертво
къ подножью тайны.

О горе горькое...
Пусть лучше бѣ матери остались безъ зачатья!

Не стать на стражѣ
думы своевольной,
молчаньемъ разъярить грозу,
улыбкою отвѣтить на обиду,
стереть законъ порывомъ,
убить всей жизни домоганье,
оклеветать видѣнье ясное,
предать, любя...

Непопранной проходить только косность,—
хотящимъ
воздухъ препоны ставить.

Ступай на осмѣянье!
Ступайте на позоръ!
Отточится душа бѣлѣй кинжала,
пронзить вѣковъ твердыню
и въ даль безвѣстности уйдетъ
властительно—чужой, великой,
и тамъ займется пожаромъ молній,
повиснетъ въ тучѣ туманно-тяжкой
стоячаго дыханья клеветъ-навѣтовъ.

О горе, горе!
Вѣчность казни.
Костры позоровъ.
Людская слава.

2.

Паутинно-пурпурное небо небесныхъ вечерень
теплую тишь овѣвало
звѣздами—
цвѣтами.
По камушкамъ бисерно-розовымъ дороги полночной
надъ моремъ луна выплывала
покорная—
марная.
Тѣни деревьевъ въ шумахъ заснувшихъ,
чернясь, насыщались, какъ трауръ нарядный
души одинокой.

Въ тринадцати одинъ,
всѣхъ ближе къ Первому,
для Перваго толпой затертый,
понури-сгорбленный,
таясь, какъ самый вѣрный,
Иуда скованно снуетъ свою тоску.
Тѣхъ голоса, какъ ржавыя веревки,
назойливо свистятъ, скрипя
о колотящееся сердце
наполненной груди,—тамъ отзвуки
выбрасываютъ желанья
растерянно,
запуганно,
ревниво...

«И иже аще мене ради
погубить свою душу,
обрящетъ ю».

Обезображенная голова Пророка,
живая, привидѣніемъ вставала.
Потупленныя тьмою очи
струили тяжкую кровавою мольбу.

Крикъ проклятыхъ свиней изъ Геркесина
звенѣлъ чугуннымъ звономъ
по упоенью—вздохамъ
нивъ лѣнящихся,
на торжищахъ гнусливыхъ
и въ лѣньѣ Плѣна.

Морскія волны лѣнились,
рвались за ночь, за небо
пучинныя,
безвзорныя...
И бѣлая стопа легка,
какъ пожеланія,
ступала по груди клокочущей,
и слѣдъ,
рябься,
сіяль...

Навзрыдъ рыдали
въ смятенѣ стѣны Іаира,
и тлѣніе ползло, какъ ураганъ...
Но мертвый
только спалъ.

3.

Грядеть! Грядеть!
Благословенъ Грядущій!
Осанна въ вышнихъ!

Какъ пыль, метется
тупая чернь,
бичами хлещеть
сіянье тайны.

Безмысленныхъ головъ киванье
и рукъ простертыхъ привѣтанье—
маякъ на морѣ,
верста въ дорогѣ,
крестъ перекрестный.
Какъ царь ступаетъ,
ногами топчетъ
кричащій камень.

Оно совершится:
предстанутъ сонмы
разяще-красныхъ
мечей порфирныхъ,
на горизонтѣ синемъ
отверзутся ступени
пожаромъ страшнымъ,
прорѣжугъ землю
набатовъ темнымъ.
Оно свершится:
настанетъ царство
надъ царствомъ золотое
неизрѣченной силы,
неслыханныхъ желаній.

Грядеть! Грядеть!
Осанна въ вышнихъ!

Темъ будень засыпаетъ
по столпаннымъ дорогамъ,
Іисусъ въ одеждѣ смертныхъ
блѣднѣющихъ предчувствій
бросаетъ городъ.

Надъ городомъ мерцанье
скользящей молви,
и шопоть страшный
людского гнѣва,
и рокотанье
грядущей смерти...

Въ лобзаньяхъ глѣна,
закушенный червями,
съ очами ада,

сегодня Лазарь
въ весельѣ жизни.

Стукъ Рима громче,—
глуше гнеты порабощенья.
Бурлящей смуты гласъ
и гласъ пророковъ.
Безлунныхъ сумерокъ
безгрезная печаль.

4.

Ночь напролетъ.
глазъ не смыкая,
искалъ Іуда
надъ моремъ вѣщимъ
думъ кипящихъ.
Весь содрогался
въ огнѣ мечтаній
и разрушался
подъ гнетомъ пѣннымъ
зловѣщаній.

— осудятъ на смерть—
— въ Іерусалимѣ—
— осудятъ Бога,—
— какъ Адама—
Но голосъ гдѣ-то,
какъ взрыдъ прощальный,
судьбой рыдаетъ:

Единъ, единъ отъ васъ..

По утру, возвращаясь въ городъ.
взалкалъ Христось.
Смоковница пустая
не пріютила.

Тогда отъ слова
зелень листьевъ,
шурша,
свернулась.

И чернота проклятыя
изъѣла сѣмя.

Аще вѣру имате
и не усомнитесь
не токмо смоковничное сотворите.

Продажнымъ строясь,
какъ предатель,
замкнуто—тупо,
лукавства полный,
и озираясь,
и выглядая,
весь въ ликованьи.
клубящемся подъ броней,
и въ бронной вѣрѣ,
нежданнымъ другомъ
Искаріотъ всгупаетъ
въ жилище вражье.
И тамъ, торгуясь,
въ шпионской маскѣ
Неоцѣненнаго цѣною мѣритъ ..

5.

О, Господи,
я предавалъ Тебя...
Пыталъ терпѣнье
въ исканьяхъ тщетныхъ.
Хотѣлъ стать на судьбу пятою,
расшатать,
поправить что-то...
И столько разъ,
любя и вѣря,
тяжелымъ словомъ
оскорбленье бросалъ за оскорбленьемъ
и наносилъ любви желанной
за раной рану.
И вдругъ очнувшись,
топталъ поруганное сердце.
О Господи,
Я предавалъ Тебя...

Тринадцать тайно
 въ домъ человѣка
 сошлись на праздникъ
 и возлежали.
 И вѣчеръ вѣщій
 вѣялъ вѣстью
 грядущей муки.
 И омовеніемъ Христось готовилъ
 къ раскрытью тайны.

Аминь, аминь, глаголю вамъ
 единъ отъ васъ
 предастъ меня.

Іоаннъ, прижавшійся
 къ груди Христовой,
 — Кто есть, о Господи?—глагола
 И, обмокнувъ кусокъ,
 Христось Іудѣ подалъ...

Еже твориши,
 скоро сотвори.

И вышелъ вонъ
 тогда Іуда
 въ смущеньѣ странномъ
 предъ всезнаньемъ
 и восхищенный
 предъ избраньемъ.

Ночь туманомъ зимнимъ
 черной каплей—
 слезой холодной
 дробила нѣжность аромата
 цвѣтовъ поблеклыхъ.
 Предпраздничная тишь
 и выжиданье
 стояли, затаивъ дыханье,
 на сторожѣ
 часовъ бѣгущихъ.

Отче пришелъ часъ,
прославь сына Твоего,
да и Сынъ Твой
прославить Тебя...

Оружіемъ, толпа, бряцаю,
залитая ворчливымъ свѣтомъ
святильниковъ дымящихъ,
ворами крадется
за стынуцій Кедронъ
къ аллеямъ никлымъ,
впивающимъ страданье
неотвратимой Чаши...
Съ горящимъ взоромъ ожиданья,
такъ къ сыну мать,
алканье къ звону,
къ Христу подходитъ
Іуда вѣрный.
И, припадая къ устамъ любимымъ,
любви устами
путь открываетъ
къ побѣдѣ горней...

«Равви! Равви!»

Покорнымъ звѣремъ
и кровожаднымъ
толпа свой кругъ
непроходимый кружить...
Поетъ бряцанье,
чадь чернится,
тѣла смыкая,
слѣды ровня
шаговъ спѣшущихъ.

Пѣтухъ трикраты возвѣстилъ
зарю ненастья.
Раздумныя пробрались облака
по сѣти сѣрой
на тронъ разрушенный восхода.
И бѣлый свѣтъ мелькнулъ
и сталъ разсѣваться

по небу,
по землѣ,
всѣ тайные углы свѣта
и раздирая слипшіеся рты
сонливой совѣсти.
Огни костровъ, старѣя, меркнутъ.
и Петръ ушелъ отъ Каіафы,
въ тѣняхъ презрѣнья,
униженно-согбенный,
цѣпляющимъ раскаяньемъ
адрываясь.
Послушная толпа
избитаго Христа
къ Пилату повела.

«Равви! Равви!»

Одинъ Іуда...
Съ тоскою страшной,
страшнѣе пытки.
Бѣлый свѣтъ
точить,
точить
душу.
Разсвѣтъ не посулить,
разсвѣтъ лишь распахнетъ Ничто
Рая.
О, зготъ свѣтъ точащій!

уда проглядѣлъ глаза
искалъ узрѣть сіянье,
ночь разсвѣчалъ
и въ тишинѣ дрожащей,
впивая Пѣсней Пѣснь,
внималъ своей мечтѣ.
Распято время.
Распластаны его движенья...
«Бѣгите! бѣгите мгновенья!»
Завѣсу распахните
— хотъ на каплю,—
— хотъ на песчинку—

Зажгите солнце новое!»

Мозгъ свинцовымъ плавомъ
повисъ и давить черепъ.
Змѣиными клубками
душать думы сердце,
Однѣ...

— Распни! Распни!

Иуда задохнулся.
Подъ вѣрнымъ левіемъ
гремящей правды...
«—умреть—
—сгніеть—
--Иудѣ равенъ—
въ немъ человѣкъ посѣянъ.
И человѣка предалъ человѣкъ».

-- Распни! Распни!

«Дай отвѣтъ мнѣ, Іегова!
Ты подымалъ меня
на облака Синая,
и Новую скрижаль
изъ молній высѣкалъ
и путь громами устилалъ
сквозь ады мукъ...
вель — —»

Иуда, какъ дитя больное.
Безпомощно заныли руки:
обмана просятъ.
Унизаны воспоминаньемъ,
гирляндами любви повиты,
любви низвергнутой,
ревнивой о любви...

«Я именемъ Твоимъ изгналъ бѣсовъ .
—умреть—
—сгніеть--»

Тяжелыми комками

распалось сердце.
Непоправимое вползло,
загрызло...
Понурилась душа.
Безумье тихое
неслышно пригвоздило
къ кресту позора.

Ползкомъ проползъ
къ старѣйшинамъ Іуда.
И полумертвыми словами
въ тоскѣ кромѣшной
передъ презрѣнными презрѣнный
раскаялся:
«Согрѣшилъ я,
предавъ кровь Невиннаго»...

И, бросивъ сребренники въ храмъ.
бсздомный,
разрушенный до тла,
въ послѣднее убѣжище онъ постучался
къ Тебѣ, о мать покинутыхъ.
Смерть.

Я слышу рыданье
поруганной вѣры.
Внимаю лобзанью
изъ вѣрныхъ вѣрнаго
Іуды.

1903 г.

Стр. 185—Дѣйство о Георгіи Храбромъ—Для сочиненія дѣйства пользовался сочиненіями: *А. Кирпичниковъ*, Св. Георгій и Егорій Храбрый, Спб. 1879 г. *Акад. А. Н. Веселовскій*, Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ, Записки Имп. Акад. Наукъ XXXVII т. *А. В. Рустенко*, Легенда о св. Георгіи и Драконѣ, Одесса, 1909 г.

Стихъ о Георгіи—обработка народнаго стиха.

На слова дѣйства написана опера *В. А. Сениловымъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Бѣсовское дѣйство	24
Трагедія о Іудѣ	91
Дѣйство о Георгии Храбромъ	185
Примѣчанія	267